

СОДЕРЖАНІЕ.

Сентябрь, 1884 г.

I	СМѢНА НАРОДНОСТЕЙ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ. (Историко-этнографическія замѣтки). (Продолженіе). Ир. Житецкаго.	стр. 1
II	ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЗАНОРОЖСКАГО КОЗАЧЕСТВА. (Окончаніе). П—ви.	27
III	ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ. Н. М.	53
IV	ЗАПИСКИ П. Д. СЕЛЕЦКАГО. (Часть первая) 1821—1846 г. (Конецъ XVI главы и 1-й части)	82
V	СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАГИНА. (Род. 1676 г. ум. 1727 г.). Съ предисловіемъ ум. проф. Ф. А. Терновскаго	104
VI	ЗАНОРОЖСКАЯ РЕЛИЦІЯ О ПОБѢДѢ НАДЪ ТУРЕЦКИМЪ ФЛОТОМЪ ВЪ ДИБРОВСКИХЪ ГИРЛАХЪ.	129
VII	ПРЕДЛОЖЕНІЕ ГЕТМАНА МАЗЕПЫ КІЕВСКОМУ ВОЙТУ И МАГИСТРАТУ 1703 ГОДА. (О не утѣшеніи причта и прихожанъ усненской церкви г. Кіева). Сообщ. М. А. Андреевскій	132
VIII	БИБЛИОГРАФІЯ. а) Н. Н. Костомаровъ. Эллины Тавриды. Историческая драма въ 5 дѣйствіяхъ. Спб. 1884 г.— В. Г—ко. —б) Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украйнѣ XVIII в. (полтавской губерніи). Н. Лучинскій. Кіевъ. 1884 г.— Дж. Бамалля. —в) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 40-й. Спб. 1884 г.— П. Голубовскаго. —г) Фундуши и стипендіи виленскаго учебнаго округа. Справочное пособіе. Сост. Н. Ювидій. Ч. 1. Выпускъ первый, Вильна. 1884 г.	137
IX	ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Краткія свѣдѣнія къ біографіи Владимира Лукича Боровиковскаго. — Ив. Боровиковскаго. —б) Открытіе древнихъ мозаикъ въ главномъ куполѣ кіево-софійскаго собора.— П. Д—ва. —в) Орывочныя замѣтки о запорожской старинѣ.— А—ва. —Изъ воспоминаній священника о жизни и службѣ въ военномъ поселеніи.— Св. Пр. Павловича. —г) Везивій грѣшникъ. (Сказка).—Сообщ. Миз. Васильевъ. —д) Попрака къ надписи на иконѣ въ селѣ Жухахъ.—Сообщ. В. Е. Буцневичъ. —е) Мѣры противъ вечерницъ и кулачныхъ боевъ въ Малороссіи.—(общ. А. Маркевичъ. —ж) Къ портрету Ипатія Потѣя, кіевского уніатскаго митрополита	155
X	ДНЕВНИКЪ НИКОЛАЯ ХАВЕНКА (1727—1753 г.). Съ предисловіемъ и поясненіями А. М. Лазаревскаго. (Приложеніе)	81—96
	ПРИЛОЖЕНІЕ.—Портретъ Ипатія Потѣя, кіевского уніатскаго митрополита.	

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1884 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 и 1883 гг. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ

ТОМЪ X.

СЕНТЯВРЪ.

1884 г.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 11-го августа 1884 года.

Hieronim Pociej

Wielki Kanonik Brzeski, Sileskiego Biskup Włodzimierski i Brzeski, później
Metropolitą Sijenski i Małki Delegowany w R. 1595 do Rzymu za klemensca
III. Wyjechał dla odnowienia z rękawicy jedności z Kościołem Rzymskim
Katolickim, zmarł w Panu Roku 1615, dnia 8 Lipca

Смѣна народностей въ южной Россіи.

(Историко-этнографическія замѣтки).

(Продолженіе).

ГЛАВА 4-я.

Литовско-польскій періодъ въ исторіи южной Россіи.

Со второй четверти XIV ст. начался поворотъ въ жизни южно-русскаго населенія подъ вліяніемъ завладѣнія страной литовцами. Окрѣпшіе въ политической борьбѣ съ прибалтійскими нѣмцами и отбѣсняемые послѣдними все болѣе и болѣе отъ морскаго побережья, литовцы обратились на востокъ—въ области древнихъ кривичей, и на югъ—въ предѣлы южной Руси, и скоро сравнительно завладѣли ея территоріей: къ концу XIV в. вся обитаемая южно-руссами территорія была уже въ политической зависимости отъ нихъ. Первое слѣдствіе подчиненія южно-русской территоріи литовцамъ выразилось въ изолированіи ея: съ XIV ст. *южная Русь окончательно отдѣлилась отъ сѣверной* и начала существовать, какъ провинція »Великаго Княжества Литовскаго». Благодаря измѣнившейся политической судьбѣ страны, создается опять иная обстановка для этнологическаго роста кореннаго населенія. Вліянію ея должно приписать: 1) феодализацию землевладѣнія въ южной Руси въ литовскій періодъ, 2) преобладаніе милитарныхъ мотивовъ въ политической ея жизни это время, 3) направленіе колонизаціи южнорусской въ этотъ-же періодъ и 4) *сословное распределеніе кореннаго населенія.*

Въ разсматриваемый нами періодъ территорія южной Руси дѣлается достояніемъ »великаго литовскаго князя«, какъ представителя завоевателей, и въ идеѣ это право на всё земли сохраняется даже до второй половины XVI ст. Часть земель непосредственно отъ князей передавалась въ распоряженіе эксплуатирующаго ихъ населенія, главнымъ образомъ *сельскихъ жителей*, которые, проживая на княжескихъ земляхъ, назывались »люди господарскіе«: »волостные« или »тяглые«, а также »служилые люди«, »замковые«, и за владѣніе поземельною собственностью обязаны были натуральною службою: поставляли для княжескихъ пословъ и гонцовъ лошадей, производили издѣльную повинность »на потребу князя«), кромѣ того вносили условный чиншъ княжескимъ намѣстникамъ: »воеводамъ, старостамъ, державцамъ, ключникамъ или тивунамъ«, въ видѣ »серебицныи«, »поволовницы«, »дякы«, »подымщины« и пр. Другая часть земель попадала въ распоряженіе эксплуатирующаго личнымъ трудомъ сельскаго или городского населенія, переходя предварительно черезъ цѣлыя разряды посредниковъ, начиная владѣтельнымъ княземъ и кончая живущимъ на чужой землѣ сельскимъ обывателемъ, при чемъ отношенія между сопредѣльными разрядами были почти тождественны съ тѣми, въ какихъ стояли »люди господарскіе« къ князьямъ: каждый низшій разрядъ за пользованіе частью земельной собственности высшаго обязывался, какъ-бы въ замѣнъ послѣдняго, нести по отношенію къ государству условную долю повинностей. Въ концѣ концовъ сельскіе обыватели на владѣльческихъ земляхъ, »люди папскіе« или »землянскіе« по своему соціальному положенію уравнивались съ »людьми господарскими«, съ тѣмъ различіемъ, что, получая фактически земельный участокъ отъ частнаго лица, они, кромѣ отбыванія натурою, вмѣсто хозяина участка, по отношенію къ князю, извѣстныхъ повинностей на равнѣ съ »господарскими людьми«, вносили денежный чиншъ непосредственно владѣльцу участка¹⁾. Въ свою очередь тѣ разряды населенія, черезъ посредство которыхъ земли доходила къ крестьянамъ и въ пользу которыхъ

1) Піводцій, »Очерки исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи въ XV—XVIII ст., стр. 7—15; Вернадскій, »Литовскіе евреи, исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до люблинской уніи, стр., 268, 279 и 294.

отъ послѣднихъ поступалъ чиншъ, послѣ тоже часть повинностей, прежде всего и главнѣе всего *военную*, самую тяжелую въ то безпокойное время. Такимъ образомъ въ литовскій періодъ уже въ XIV ст. устроилась феодальная лѣстница отношеній разныхъ разрядовъ населенія, на верху которой стоялъ князь, а внизу помѣщались сельскіе обыватели двухъ разрядовъ: одни на княжескихъ земляхъ, а другіе на владѣльческихъ. Землевладѣніе, будучи одинаково условнымъ для всѣхъ частныхъ лицъ безъ исключенія, не составляло вмѣстѣ съ тѣмъ ничьей привилегіи¹⁾; не было сначала привилегій и въ другихъ областяхъ: въ политической²⁾, судебной, въ отбываніи повинностей³⁾, по роду занятій⁴⁾ и пр. Сельскіе обыватели или крестьяне, какъ господарскіе, такъ и владѣльческіе, на равнѣ съ князьями, боярами и горожанами, имѣли право отчужденія своего земельного участка въ пользу другого лица съ перенесеніемъ на это лице и отбыванія условныхъ повинностей и даже права имѣть экономически зависимыхъ отъ себя людей, или »закладней«⁵⁾. Различіе между разными разрядами населенія, за исключеніемъ немногочисленнаго сословія вполнѣ безправныхъ рабовъ⁶⁾, сводилось преимущественно къ различію *экономической состоятельности*. Такихъ разрядовъ въ XIV ст., кромѣ удѣльныхъ князей, обыкновенно признаютъ пять: 1) *земляне* — это крупный землевладѣльческій классъ, который получалъ участокъ какъ отъ князей, такъ и отъ частныхъ владѣльцевъ и былъ въ непосредственной зависимости отъ князей; 2) *бояре* — землевладѣльческій классъ, составлявшій по незначительности своихъ земельныхъ участковъ переходъ къ мѣщанскому и крестьянскому разрядамъ; они приписывались по отбыванію повинностей къ господарскимъ замкамъ; 3) *мѣщане* — жители городовъ, въ разрядѣ которыхъ числились и бояре, и дворяне, и собственно мѣщане и посполство; 4) кре-

¹⁾ Новикій, стр. 15.

²⁾ Бернадскій, стр. 289.

³⁾ Такъ, для всѣхъ разрядовъ были напр. такія общія повинности: постройка замковъ, исправленіе мостовъ, подводная повинность, »поволовинная« и пр.—Бернадскій, стр. 289.

⁴⁾ Землевладѣніе, земледѣліе, торговля, ремесла, суда денегъ и пр. отираются каждымъ свободнымъ человѣкомъ по усмотрѣнію. Ibid., стр. 289—291.

⁵⁾ Новикій, стр. 13—15.

⁶⁾ Ibid., стр. 3.

стьяне или >люди господарскіе« и >землянскіе«¹⁾ и б) безправные или рабы—весьма малочисленный классъ населенія²⁾). Но тѣ, сравнительно небольшіе зачатки сословной раздѣльности, которые въ XIV в. видны лишь въ неравенствѣ экономическомъ, въ неоднородности государственныхъ службъ, въ феодальномъ экономическомъ подчиненіи одного разряда населенія другому, а отчасти въ мѣстѣ жительства и въ происхожденіи, постепенно въ теченіи XV в., подъ влияніемъ политическихъ событій, особенно безпрестанныхъ войнъ, торгово-промышленной жизни, а также благодаря ипороднымъ элементамъ, выросли до привилегіи и до сословнаго расчлененія южно-русской народности. Прежде другихъ выдѣлились въ особую сословную группу *юрожане*, которые, въ силу распространявшагося на всѣ главные города южной Россіи магдебургскаго права, объединились изъ прежнихъ отдѣльныхъ разрядовъ городскихъ жителей—мѣщанъ, городскихъ дворянъ и посполства—въ одно >мѣщанское сословіе«³⁾ съ особою административною и судебною юрисдикціей. Затѣмъ повсюду стали выдѣляться земляне въ привилегированный классъ, въ *высшее служилое сословіе*. Начало такому выдѣленію можно усмотрѣть въ пожалованіи князьями за особыя заслуги земель отдѣльнымъ лицамъ въ потомственное владѣніе, черезъ что образовались *вотчинныя имѣнія* (>дѣдина«, >дѣдичина«). Хотя сначала и владѣніе вотчиною ограничивалось правомъ князя запрещать переходъ ея въ другія руки, но со временемъ это ограниченіе исчезло; постепенно число вотчинныхъ имѣній возрастало съ одной стороны на счетъ уменьшенія земель, пожалованныхъ во временное пользованіе, а съ другой и на счетъ земель, находившихся въ распоряженіи князя. При той широкой раздачѣ земель, какая практиковалась въ XIV и XV в., значительное число послѣднихъ отъ князя переходило во владѣніе крупныхъ собственниковъ; явилась необходимость въ ограниченіи права на земельную собственность⁴⁾, и землевладѣніе такимъ образомъ сдѣлалось сос-

¹⁾ Проф. Антоновичъ призываетъ еще третій классъ крестьянъ—>данниковъ«, жившихъ на собственной землѣ.—Кіев. Старина < 1882 г., янв., стр. 29—35.

²⁾ Новоскій, стр. 3.

³⁾ Ibid., стр. 18.

⁴⁾ Въ концѣ XV в. послѣдовало ограниченіе правъ мѣщанъ на землевладѣніе.—Ibid., стр. 10—11.

ловной привилегіей. Понятно, что классъ населенія, къ которому шагъ за шагомъ переходила главная масса поземельной собственности, стремился облить свою землю отъ всякихъ платежей, и это достигнуто было къ началу XVI в., когда была уничтожена »волонщина«, »подымщина« и государственное право на подать перешло къ частнымъ владѣльцамъ¹⁾, что, понятно, поставило »панскихъ« или »земляниныхъ« людей въ большую зависимость отъ послѣднихъ. Къ тому же времени жители на земляхъ частныхъ владѣльцевъ выключены отъ суда княжескихъ урядниковъ переходомъ права суда къ тому же сословію, которому досталась и большая часть княжескихъ земель²⁾.

Такимъ образомъ къ началу XVI в. южно-русское населеніе раскололось на три довольно рѣзко очерченныхъ сословія: 1) привилегированное землевладѣльческое и вмѣстѣ служилос сословіе, которое заключало въ себѣ двѣ группы: князей и паловъ рады и бояръ или шляхту³⁾, 2) мѣщане и 3) крестьяне двухъ категорій: на княжескихъ земляхъ и на частныхъ. Послѣдніе представляли уже полусвободное населеніе, зависѣвшее въ экономическомъ и въ судебно-административномъ отношеніи отъ землевладѣльческаго класса; сословное повышеніе ихъ было ограничено⁴⁾ и свобода перехода отъ одного участка на другой затруднена⁵⁾. Наконецъ былъ еще классъ духовенства, который пополнялся изъ всѣхъ другихъ сословій.

Отмѣчая тѣ особенности этнографическаго характера, какими окрасилась жизнь южно-руссовъ въ періодъ съ XIII по XVI ст., нельзя оставить безъ вниманія *милитаризма населенія*. Южно-русская страна за указанное время представляла арсену безпрерывной войны: татары рѣдкій годъ не посѣщали южной Россіи своими грабительскими набѣгами, при которыхъ сжигались поселенія, захватывался скотъ, уводились въ плѣнъ жители; борьба поляковъ и литовцевъ

1) Новицкій, стр. 19—22.

2) Ibid., стр. 19—22.

3) Бершадскій, стр. 294.

4) Въ земской привилегіи в. кн. Александра отъ 1492 г. установлено было уже, что »плебеи не будутъ повышаемы надъ шляхтой«.—Ibid., стр. 279).

5) По земской привилегіи Казимира Ягеллоновича въ 1457 г. »за выводъ людей у помѣщиковъ всякаго ожидала воевода«.—Бершадскій, стр. 273.

изъ-за обладанія тѣмъ или другимъ вѣточкомъ южно-русской территории съ малыми перерывами велась около двухъ столѣтій; далѣе молдаво-валахи, какъ только объединились въ одно политическое государство, не упускали случая выпускать свои войска на территорию южно-русскую; наконецъ не безопаснѣе было и съ восточными сосѣдями—московскимъ государствомъ и пр. Рѣдкій годъ обходился, чтобы южно-русская страна то въ томъ, то въ другомъ концѣ не должна была или отражать врага, или защищаться; не только развитіе промышленное, торговое и культурное, но и самое существованіе населенія находилось въ постоянной опасности. Въ виду этого значительная часть населенія: »земляне«, бояре и даже горожане принимаютъ военную организацію и даже обязываются въ той или другой формѣ нести военную службу. Такъ »земляне«, получая участки земли или службу, »обязаны были по каждому призыву князя или его намѣстника доставлять съ каждой »службы« одного вооруженнаго воина¹⁾; »бояре«, будучи приписаны къ господарскому замку, за свои участки должны были прежде всего нести военную службу не только полевую, но и гарнизонную въ самой крѣпости²⁾; мѣщане или несли также всякую полевую и гарнизонную службу (»отвѣчали оборону и сторожу«³⁾, или должны были кромѣ того спеціально, по призыву воеводы, ѣздить въ погоню за татарами, держать полевую сторожу на татарскихъ шляхахъ³⁾ (последнее, конечно, относилось къ пограничнымъ городамъ, какъ Кіевъ), такъ что три слоя населенія, уже въ силу требованій власти, принимали характеръ иррегулярнаго войска. Но жизнь шла далѣе и дѣлала воинами и значительную часть крестьянства, особенно обитавшаго въ степной полосѣ и въ сосѣдствѣ съ татарами—это были казаки.

Съ козачествомъ, самымъ важнымъ этнографическимъ явленіемъ времечъ литовцевъ, связанъ вопросъ о колонизаціи. Въ началѣ XIV ст., въ періодъ подчиненія южной Руси литовцамъ, область поселенія южно-руссковъ значительно суживается, сравнительно съ предшествовавшимъ періодомъ. На лѣвой сторонѣ Днѣпра

¹⁾ Антоновичъ, »Кіевъ, его значеніе« и пр., стр. 29.

²⁾ Ibid., стр. 32.

³⁾ Ibid., стр. 31.

южно-русская страна отъ самаго Днѣпра и нижняго теченія Сузы и Сейма, приняла степной характеръ¹⁾ и такую оставалась и въ XV еще вѣкѣ²⁾. Кромѣ части харьковской и полтавской губ.—бассейновъ Пела, Ворсклы и Сейма, все остальное пространство до XV и даже до XVI ст. служило мѣстомъ временныхъ, болѣе или менѣе продолжительныхъ стоянокъ кочевывовъ³⁾; весь курскій край, за исключеніемъ Курска и Рыльска, уцѣлѣвшихъ въ татарщину и позже потомъ явившихся колонизаторами края, оставался въ запустѣніи въ теченіе трехъ столѣтій⁴⁾. На правой сторонѣ Днѣпра южно-русское населеніе не шло дальше Роски⁵⁾: пустыя мѣста граничили съ Каневомъ, Черкасами и Вѣлюк-Церковью, даже въ послѣднее время періода⁶⁾. Херсонская губернія и прилегающія части кievской и кодольской губерній были въ полномъ запустѣніи до конца XIV в.; никакихъ поселеній не было и на побережьѣ моря. Венеціанскіе и генуэзскіе кушцы, плававшіе вдоль сѣвернаго берега Чернаго моря, изъ Константинополя въ Крымъ и къ устью Дона, не встрѣчали никакихъ поселеній на побережьѣ между Днѣстромъ и Днѣпромъ и далѣе до Дона⁷⁾. Далѣе за Днѣ-

¹⁾ Въ 1389 г. въ путешествіи Пилена Воронежскаго край этотъ рисуется такъ: » баше бо пустыня зѣло; не баше бо видѣти тамъ ни града, ни села, ... не бѣ бо видѣти человека, точю пустыня велія и звѣрей множество.—Германовъ, стр. 2.

²⁾ Въ XV в. послѣ венеціанской республики и великаго князя московскаго Іоанна III, ѣздавшіе въ Персію, проѣзжая донскія и воронежскія степи, » не видѣли ничего, кромѣ неба и земли, часто имѣлъ недостатокъ въ водѣ, не находили ни вѣрныхъ дорогъ, ни мостовъ«.—Ibid.

³⁾ »Списки населенныхъ мѣстъ «харьковской и полтавской губерній.

⁴⁾ »Списки населенныхъ мѣстъ «курской губерній.

⁵⁾ Антоновичъ, »Кіевъ, его значеніе« в пр., стр. 6.

⁶⁾ Житяцкій, стр. 287.

⁷⁾ Этимъ и объясняется, почему они даютъ названія некоторымъ пунктамъ по оригинальности флоры.—Врукъ, »Черноморье. Сборникъ изслѣдованій по историческо-географіи южной Россіи«. Ч. 1, стр. 78, 80—81 и др.—Въ 1425 г. бургундскій рыцарь Гильберъ де Лануа проѣхалъ сухимъ путемъ отъ Вѣлгорода (Аккермана) до низовьевъ Днѣпра и въ теченіе этого переѣзда встрѣтилъ только одно татарское поселеніе, неоднократно подвергаясь въ тоже время нападеніямъ то отъ кочующихъ шаекъ, то отъ дикихъ животныхъ, блуждавшихъ въ степи («Списки населенныхъ мѣстъ «харьковской губерній»). Тоже самое представляла и лѣво-бережная Новороссія (Ритгинъ, 176 стр.).

стромъ, въ теперешней Бессарабіи и Буковинѣ, южно-руссѣ вытѣсняются въ XIV ст. молдаво-валахами¹⁾). Даже на сѣверо-западѣ около XIV в. южно-руссѣ потеряли часть территоріи, которую заняло польское населеніе, именно «ляшское племя подвинулось цѣмного на востокъ, въ ущербъ русскому»²⁾). Съ водвореніемъ литовцевъ въ предѣлахъ южно-руссѣвъ политическія границы южной Руси быстро расширяются, именно на югъ: въ XV в. политическія границы литовскаго княжества достигли Чернаго моря, именно граница шла отъ впаденія Мурахвы въ Днѣстръ, мимо Тегина къ устью Днѣстра, лиманомъ мимо Очакова къ устью Днѣпра, оттуда до Тавани, потомъ къ Овечьимъ Водамъ до верховья, оттуда къ верховьямъ Самары и Оргѣва, до самаго Донца, и отъ Донца по Тихую Сосну³⁾). Конечно, южная Русь въ указанныхъ предѣлахъ не пополнялась населеніемъ въ татаро-литовскій періодъ, и до конца XVI в. значительная часть поворосійскихъ степей, юридически входившая въ составъ литовской Руси, представляла «дикия поля», оставалась безплодной и предоставлена была фактически татарскимъ кочевникамъ; но увеличеніе территоріи имѣло вліяніе на интенсивность южно-русской колонизаціи и на измѣненіе ея направленія. Въ это время можно различить три типа колонизаціи: 1) *дворянско-крестьянскую*, 2) *правительственную (или замковую)* и 3) *свободно-крестьянскую*. Первая имѣла мѣсто главнымъ образомъ съ начала періода (въ XIV в.), хотя и потомъ продолжалась; послѣдняя усиливается къ концу. Общее направленіе колонизаціи въ литовскій періодъ было съ сѣвера на югъ, въ степное пространство, хотя такое направленіе рельефно выразилось лишь въ послѣднемъ типѣ. Дворянская колонизація преобладала въ сѣверной лѣсной полосѣ: въ Черниговщинѣ, Волыни и въ лѣсной части Кіевщины; свободная крестьянская—вообще въ степной полосѣ; то же можно сказать и относительно второй. Первая колонизація шла путемъ раздачи земельныхъ участковъ землянамъ и боярамъ. Обыкновенно ленники, получая отъ удѣльныхъ князей, а позже отъ великихъ князей ли-

¹⁾ Шараневичъ, стр. 185

²⁾ Первольфъ, стр. 205.

³⁾ Такое обозначеніе границъ было произведено въ началѣ второй половины XV в., при кіевскомъ князѣ Семенѣ Александровичѣ (1454—1471г.). — Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, т. II, 1540 г., № 199, стр. 362.

тѣхъ земельныхъ участковъ ›въ службу« или ›вотчину«, вмѣстѣ съ тѣмъ получали дозволеніе ›устроить новое село«¹⁾, а иногда прямо съ обязательствомъ, ›посадить людъ волный, прихожіи«²⁾. Границы земельныхъ участковъ, при тогдашнемъ отсутствіи официальныхъ свѣдѣній, обыкновенно обозначались общими мѣстами—рѣками, лѣсомъ, урочищами и т. п., напр. Василю Корочевскому князь жалуетъ ›Княжюу Луку у Подольской земли, у каменецкомъ повѣтѣ, межи рѣками Морониками до берега Моронки Сенковской, въ лѣсомъ, что зовуть Стрыковъ Рогъ, и съ Куликовыми лѣсками, аже потоля, гдѣ упадетъ Мороника Сенковская у Морохву Великую³⁾«. Получившій земли ставилъ большіе столбы (или кресты) на своемъ участкѣ съ приглашеніемъ поселиться на указанномъ мѣстѣ подѣ известнымъ условіемъ, что называлось тогда ›завывать на слободу«⁴⁾. При свободѣ передвиженія въ ту эпоху крестьянъ, при ихъ безземельи новыя поселенія быстро наполнялись пришлымъ населеніемъ съ разныхъ краевъ, разрастались и нѣкоторыя потомъ переименовывались въ города, хотя перѣдко были случаи и запустѣнія такихъ поселеній, или въ силу разрешенія набѣгами татаръ или же благодаря возникшимъ, по минованіи льготныхъ лѣтъ, платежнымъ тягостямъ отъ владѣльцевъ. Прежде всего были розданы земельные участки въ болѣе спокойной по отношенію внѣшнихъ враговъ и болѣе цѣнной сѣверной лѣсной полосѣ. Земли на Волыни, въ кіево-пнискскомъ Полѣсьѣ и Сѣверцинѣ были розданы уже въ началѣ литовскаго владычества и эти области отмѣчены многочисленнымъ бояро-землянскимъ классомъ⁵⁾; чѣмъ область южнѣе, тѣмъ въ ней позже начинаютъ раз-

¹⁾ Въ 1383 г. великій князь Александръ Витовтъ Кейстутіевичъ далъ ›жалованную грамоту« Василю Корочевскому о дозволеніи ему въ подольской землѣ устроить *новое село* Княжюу Луку.—Акты, относящіяся къ исторіи западной Россіи, т. I, стр. 21.

²⁾ Въ 1496 г. пожалованы были отчины въ стародубскомъ и черниговскомъ повѣтахъ Ивану Глинскому съ условіемъ ›посадить быть людъ волный прихожіи«. — Ibid., стр. 153—154.

³⁾ Ibid., стр. 22.

⁴⁾ Автоповичъ, ›Кіевъ, его значеніе« и пр., стр. 22.

⁵⁾ Напрямѣръ, болѣе выдающіеся землянскіе роды, въ *мозырскомъ повѣтѣ*: Обухи, Балакеры, Еськовичи, Лозки, Костюшковичи, Ленковичи, Служки; въ чер-

даваться земли, но тѣмъ землевладѣльческое населеніе малочисленнѣе¹⁾); но все таки земляне проникли до самыхъ крайнихъ предѣловъ литовскихъ владѣній²⁾).

Колонизація государственная сопровождала по пятамъ разширеніе владѣній литовскаго государства и выражалась въ постройкѣ замковъ, гдѣ поселялся староста или воевода княжескій и гарнизонъ; къ нему-же, какъ уже мы видѣли, приписывались окольные бояре, и въ зависимости отъ замка господарскаго былъ цѣлый повѣтъ; около замка иногда постепенно образовывался городъ. Каждый шагъ завоеванія литовскаго правительства отмѣчался постройкою замковъ. Такъ въ Подоліи, которая въ 1351 г. была отнята у татаръ литовцами и въ которой >въ тотъ часъ не бѣ ни одинъ городъ ни деревомъ рубленый, ни каменемъ будованный³⁾, послѣдніе построили три замка: Сморгичъ, Бакоту и Каменецъ, заселили ихъ и стали управлять⁴⁾. Замки литовскіе были во всей литовской Руси. До половины XV в. замки или староства были слѣдующіе: Лоевъ, Любечъ, Остеръ, Кіевъ, Чернобылъ, Овручъ, Житомиръ, Хмѣльниць, Брацлавъ, Баръ и Каменецъ. Со второй половины XV в. новою тесьюю расширяются на югъ литовскія владѣнія и являются замки: Переяславль, Бѣлян-Церковь, Каневъ, Черкассы, Кременчугъ, Мишуринъ-Рогъ и Винница. Во второй половинѣ пытаются устроить третью линію: Чигиринъ, Звенигородъ и Лисянка. При Витовтѣ литовскіе замки появились и на черноморскомъ побережьи: построена была

нобильскомъ и кіевскомъ: Кмитичи, Проскуры, Горностаи, Сурини, Загореки, Полозовичи, Дашковичи, Тыши, Воловичи, Демши, въ овручскомъ и житомирскомъ: Нежировичи, Дедовичи, Ельци, князья Севскіе, Халескіе, Щеневскіе, князья Капусты, Тышковичи, Стрыбелл, Вороны, Пржеговскіе, Корчевскіе и т. д. — Антоновичъ, «Кіевская Старина», 1882 г., янв., стр. 30.

¹⁾ Напрямѣръ, въ черкасскомъ, каневскомъ, въ южныхъ частяхъ кіевского и житомирскаго землянъ было мало, всего два-три рода, а въ повѣтахъ звенигородскомъ, переяславскомъ землянъ вовсе не было (*ibid.*).

²⁾ Изювецкіе, напрямѣръ, были владѣльцами гавани Хаджибей, гдѣ Одесса (Новицкій, стр. 30); Буцацкии принадлежали поселенія по берегамъ р. Синюхи (>Сл. нас. м. херс. губ.).

³⁾ Спирновъ, «Споръ между Литвою и Польшею о правахъ на Волынь и Подолію», стр. 40.

⁴⁾ *Ibid.*

крѣпость Дашевъ (Очаковъ) и устроена гавань на отнятой у татаръ стоящѣ Хаджибей; при устьѣ Днѣстра противъ генуэзской крѣпости Монкастро (Аккерманъ) воздвигнуть новый литовскій замокъ, а нѣсколько выше по Днѣстру замокъ Тягинь (Бендеры). Сверхъ того упоминаются въ степи замки и крѣпости: Карауль, Гербедевь, Упскъ, слѣды которыхъ и мѣсто не опредѣлены еще¹⁾. Но послѣ крымцы почти все это уничтожили: литовскія замковыя поселенія были отобраны назадъ до Хмѣльника и Винницы²⁾. Въ нѣкоторомъ отношеніи литовскіе замки имѣли значеніе древне-русскихъ городов: околное населеніе въ нихъ укрывалось въ случаѣ набѣговъ татаръ и они служили своими военными средствами для этого населенія и опорными пунктами въ борьбѣ съ кочевниками. Отчасти подъ защитою замковъ происходитъ и крестьянская колонизація въ степяхъ. Въ литовскомъ государствѣ, гдѣ особенно съ XV в., въ силу военной организаціи администраціи и отчасти населенія и въ виду выдѣленія высшаго землевладѣльческаго класса, выступилъ уже на сцену принципъ правительственнаго урегулированія поселеній, ярко выразившійся въ перенесеніи съ правительства на землевладѣльческій классъ правъ по отношенію къ сельскому населенію и въ первыхъ попыткахъ уничтоженія свободы передвиженія, — крестьянская колонизація представлялась своевольной, незаконной, такъ какъ во 1-хъ крестьяне занимали земли, *de jure* принадлежація правительству, и во 2-хъ ускользали отъ обязательныхъ отношеній къ правительству, или его леннику — землевладѣльцу. Но кромѣ послѣдняго обстоятельства, неблагопріятствовавшаго разселенію крестьянъ, колонизація имѣла еще болѣе невыгодныя условія, это сосѣдство съ кочевниками-татарами. Какъ уже мы говорили, сѣверныя части литовской Руси были фактически во владѣніи дворянско-земледѣльческаго населенія, и крестьяне здѣсь, даже при свободѣ передвиженія, въ концѣ концовъ должны были поселиться на частныхъ земляхъ и стать въ обязательныя отношенія, которыя, чѣмъ болѣе уплотнялось населеніе, тѣмъ болѣе становились тягостными; избѣжать этого было можно переселеніемъ въ степную полосу, гдѣ землевладѣльческое населеніе было

¹⁾ Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., янв., стр. 26.

²⁾ Итинскій, стр. 257.

еще незначительно. Но здѣсь оно должно было выдерживать постоянную борьбу съ кочевниками, защищая свое имущество, свой скотъ, жизнь своей семьи и свою собственную. Однако социальнополитическія условія внутри южной Россіи на столько измѣнились въ невыгодную сторону для сельскаго населенія, особенно для жившаго на частныхъ владѣльческихъ земляхъ, что и степи предпочитаютъ. Въ движеніи на югъ играютъ значеніе, конечно, и рѣки, а также и традиція. Свободная крестьянская колонизація идетъ внизъ по Днѣпру до пороговъ, также по Орели, Самарѣ, Ворсклѣ, Тясмину, обоямъ Ингузамъ и далѣе на западъ до Днѣстра. Кромѣ прежде всего занятыхъ староствъ каневского и черкаскаго, заселяется приднѣпровская часть бывшаго переяславскаго княжества, пустыри между Тясминомъ, Спихою и Росью, обширныя пространства, такъ называемыя «грунты уманскій и звенигородскій», области, позже названныя «Брацлавщиной»¹⁾. Сюда стекалось населеніе не только съ прилегающихъ и гуще заселенныхъ мѣстностей, но и со всѣхъ концовъ южно-русской страны: изъ Подлясья, съ береговъ Стыри, Гориня, Зап. Буга, Десны, верховьевъ Днѣпра²⁾, съ польской Руси³⁾. Населеніе разселялось хуторами по побережьямъ рѣкъ и рѣчекъ и ютилось въ степныхъ балкахъ; занятиями его были земледѣліе, пчеловодство (пасѣки), охота, рыболовство; въ число промысловъ входили «угонъ лошадей и захватъ добычи у татаръ»; велась также торговля продуктами этихъ промысловъ⁴⁾. Южно-русское крестьянство, начавшее жизнь въ степной полосѣ самостоятельно, безъ культурнаго, государственнаго и социальнаго давленія правящихъ классовъ, возродило въ своей организаціи старыя общинновѣчевыя привычки, еще не атрофировавшіяся до конца, даже въ бытѣ сельскаго населенія внутри страны⁵⁾, и теперь здѣсь, въ степяхъ, въ виду грознаго врага закладывалась основа новой жизни на старыхъ

¹⁾ Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., янв., стр. 34.

²⁾ Житенскій П., стр. 287; «Сп. нас. м.» екатеринославской губерніи.

³⁾ Szaraniewicz, «Rys wewnętrznych stosunków Galicyi Wschodniej w drugiej połowie XV wieku», Lwów, 1869 г., стр. 75.

⁴⁾ Антоновичъ, «Кіевская Старина» 1882 г., янв., стр. 34.

⁵⁾ Иванышевъ, «О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи», «Сочиненія Иванышева». Кіевъ: 1876 г., стр. 231—299.

началахъ вѣчевой свободы > въ формѣ товариства <¹⁾. По спеціальныя условія народной колонизаціи, т. е. жизнь въ виду постоянной опасности отъ татаръ, наложили на нее своеобразный отпечатокъ, образовавъ изъ крестьянскаго населенія, сбѣжавшагося сюда съ разныхъ концовъ южно-русской земли, *родъ военнаго сословія*, инициативу въ боевой организаціи котораго принимали на себя сосѣдніе литовскіе замки. Крестьянская колонизація, которая сначала была терпима²⁾, въ силу безсилія прекратить ее, потомъ уже признавалась, какъ совершившійся фактъ, и населеніемъ данной мѣстности правительство спѣшило воспользоваться въ борьбѣ съ татарами и въ огражденіи границъ отъ послѣднихъ³⁾. Организаторская роль по отношенію поселенцевъ принадлежала старостамъ хмельнискимъ, брацлавскимъ, вившицкимъ, каневскимъ и черкасскимъ⁴⁾. Такимъ образомъ въ литовскій періодъ въ мѣстностяхъ, гдѣ были литовско-русскіе дворяне и мѣщаве, они приобрѣли характеръ военно-служилыхъ людей, хотя и съ значительнымъ личнымъ имуществомъ правомъ⁵⁾, въ степной-же полосѣ такую военную окраску получило само русское крестьянство, въ видѣ южнорусскаго *> козацтва <*. Вольное козацкое населеніе сдѣлалось передовой стѣной отъ набѣговъ татаръ. Подъ его охраною отчасти и дворянскіе роды переселялись изъ внутреннихъ провинцій, основывали здѣсь свои слободы и наполняли ихъ *> подданными людьми <*⁶⁾.

Трудно, по бѣдности источниковъ, сказать что нибудь определенное объ этнографическомъ составѣ и этнологическихъ измѣненіяхъ въ южно-русскомъ населеніи за время съ XIII по XVI в. Несомнѣнно только, что высшее сословіе страны болѣе другихъ

¹⁾ Жятенкій II, стр. 284.

²⁾ Объ этомъ говорятъ, напримѣръ, жалоба каневцевъ, что переселенцы *> нащутъ, гдѣ хотятъ и сколько хотятъ <*, или что они *> въ каневскихъ уѣздахъ живутъ на мясѣ, на рыбѣ, на меду и сытять себѣ, яко дома <*. Антоновичъ, *» Кіевская Старина <* 1882 г., янв., стр. 33.

³⁾ Ibid., стр. 33—34.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Ефименко, *» Изъ исторіи борьбы малорусскаго народа съ поляками <*, *» Слово <* 1879 г. № 9, стр. 31.

⁶⁾ *» Паденіе шляхетскаго господства въ Украйнѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра, въ XVII ст. <*. Вѣстникъ юго-зап. и запал. Россіи, 1862, іюль, стр. 31.

измѣнилось: приняло въ себя значительное количество инородныхъ элементовъ, получило постепенно узко-сословный характеръ и измѣнило свои типическія особенности.

Литовцы въ завоеванной территоріи южной Руси застали, кромѣ рядоваго сельско-городскаго населенія, еще довольно численное потомство русскихъ удѣльныхъ князей и боярь,—послѣднихъ какъ въ видѣ остатковъ дружиннаго войска, съ которыми русскіе князья ходили по распоряженію монгольскихъ владыкъ¹⁾, такъ и въ видѣ земскихъ боярь²⁾, т. е. осѣвшихъ на опредѣленныхъ, пожалованныхъ князьями земляхъ, напр. въ Болоховской землѣ. И та и другая группа были представители экономически-состоятельнаго разряда южно-русскаго населенія, къ тому же отличены были отъ прочей массы своими военными занятіями и, понятное дѣло, сдѣлались землевладѣльцами при литовскихъ князьяхъ на правахъ ленниковъ, получая то подтвержденіе на свои прежнія вотчины, то новые земельные участки³⁾. Черѣдко было, что южно-руссы переселялись въ предѣлы Литвы и сѣверо-западнаго края и тамъ получали службы⁴⁾. Обратное въ южной Руси, рядомъ съ мѣстными землянами, поселялись (вѣроятно все же, въ преобладающемъ количествѣ) и новые завоеватели изъ литовцевъ — это

¹⁾ Въ 1274 г. *Менагутимерь* (же) далъ ему (Льву) рать, и Ягурчина съ ними воеводу и задѣпрескыи князиви да ему къ помочь, Романа *Дѣбрянскаго* (т. е. «Брянскаго») и сынимъ Олгямъ, и Слѣба князя смоленскаго, и иныхъ князей много, тогда бо бяху вси князи въ воли въ татарскыи... подоша-же съ ними князи пивьени и туловени, и съ ними князи мнози, и всѣ съ «ратью». *Платск. лѣт.*, стр. 568, 575—577; такъ же было въ 1282 года, стр. 585; 1287 г., стр. 591 и др.

²⁾ Костомаровъ, т. XII, стр. 56—57; Сергѣевъ, «Вѣче и князь». Русское государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей, стр. 411—412.

³⁾ Такъ князья Острожскіе, потомки велико-княжескаго дома Владиміра св., владѣли съ 1386 г. княжествами Острожскимъ, Заславскимъ и Коренимъ.—*Автоноповичъ*, «Кіевская Старина», 1882 г., янв., стр. 46.

⁴⁾ Въ 1438 г. перешелъ въ Литву Язловецкій и пожалованъ тамъ рыцарскыя достоинства (Акты, относящіяся къ исторіи западно-русскаго края, т. I. № 57, стр. 80): «Соболевскіе, родомъ пль кіевскаго воеводства, во время смутъ здѣсь перешли въ городенскій повѣтъ, гдѣ они приобрѣли себѣ пльбаи, а въ 1480 г. ихъ потомки получили дворъ близъ Пуци Супральской на Подлясѣ съ

князя Гедиминова рода¹⁾, администраторы княжескихъ земель (воеводы, »державцы«, »старосты«, »тивуны« и пр.) и разнаго рода ленники, которые получали удѣлы, округи, повѣты или земельныя февды, какъ временныя, такъ и вотчинныя въ разныхъ концахъ южно-русской территоріи²⁾: въ Сѣверщинѣ, въ Кіевщинѣ, на Волыни, въ Подоліи и въ Галицкой Руси³⁾, до присоединенія ихъ къ Польшѣ. Совмѣстное проживаниеъ подъ одинакими политическими, социальными и географическими условіями повело ко взаимному сближенію литовскаго и русскаго элементовъ, что выразилось въ принятіи литовцами христіанства, въ установленія родственныхъ связей черезъ браки и пр. Преимущества южно-руссовъ, прожившихъ уже нѣскольکو вѣковъ культурною жизнью, создавшихъ свою литературу, выдѣлвавшихъ изъ себя образованное духовенство и княжеско-боярскій классъ, сказались въ постепенномъ утрачиваніи своихъ національныхъ оригинальностей⁴⁾ литовцами, народомъ, едва выбившимся изъ формъ первобытнаго проживания: литовцевъ-завоевателей постигла судьба, аналогичная съ лѣтописными варяжскими

Ходкевича (Археографическій сборникъ, т. VII, стр. 57). »При Гедимнѣ, говоритъ Шараневичъ, »многіе русскіе духовніи, учитель, художники переселялись до Литвы и ширяли греческую вѣру, языкъ русскій, просвѣщеніе и искусство«. — Шараневичъ, стр. 134.

¹⁾ »Такъ родъ Любартовичей, нѣвншіи удѣлы въ Сѣверщинѣ и въ галицкой Руси—Теодоръ, Деметрій, Агрипина и Анастасія—далъ отъ себя численное потомство, изъ котораго, между прочимъ, произошли роды князей Сангушко, Ковельскихъ и Казирскихъ; родъ Олигмутовича (Одельковичей?) оставилъ также поколѣніе; въ Черниговщинѣ князья Чарторыйскіе представляются потомками отъ Константина Ольгердовича, получившіе земельную собственность »на Черниговѣ и Черториску«. На Волыни князья Корцеіе—потомки Деметрія (иначе Бориса) Ольгердовича, надѣленнаго Корцеємъ; въ Подоліи князья Хованскіе—поколѣніе »Теодора, сына Патриого Наримутовича; такого-же литовско-княжескаго происхожденія князья Смоленскіе, владѣтели Смоленска, князья Збаражскіе и Вишневскіе, владѣтели Збаража и Вишневца и пр. (Шараневичъ, стр. 305—306);—родъ Одельковичей, считавшій своею вотчиною кіевскія земли, копильскій удѣлъ на Волыни и слудцій.—Антоновичъ, : Кіевская Старина«, 1882 г., явл., стр. 12—18.

²⁾ Шараневичъ, стр. 306—307.

³⁾ Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи, т. I, стр. 48, 67, 151. 196 т.; II стр. 28, 154 и др.

⁴⁾ Максимовичъ, т. 1, стр. 125.

князьями и дружиною ¹⁾. Рельефно, шагъ за шагомъ, ассимилированіе литовцевъ со славяно-руссами видно на княжеской семьѣ, но это лишь потому, что о князьяхъ литовскихъ сохранилось болѣе историческихъ документовъ, чѣмъ объ остальномъ литовскомъ населеніи, ибо несомнѣнно, что то-же происходило и во всѣхъ литовскихъ слояхъ ²⁾, которые, поселившись въ странѣ, пришли въ соприкосновеніе съ южно-руссами. Въ результатѣ получился *высшій классъ населенія* (князья, земяне, бояре) въ южной Россіи, въ который прежде всего вошли элементы двухъ народностей: литовской и славяно-русской, и для котораго сдѣлались общими православная религія, русскій языкъ и русское право ³⁾. Но если славяно-руссы дали этому этнографически сплавному высшему классу населенія указанные признаки, то несомнѣнно, что туда же внесли долю своихъ этнологическихъ свойствъ и литовцы хотя-бы путемъ физиологическаго воздѣйствія на перемѣну физическихъ и нравственныхъ чертъ въ типѣ. Кромѣ этого не нужно забывать еще и другихъ этнографическихъ элементовъ, вошедшихъ въ организмъ высшаго южно-русскаго сословія, именно: западно-русскихъ, сѣверно-русскихъ, татарскихъ, нѣмецкихъ, еврейскихъ и пр. Литовцы были завоевателями не одной южной Руси, но вмѣстѣ, и даже прежде западной—кривичско-дреговической страны; западно-русскія области первыми подчинились литовцамъ и стояли въ ближайшемъ соприкосновеніи съ центральными литовскими областями. Не слѣдуетъ также забывать и того обстоятельства, что западно-русскія области, особенно-же псковскія и новгородскія, менѣе всѣхъ пострадали отъ монгольскаго владычества и болѣе сохранили свое население на старыхъ мѣстахъ, и, можно думать, съ менѣе измѣненными своими бытовыми формами ⁴⁾. Въ стираниіи особенностей

¹⁾ Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношенія къ Россіи и къ Польшѣ, Спб. 1865 г., стр. XXXIV.

²⁾ Первольфъ, стр. 17.

³⁾ Антоновичъ, »Исторія велик. литов. княжества«, стр. 156; Житцкій П., стр. 279—280; »Документы« и пр., стр. XXVIII—XXIX.

⁴⁾ Извѣстно, напр., что черты новгородскаго говора и до нашего времени сохранили болѣе сходства съ южно-русскимъ языкомъ и съ древне-русскимъ, чѣмъ какой-нибудь другой говоръ или языкъ въ Россіи.—Лавровскій, »Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчій малорусскаго«.

литовскаго народа, въ видѣ-ли проведенія въ среду его христіанства, или въ видѣ пріученія его къ славяно-русскому языку, принимало участіе и западно-русское населеніе, и такимъ образомъ на вновь формировавшійся литовско-русскій типъ накладывало и свои западно-русскія особенности. Вліяніе западно-русскаго населенія, какъ и обратно южной Россіи на литовцевъ, не могло ограничиваться своею территоріей: какъ князья, такъ и разнаго національнаго типа ленники получали удѣлы земельше, » службы « и » вотчины « на разныхъ концахъ великаго княжества литовскаго и постоянно такимъ путемъ перемѣнялись изъ южной Россіи въ сѣверо-западную и обратно ¹⁾. Такимъ образомъ время нахожденія южной Руси подъ властью литовцевъ было періодомъ этнографическаго сближенія южно-русскаго населенія съ западно-русскимъ, по крайней мѣрѣ въ княжеско-землевлдѣльческомъ классѣ; это отразилось рельефно на государственномъ и литературномъ языкѣ литовскаго княжества, который, по мнѣнію г. П. Житецкаго, » не есть цѣльный языкъ съ основными чертами одного какого-либо нарѣчія, а діалектическая смѣсь особенностей южно-русскихъ и бѣлорусскихъ ²⁾. Но и *сѣверно-русская народность*, хотя въ это время и оформилась уже въ отдѣльное московское государство, не осталась безъ вліянія на высшій литовско-русскій классъ. Вліяніе этнологическое сѣверно-руссовъ проникало между прочимъ путемъ взаимныхъ браковъ: такъ извѣстно, что » 16 русскихъ княженъ были въ замужествѣ за князьями литовскими и 15 литовскихъ княженъ были выданы за кня-

¹⁾ Напримѣръ Свидригайло имѣлъ группу преданныхъ себѣ и интересамъ Руси лицъ въ сѣверской и волынской земляхъ и въ своихъ вотчинныхъ удѣлахъ—Витебскѣ и Полоцкѣ (Антоновичъ, » Киевская Старина, « 1882 г., янв. стр. 15). Князь Михаилъ Олельковичъ находился въ Великомъ Новгородѣ въ качествѣ наместника Казимира, куда вызванъ былъ партией Борецкихъ для противообѣдствія полтику Іоанна III; въ 1482 г. онъ является оттуда претендентомъ на Кіевъ, какъ вотчину фамиліи Олельковичей, и, не успѣвши здѣсь, поселяется въ своемъ копельскомъ удѣлѣ (ibid. стр. 20). Такое-же перемѣщеніе несомнѣнно происходило въ средѣ землянъ и бояръ.

²⁾ П. Житецкій, стр. 279—280. По наблюденіямъ того же автора, » бѣлорусскіе элементы рѣзче выступаютъ въ XV в., малорусскихъ больше въ XIV в., не смотря на сравнительно меньшее количество дошедшихъ до насъ актовъ XIV. в. «.

зей русскихъ ¹⁾), а въ числѣ браковъ между семействами литовскаго князя съ одной стороны и съ другой стороны князей южно-русскихъ, западно-русскихъ и сѣверно-русскихъ, преобладаютъ браки съ послѣдними, т. е. съ сѣверно-русскими. Извѣстій о сближеніи литовско-русскихъ землянъ и бояръ съ сѣверно-русскими черезъ браки у насъ нѣтъ, но существуютъ косвенныя указанія, что этнографическое взаимодействіе и близость между высшими сословіями сѣверно-руссовъ и литово-руссовъ несомнѣнно существовали: мы разумѣемъ здѣсь обратившіяся въ обычай, въ силу политическихъ обстоятельствъ, переселенія литово-русскихъ дворянъ въ предѣлы московскаго государства и обратно. Не говоримъ уже о Сѣверцинѣ, гдѣ по нѣсколь- ку разъ перебывали князья Можайскіе, Воротынскіе, Шемяки и пр., то подчиняясь власти великаго княжества литовскаго, то удаляясь въ предѣлы московскаго государства; но подобное явленіе замѣчается и въ центральныхъ мѣстахъ южно-русскихъ: кievскій воевода князь Михаилъ Львовичъ Глинскій, по предкамъ обрусѣвшій въ южной Руси татаринъ, послѣ неудавшейся попытки въ союзѣ съ московскимъ княземъ отторгнуть отъ Литвы нѣкоторыя русскія области, переселился въ предѣлы великаго княжества московскаго вмѣстѣ съ братьями и нѣкоторыми своими сторонниками ²⁾; аналогична и исторія переселенія въ московское государство фамиліи Бѣльскихъ. Обратное, изъ сѣверно русскихъ предѣловъ мы имѣемъ рѣзкіе примѣры переселеній въ южную Русь фамиліи кн. Курб-

¹⁾ Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи 1862 г., № 8, стр. 26. Между прочимъ у Ольгерда Гедеминовича первая супруга была Марья Ярославна, княжна витебская, а вторая Юліанія Александровна, княжна тверская (стр. 19); Любаръ Гедеминовичъ имѣлъ въ первомъ супружествѣ дочь князя владимірскаго на Волини, во второмъ-же дочь Константина Острожскаго (стр. 20); Корбутъ Ольгердовичъ -- дочь князя разавскаго Александра (стр. 21); Длинный Ольгердовичъ жепать былъ на Маріи Васильевнѣ, дочери Дмитрія Иоанновича Донскаго, великаго князя московскаго; Свдригайло Ольгердовичъ на дочери князя тверскаго, Александрѣ Коріатовичъ на дочери Семіона Иоанновича Гордаго, великаго князя московскаго (21); Омелько (Александръ) Владиміровичъ, князь копельскій и воевода кievскій былъ жепать на Анастасіи, дочери великаго князя московскаго Василія Дмитріевича (Автоновичъ, »Кіевская Старина«, стр. 17). И обратно: литовскія княжны были за князьями: тверскимъ Дмитріемъ Михайловичемъ Грознымъ Очп, звенигородскимъ — Андрианомъ Титовичемъ, за московскимъ — Симеономъ Ивановичемъ, суздальскимъ — Борисомъ и Константиномъ и т. д. (ibid., стр. 23—25).

²⁾ Антоновичъ, »Кіевская Старина«, 1882 г., янв., стр. 22—25.

скихъ и др. Еще болѣе до насъ дошло случаевъ ассимилированія съ литовско-русскимъ высшимъ классомъ татарскихъ элементовъ. Кромѣ уже упомянутой фамиліи Глицкихъ, потомки которой переселились въ литовскую Русь и приняли православное крещеніе еще при Витовтѣ¹⁾, можно указать и другіе аналогичные факты: такъ, »въ началѣ XVI в. среди бояръ, приписанныхъ къ мозырскому замку, жила семья Кобызевичей. Родъ Кобызевичей былъ татарскаго происхожденія: предокъ ихъ Кобызь находился въ числѣ татарскихъ плѣнниковъ, поселенныхъ Витовтомъ въ окрестностяхъ Мозыря и приписанныхъ имъ къ числу замковыхъ слугъ. Съ теченіемъ времени Кобызевичи крестились и вошли въ составъ мозырскаго боярства, приобрѣтя незначительную боярскую землю²⁾. Такова-же исторія происхожденія фамиліи Шабловскихъ и др. Извѣстны факты и болѣе массоваго включенія татаръ въ составъ литово-русскаго военно-землевладѣльческаго класса, но мы ограничимся здѣсь ссылкой на Литовскіе Статуты 1566 и 1588 г., въ которыхъ постановляется, что тѣ татарскіе князья, мурзы (улапы), которые владѣютъ земскими владѣніями по пожалованію великихъ князей литовскихъ, уравниваются въ правахъ со шляхтичами³⁾, а такого рода татарскихъ земель мы встрѣчаемъ какъ въ западной Россіи, такъ и въ южной, напр. въ повѣтѣ острожскомъ. Въ архивныхъ документахъ встрѣчаются указанія, что въ среду литовско-русскаго землевладѣльческаго класса входили и евреи, какъ землевладѣльцы, и сливались съ нимъ: Авраамъ Іозефовичъ былъ старостою ковскимъ и солецкимъ, и подскарбіемъ великаго княжества литовскаго, а его братъ, Михаилъ Іозефовичъ возведенъ былъ »со всѣмъ его законнымъ потомствомъ« въ шляхетское достоинство⁴⁾. Съ момента федеральнаго соединенія

1) Ibid., стр. 21.

2) Антоновичъ, »Папы Ходьки«, воротили городскаго самоуправления въ Кіевѣ въ XVI—XVII ст. »Кіевская Старина«, 1882 г., февр., стр. 236.

3) Бернадскій, стр. 292—293.

4) Возводи, по случаю ленной присяги маркграфа Брауенбургскаго, нѣкоторыхъ лицъ въ дворянское достоинство, король литовско-польскій говоритъ въ актѣ, изданномъ по этому поводу: »приняли мы достохвальную и давно признанную доблесть и разнообразныя услуги, многократно оказанныя намъ преславнымъ нѣкогда Авраамомъ Іозефовичемъ, старостою ковскимъ и солецкимъ, подскарбіемъ великаго князя литовскаго; припомнилъ сіе, а также не менѣе важныя и цѣнныя услуги

Литвы съ Польшей въ среду землянь и боярь литовско-русскихъ началъ проникать польскій элементъ, сначала черезъ брачное родство, а позже и путемъ прямого полученія земельныхъ участковъ. Съ XVI в. польскіе дворяне уже преобладаютъ въ южно-русской странѣ и литовско-русскій высшій классъ стоитъ на пути къ рѣшительной ассимиляціи съ поляками. Сословность въ XIV—XV вв. въ южной Руси хотя уже и приобрѣла довольно рѣзкія формы, но былъ еще возможенъ и даже сравнительно легко переходъ какъ снизу вверхъ, такъ и обратно. Напр., по словамъ проф. Антоновича, земляне кievской области тяготѣютъ къ городу, приобретаютъ въ его чертѣ дома, рождаются съ знатными мѣщанскими семействами и нерѣдко переходятъ въ мѣщанское сословіе, и обратно—встрѣчаемъ частые случаи, когда богатые мѣщане приобретаютъ куплею или на основаніи княжеской жалованной грамоты земли и «службы» и становятся въ ряды землянь; встрѣчаются такіе роды: Крикуновичи, Кривицкіе, Шувалы, Меленковичи, которые поочередно, то въ качествѣ землянь, то въ рядахъ кievскаго мѣщанства. Аналогичное сословное смѣшеніе было и въ другихъ областяхъ литовской Руси: такъ напр., въ 1438 г., выходя изъ Сѣверской земли, Тимошей Богунъ причисленъ къ «хоруговой шляхтѣ»¹⁾, и обратно, нѣкоторые изъ семействъ Кобозычей, боярь мозырскихъ, спустились въ ряды мѣщанъ подъ фамиліей Фець и Ходыковъ²⁾. Такимъ путемъ взаимной, между-сословной диффузіи литовскіе элементы попадали и въ среду южно-русскаго мѣщанства; были и прямыя поселенія литовцевъ въ городахъ среди мѣщанъ, даже въ селахъ среди южно-русскаго крестьянства; поселившіеся слились потомъ съ туземцами³⁾; также слились и другіе инородческіе элементы.

Слѣдовательно, мы чужды мысли, что литовско-русскій высшій классъ, по своей этнографической организаціи, окончательно выдѣ-

достоянаго мужа Михаила Іозефовича, еврея, нашего брестскаго мытника, роднаго брата своего Авраама Іозефовича, властью нашею возводимъ въ шляхетское достоинство со всѣмъ его законнымъ потомствомъ. Бершадскій, стр. 368.

¹⁾ Антоновичъ, «Кievская Старина», 1882 г., февр., стр. 38.

²⁾ Акты, относящіяся къ исторіи западной Руси, т. I, № 37, стр. 50.

³⁾ Антоновичъ «Кievская Старина», 1882 г., февр., стр. 236 и пр.

⁴⁾ Шараневичъ, стр. 253.

лился изъ остального населенія: мы признаемъ только за несомнѣнный фактъ, что этотъ разрядъ южно-русскаго населенія въ разсматриваемое время заключалъ въ себѣ разнородные этнографическіе элементы, что эти послѣдніе не стояли изолированно, а объединялись религіей, языкомъ, правомъ и бытовымъ устройствомъ, что наконецъ разнородныхъ этнографическихкихъ элементовъ въ литовско-русскомъ высшемъ классѣ было въ процентномъ отношеніи гораздо болѣе, чѣмъ въ прочемъ населеніи того времени. Нужно также принять во вниманіе и то, что неодинаковые элементы преобладали въ литовско-русскомъ высшемъ классѣ и въ прочемъ южно-русскомъ населеніи. Такъ въ первомъ, кромѣ западно-руссовъ, преобладали литовцы, а съ XVI в. поляки, именно тѣ этнографическіе элементы, какиихъ мѣше всего ассимилировалось съ сельскимъ и городскимъ населеніемъ южно-руссовъ обѣихъ половинъ. Въ подобныхъ свойствахъ этнографической розни, вмѣстѣ съ политико-экономическою ролью литовско-русскаго (земляно-боярскаго) высшаго сословія, нельзя не видѣть уже начала этнографическаго отпаденія его отъ рядовой южно-русской массы.

Указанная группировка южно-русскихъ обитателей не относится ко всей заселенной территоріи южной Руси, потому что часть ея со второй половины XV в. уже не входила въ составъ великаго княжества литовскаго, именно: Галиція, южная Подолія и Подлясье составляли провинцію польскаго королевства¹⁾ и сословная группировка въ нихъ утвердилась на иныхъ началахъ. Непродолжительное господство литовцевъ надъ Подольей и частью Галиціи не оставило слѣдовъ своего вліянія на сословную организацію славяно-русскаго населенія этихъ областей, и такимъ образомъ переходъ въ польскимъ порядкамъ былъ непосредственно отъ удѣльнаго періода. Особенность галицкой области, сравнительно съ другими частями южной Руси въ XIII ст., заключается въ развитіи боярскаго разряда населенія, т. е. своего рода аристократіи. Въ силу малочисленности княжеской фамиліи въ Галиціи бояре усиливаются до того, что принимаютъ участіе въ верховномъ правленіи страной: ихъ подписи, печати находятся на грамотахъ вмѣстѣ съ княжескими; въ повѣшеніи двухъ Игоревичей бояре простираютъ

¹⁾ Смирновъ, стр. 181, 182.

свою силу до суда надъ князьями и т. д. Въ рукахъ галицкихъ бояръ сосредоточивается власть военная, административная и финансовая. Но галицкая боярская аристократія имѣла то существенное отличіе, что она не владѣла земельною собственностью на правѣ захвата, какъ это было у западно-европейской аристократіи. Остальное население галицко-подольскихъ областей имѣло общіе признаки съ населеніемъ всей южно-русской территоріи: люди различались »по состоянію и по степени того вліянія, какое по своему положенію оказывали одни на другихъ¹⁾, а также по занятіямъ: были, кромѣ бояръ, купцы, духовенство и крестьяне, которые составляли »весь нижній классъ народонаселенія, т. е. всё не бояре, не духовенство и не купцы«²⁾).

Съ появленія польской власти и польскаго населенія въ предѣлахъ Галиціи начались измѣненія въ соціально-бытовомъ устройствѣ южно-русскаго населенія и быстрыми шагами пошло сословное расчлененіе населенія: въ отношеніи склопности къ нивелированію инороднаго населенія по своему уровню поляки представляютъ рѣзкій образецъ, какъ по пастойчивости, такъ и по цѣлесообразности выбираемыхъ средствъ и по послѣдовательности ихъ примѣненія. Прежде всего вся территорія была распредѣлена между польскими дворянами и русскими боярами съ одной стороны и городами, получившими магдебургскія права съ другой.

Короли обыкновенно раздавали отдѣльныя села и цѣлыя повѣты; землевладѣльцы, вмѣстѣ съ правомъ основать новыя села и города, строятъ замки, получаютъ въ свое владѣніе и всё угоды: лѣса цѣлыхъ повѣтовъ, пуши, поля, рѣки, птиць, рыбу, звѣрей³⁾. Населеніе, не получившее земельныхъ угодій, понятно, стало въ экономическую зависимость отъ землевладѣльческаго класса, который удержалъ на южно-русской территоріи тѣ привилегіи и черты сословной обособленности, какими онъ характеризуется въ Польшѣ уже въ XIV ст., т. е. въ періодъ завладѣнія поляками южной Русью, когда въ Польшѣ были строго отграниченные классы населенія:

¹⁾ Костомаровъ, »Моногр.«, т. II, стр. 55.

²⁾ Бѣлиевъ, »Крестьяне на Русѣ«, второе изданіе, стр. 32; Шарашевичъ, стр. 143—145.

³⁾ Szaraniewicz, »Rys« et caet., стр. 57.

дворяне, мѣщане и крестьяне ¹⁾). Кромѣ того, съ присоединеніемъ южно-русскихъ областей, польская территория значительно расширилась, потребовалось больше рабочей силы, а между тѣмъ явилась сильная эмиграція польскихъ крестьянъ въ южно-русскіе предѣлы ²⁾); для борьбы съ этимъ бѣдствіемъ для землевладѣльческаго класса явились мѣры прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, чего и достигло дворянство, вырвавшее послѣдовательно изъ власти короля законодательство, администрацію, судъ и войско: уже по кошущему договору изъ 12 грошей королевской подати 10 брали себѣ дворяне, а со времени статута Альбрехта (1497 г.) въ теченіи 80 лѣтъ крестьян-

¹⁾ *Дворяне* подраздѣлялись на знатныхъ дворянъ или рыцарей, мелкое дворянство и простолюдиновъ, возведенныхъ въ дворянское достоинство королямъ или какими-нибудь знатныхъ рыцаремъ, были свободны отъ всякихъ государственныхъ повинностей, кромѣ военной службы, которая со времени кошущаго договора (1374 г.) сдѣлалась исключительной привилегіей дворянъ; *мѣщане*, въ числѣ которыхъ преобладали численно и составляли богатый классъ инородца, обязаны были только защищать свои города; *крестьяне* раздѣлялись на 4 разряда: *кметы*, *солтысы*, *вольные люди* и *крѣпостные или рабы*. *Солтысы*—это по преимуществу инородные колонисты, жившіе внѣ городовъ, но пользовавшіеся особымъ «вѣщескимъ правомъ», въ силу котораго каждое солтыское поселеніе имѣло изъ среды своей непосредственнаго пачальника «солтыса» съ властью административною, судебною и полицейскою; солтысы черезъ своего представителя платили десятину на церковь и оброкъ или чиншъ землевладѣльцу, а также участвовала въ военной службѣ, съ освобожденіемъ отъ другихъ государственныхъ повинностей; но постепенно, особенно со времени кошущаго договора, слѣпаются съ кметами. *Кметы* жили на чужихъ земляхъ (королевскихъ, церковныхъ, монастырскихъ и владѣльческихъ) съ обязательствомъ, по праву вѣчной аренды, платить чиншъ въ пользу владѣльца земли или деньгами, или чаще натурою, а иногда и барщивною. На кметахъ кромѣ того лежали всѣ государственныйя тягости; переходъ ихъ съ участка былъ чрезвычайно ограниченъ. *Свободные или вольные люди* жили тоже на чужихъ земляхъ съ платою оброка, но только по временнымъ договорамъ, и занимались преимущественно промыслами по деревнямъ и городамъ—это огородники, мельники, корчмары, пчеловоды (бортняки) и пр. Наконецъ г) *несольники или рабы* были въ полномъ распоряженіи своихъ владѣльцевъ.—Разневскій, «Крестьянское слово» въ Польнѣ», «Русскій Вѣстникъ», 1858 г., № 57.

²⁾ Въ XV в. королевскіе сборщики, прѣзжая за сборомъ податей, находили только не обработанными оставленныя жителями земли.—*Ibidem*.

ское сословіе приводится постепенно къ подданству, такъ что уже напр. въ 1520 г. для всѣхъ крестьянъ и колонистовъ сдѣланъ обязательнымъ одинъ день барщины. Сословныя привилегіи и рамки, созданныя для Польши, дѣйствительно потомъ перенесены были въ польскую Русь, гдѣ завоеватели поляки не только были экономическими владыками, но и стремились насадить свою культуру въ видѣ сословныхъ порядковъ, католической религіи, польскаго языка и пр. При посредствѣ привилегій и собственно-культурнаго вліянія въ теченіи какихъ нибудь 100 лѣтъ южно-русская галицкая аристократія (бояре) сдѣлалась съ польскою, и такимъ образомъ въ русскихъ провинціяхъ Польше еще до XVI в. образуется изъ древнерусскихъ князей и бояръ, съ одной стороны, и изъ польскихъ дворянъ съ другой, особое сословіе—»шляхта«, которая захватываетъ, въ свои руки всю политическую власть и собирается, по словамъ г. Первольфа, на вѣче не вмѣстѣ съ остальнымъ народомъ, а приходитъ одна только на сеймики и на сеймы, постановляетъ законы, выбираетъ судей и другихъ чиновниковъ, наконецъ вмѣстѣ съ польскою шляхтою и короля польскаго ¹⁾.

Одновременно южно-русскіе города польскихъ провинцій наполняются иностранцами, которые устриваются, какъ и въ Польшѣ, по магдебургскому праву, *славяно-русское-же население вытѣсняется въ предместья городовъ и въ большинствѣ исключается отъ пользованія городскими привилегіями* ²⁾. Кромѣ послѣдней части населенія, южно-русссы образовали изъ себя *крестьянское сословіе*, которое приписывается къ помѣщикамъ, несетъ тяжелыя повинности и становится почти въ крѣпостныя отношенія ³⁾; не приписанной

¹⁾ Первольфъ, «Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVII в.». Свѣ. 1874 г., стр. 207.

²⁾ Въ однихъ городахъ выключеніе произошло на томъ основаніи, что магдебургское право дается живущимъ внутри городскихъ стѣнъ (intra parietas), а южно-русссы жили въ предместьяхъ (Шаравевичъ, стр. 197); въ другихъ же городахъ магдебургское право давалось прямо съ оговоркою: »за выключеніемъ сизниатиковъ«.—Ibid., стр. 383 и 384; »Rys stosunk.« et caet., стр. 110 и 111.

³⁾ Scharaniewicz, »Rys« et caet., стр. 117. По Вислицкому статуту крестьянамъ дозволялось выходить изъ земель ихъ помѣщика только въ четырехъ случаяхъ: 1) если помѣщикъ ихъ подвергалъ церковному проклятію; 2) если помѣщикъ выгонялъ ихъ во время голода, 3) если онъ насильно бралъ ихъ женщинъ и 4) если бы за вину помѣщика крестьяне подверглись юридическимъ взысканіямъ и грабежамъ.

къ землѣ помѣщиковъ осталась незначительная часть крестьянъ-солтысовъ, хотя и здѣсь большинство составляли иноземцы колонисты и сверхъ того дѣлалось различіе между католиками и схизматиками. Такимъ образомъ въ XVI ст. съ этнографическими особенностями славяно-русовъ въ польскихъ частяхъ южной Россіи находились только *крестьяне* и *мъщане* въ незначительныхъ городахъ и въ предмѣстьяхъ большихъ городовъ, а также *духовенство* (paraves ruthinicales¹⁾). Все это коренное населеніе занимало въ краѣ зависимое, подчиненное положеніе²⁾, хотя количественно и преобладало.

Политико-географическія обстоятельства поставили польское королевство и великое княжество литовское, два смежныя государства съ разными правящими народностями, польскою и литовскою, и съ одинаковымъ славяно-русскимъ подданнымъ населеніемъ въ южныхъ своихъ частяхъ, въ непосредственныя близкія отношенія, то въ формѣ соединенной борьбы противъ ихъ общаго врага—нѣмецкихъ рыцарей³⁾, тѣснившихъ ихъ съ сѣвера и тѣмъ направлявшихъ ихъ силы на югъ, то въ видѣ взаимной борьбы⁴⁾ за преобладаніе на территоріи южной Руси. Въ результатѣ получилось прежде всего расчлененіе однородной въ этнографическомъ отношеніи южно-русской территоріи на двѣ части; это было *первое раздѣленіе южно-русскаго населенія*, потомъ съ 1386 г. *политическая федерація Литвы и Польши*, какъ первый ясный шагъ сближенія двухъ народностей. Внѣшнія обстоятельства: Москва, татары, а затѣмъ и турки, угрожавшіе независимости Литвы, играли здѣсь не большую роль, чѣмъ соціально-экономическія и религіозно-культурныя причины: обладаніе великимъ культурно-торговымъ днѣпровскимъ путемъ, особенно въ то время, когда днѣстровскій путь, благодаря завоеваніямъ турокъ, терялъ свое торговое значеніе, хозяйничанье въ странѣ, обладающей такими первостепенными тогда

¹⁾ Szaraniew., > Рус < et caet., стр. 33.

²⁾ Русскіе духовные стояли въ зависимости отъ старостъ, когда они жили на королевскихъ земляхъ, или отъ *дѣдичей*, когда жили на частныхъ земляхъ: они наравнѣ съ кметамъ платили новинности (ibid., стр. 69) и иногда подлежали суду дѣдичей и изгонялись послѣдними (ibid., 16).

³⁾ Первольфъ, стр. 13.

⁴⁾ Смирновъ, стр. 155 и др.

предметами торговли и промышленности, какъ лѣсъ, дающій кромѣ дерева, звѣрей, кожи, медъ, воскъ и т. д., и наконецъ расширеніе области католичества, что составляло какъ-бы миссію для Польши на востокъ. Литва отстаивала свою и русскую самостоятельность политическую и этнографическую: противилась соединенію и черезъ то потерѣ политической власти, боролась противъ польскаго землевладѣнія въ краѣ¹⁾, крѣпко стояла за православіе противъ католичества²⁾ и т. д.; но при тогдашнихъ преимуществахъ поляковъ въ стройности политической системы, въ большемъ развитіи торгово-промышленномъ, въ превосходствѣ культурномъ, какъ носителей западно-европейскаго образованія, подчиненіе Литвы, какъ политическое, культурное, такъ и этнографическое было вопросомъ лишь времени. И прежде чѣмъ люблинская унія (1569 г.) положила конецъ политическому господству литовцевъ въ южной Руси и погубила литовскую національность, слѣды польскаго вліянія въ литовской половинѣ южной Руси были уже несомнѣнны въ видѣ присутствія въ краѣ польскихъ землевладѣльцевъ (о чемъ будемъ еще говорить), въ проведеніи сословнаго принципа въ среду литовско-русскаго дворянства и *въ нѣкоторой долѣ ополяченія ея.*

Ир. Житецкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Изъ права имѣть поземельную собственность въ Литвѣ и юго-западной Россіи изъяты были наравнѣ съ другими пріоземцами и поляки. — Смирновъ, стр. 64.

²⁾ Антоновичъ, > Киевская Старина <, 1882 г., янв., стр. 10 и слѣд.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗАПОРОЖСКАГО КОЗАЧЕСТВА.

(Окончаніе) ¹⁾.

Еще въ начальномъ развитіи украиннаго козачества можно прослѣдить особое теченіе, которое привело въ послѣдствіи къ образованію запорожскаго товариства.—Въ 1536 году въ украинскихъ городахъ Черкассахъ и Каневѣ произошелъ бунтъ мѣстнаго населенія противъ старосты тамошняго Василія Тишкевича, назначенаго въ томъ же году на мѣсто Остафія Дашковича ²⁾). Причиной бунта было угнетеніе черкасцевъ и кацевцевъ старостой Тишкевичемъ. Свѣдѣній о подробностяхъ этого бунта не сохранилось. Изъ подробностейъ таковыхъ можно указать лишь на одинъ фактъ, не лишенный нѣкотораго значенія. Отъ 1546 года сохранилась грамота Сигизмунда-Августа, »освобождающая нѣкоторыхъ бояръ черкасскихъ отъ признаннаго судомъ безчестья ³⁾). Изъ этой грамоты видно, что шестеро изъ жителей города Черкасъ, не участвовавшихъ въ бунтѣ 1536 года, просили и получили официальное признаніе ихъ невинности. Если обратимъ вниманіе на имена этихъ шести черкасцевъ, то увидимъ, что только двое изъ нихъ могли быть русскими, остальные четверо—явно инонаціональный элементъ: Берендѣй, Янъ Меликъ-баша, »жидокъ ⁴⁾) Семашко-

¹⁾ См. »Кіевская Старина«, 1884 г., август. кн., стр. 580—613.

²⁾ Максимовичъ, т. I-й, 286 стр.

³⁾ Акты южной и западной Россіи, т. II, № 127.

⁴⁾ Подлинное выраженіе грамоты.

вичь съ братомъ Познякомъ, Васька Ремень и Ивапъ Зубринъ¹⁾. Чѣмъ окончился этотъ первый бунтъ украинскаго населенія, неизвѣстно. Есть только указаніе мелькомъ, что черкасцевъ и каневцевъ >его королевская милость знашоль виновныхъ и велѣлъ ихъ за то скарати<²⁾. Тѣмъ не менѣе Тишкевичъ былъ устранень, а на его мѣсто назначень нѣкій Япъ Пенько. Но и на нового старосту черкасцы и каневцы жаловались, что опъ >кривды великіе и утиски чинить и новини вводитъ<. По этому случаю прїѣзжалъ въ Черкасы въ 1539 году кїевскій восвода Немировичъ и пытался уладить дѣло уставною грамотою; она даетъ возможность опредѣлить размѣры угнетенія черкасцевъ и каневцевъ. Эти послѣдніе жаловались, что Пенько обязывалъ ихъ поставлять городовую стражу, каковую повинность, по ихъ заявленію, исполняли прежде >башники<. Жаловались на то, что Пенько принуждалъ ихъ сѣно косить и дрова возить въ его пользу, чего прежде >они не робливали<. Жаловались также на то, что запрещалъ Пенько медъ возить въ Кїевъ на продажу и бобровъ ловить >заборонялъ<, обязывая ихъ половину улова давать ему, тогда какъ прежде каждая партія бобровыхъ промышленниковъ изъ всего улова только одного бобра >давала на городъ<. Отнялъ Пенько, по жалобѣ, тѣ лови (рыбныя), которые имъ >пань кїевскій< далъ, запрещалъ безъ его вѣдома и безъ предварительно-условленной съ нимъ >выти< рыбу ловить и продавать. Жаловались черкасцы еще на то, что староста, если кто нибудь изъ нихъ умиралъ или попадалъ въ полонъ къ татарамъ, половину имущества выбывшаго бралъ >на себя и порогъ

¹⁾ Безотносительно неважный фактъ изолированнаго положенія этихъ шестерыхъ бояръ черкасскихъ, изъ которыхъ четверо несомнѣнно были пришлецами, отбѣяется и получаетъ особый смыслъ, если обратить вниманіе на рознь, проявляющуюся впоследствии между украиннымъ населеніемъ, и во время козацкихъ войнъ съ Польшею, и въ пору гетманщины. Эта рознь своихъ между своими, красною нитью прошедшая черезъ всю исторію Украины, началась очень давно; присутствіе внациональныхъ элементовъ, не переработанныхъ еще народною жизнью и такъ замѣтно выдѣляющихся въ указанномъ фактѣ, по всей вѣроятности и было органическимъ основаніемъ этой розни и въ ряду другихъ причинъ обуславливало отсутствіе системы какъ въ дѣйствіяхъ, такъ и въ возрѣвіяхъ былой Украины.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, т. II-й, № 127.

ихъ звѣчный мещанскій, на имя Звонецъ, на Двѣрѣ, отнялъ. Тяготились черкасцы тѣмъ, что староста коляды бралъ съ нихъ по 12 грошей, вмѣсто прежнихъ 6-ти, что подводы забиралъ у нихъ «подъ слуги и подъ речи свои»; стѣснены они были наконецъ тѣмъ, что нѣкоторые мѣщане за старосту «позакладывались» и никакихъ повинностей «стародавнихъ» не хотѣли вести съ ними¹⁾.

Весьма любопытно рѣшеніе Немировича, постановленное имъ по поводу жалобы черкасцевъ. Оно характеризуетъ нѣкоторыя стороны экономическаго быта украинскаго населенія въ ту пору, когда среди него начало развиваться козачество; а между тѣмъ извѣстно, что экономическій въ Украйнѣ гнетъ, содѣйствуя развитію козачества, послужилъ однимъ изъ главнѣйшихъ стимуловъ къ грянувшимъ черезъ полъ столѣтія съ небольшимъ кровавымъ козацкимъ войнамъ. Приведемъ послѣдовательно одинъ за другимъ пункты рѣшенія Немировича.

1) Стража города должна была быть наемная. «Мѣщане и все посполство, и вдовы мѣста черкаскаго, и люди князскіе и панскіе, и духовенство должны были дѣлать взносъ на содержаніе городской стражи хлѣбомъ, количество котораго зависѣло отъ числа людей во дворѣ; сверхъ этого всякій, который «ѣлъ свой хлѣбъ», долженъ былъ давать по два гроша.

2) Мѣщане должны были поставлять дневную сторожу «на свирню» (?), а ночную къ городскимъ воротамъ во все время года, за исключеніемъ зимы, когда они были свободны отъ этой повинности.

3) «Сѣна косить, дровъ возить (мѣщане) не мають; одно мають—по возу старшинѣ сѣна давати».

4) «Меду возить (для продажи) не мають». Весь медъ они должны были продавать старостѣ по 75 грошей за кадъ, безъ отпущенія къ существующимъ цѣнамъ. За то пасѣки были изъяты отъ всякаго налога.

5) «Кануновъ мають въ каждый годъ осмь сытити», по двѣ кади каждый. Это питье черкасскіе горожане могли готовить въ восемь сроковъ, совпадающихъ съ особенно чтимыми праздниками, какъ Рождество, Пасха, день Николая Ильи и т. д.

¹⁾ Акты западной Россіи, т. II, № 195.

6) За черкасскими горожанами было признано право ходить и ѣздить на ловы по Днѣпру рыбные и бобровые «водлугъ стародавняго обычая». Но въ «уходы», принадлежащія городу, черкасцы могли отправляться, во первыхъ, съ разрѣшенія старосты, и, во вторыхъ, предварительно условившись выдѣлять въ его пользу известную часть улова (выть). Осенью, когда на бобровъ колодки ставились, каждая партія бобровыхъ промышленниковъ кромѣ этого должна была давать по бобру «на городъ».

7) «А который козакъ умретъ, або татарове возьмутъ, а жены и дѣтей не будетъ, ино половину статковъ его маєт староста на городъ взяти, и половину по души дати тому, кому ся онъ поручить».

8) До звонцаго порога старостѣ не касаться.

9) Колядка (податной взносъ передъ Рождествомъ) опредѣлялась въ 6 грошей; деньги могли быть замѣнены лисьимъ или куньимъ мѣхомъ.

10) «Подводу до Канева пану старостѣ мѣщане по два челоуѣка давати мають».

11) Татарскимъ гонцамъ обязаны были давать квартиру (стачію поднимати).

12) Повинности сторожи полевой, водяной и переѣзживающа шляховъ татарскихъ мѣщане, «водлугъ стародавняго обычая», должны были отбывать на ряду съ служебниками старостинными.

Затѣмъ въ уставной грамотѣ по многимъ вѣдимостямъ говорится о части тогдашняго (1539 году) сословія козаковъ, о черкасскихъ служебникахъ, т. е. лицахъ, несущихъ военную службу, изъ которыхъ одни имѣли «вызваленные листы» отъ короля, а другіе отъ кievскаго воеводы. И тѣ и другіе «не повинны зъ мѣстомъ (т. е. жителями города) тягнуги, а ни платовъ мѣстскихъ платити». Обязанностію ихъ было только «служить конную службу» при старостѣ да ремонтировать городскія укрѣпленія. На содержаніе городской стражи они обязаны были давать только по грошу и по четверти ржи. Если же кто изъ этихъ служебниковъ держалъ пасѣки и пользовался городскими землями («уходы местскіе»), тотъ долженъ былъ участвовать въ городскихъ повинностяхъ.—Въ социальномъ положеніи этихъ служебниковъ и козаковъ, о которыхъ говорено раньше, на основаніи данныхъ и

»описаній украинныхъ замковъ«, сходно то, что какъ эти служеб-ники, такъ и козаки состоятъ при старостѣ. Эти конно служатъ при немъ, а тѣ даже рыбу ловятъ въ его пользу въ городскихъ озерахъ. Еще болѣе сближаетъ служебниковъ »Уставной грамоты« и козаковъ »Описанія украинныхъ замковъ« то обстоятельство, что какъ служебники отбываютъ всякія городскія повинности только въ томъ случаѣ, если они пользуются городскими уходами, такъ и козаки не были свободны отъ этихъ повинностей только тогда, когда отправлялись »въ козацтво на поле« или внизъ по Днѣпру, т. е. другими словами, если пользовались тѣми-же уходами. Если и есть пункты различія между служебниками 1539 года и козаками 1552, то нужно принимать въ расчетъ промежутокъ времени въ 13 лѣтъ,—промежутокъ, правда, не большой, но тѣмъ не менѣе достаточнымъ оказавшійся, что бы за это время положеніе мѣщанъ, какъ увидимъ ниже, въ значительной степени измѣнилось. Такое измѣненіе можно допускать и въ положеніи служебниковъ »Уставной грамоты«. Эти служебники, въ числѣ которыхъ есть пріѣзжие изъ другихъ мѣстъ, конно служатъ при старостѣ, ремонтируютъ городскія укрѣпленія, даютъ налогъ для городской стражи. Козаки »Описанія украинныхъ замковъ«, также не осѣдлый элементъ, состоятъ и при старостѣ (они для старосты ловили рыбу въ городскихъ озерахъ), но служатъ также мѣщанамъ и боярамъ; объ обязанности козаковъ ремонтировать городскія укрѣпленія и платить налогъ для содержанія городской стражи въ »Описаніи украинныхъ замковъ« уже не говорится, но говорится, что козаки платятъ »волядку« и косятъ сѣно въ пользу старосты. Это такіе пункты, которые какъ будто различаютъ служебниковъ и козаковъ, но различіе это касается только статей повинности и потому не существенно. Служебники »Уставной грамоты«, очень можетъ быть, и есть тотъ »почетъ служебниковъ старостинныхъ« изъ 50 пріѣзжихъ молодцевъ и 11 служащихъ старостѣ »съ дѣтку«, о которыхъ говорится въ »Описаніи черкаскаго замка и которыхъ, на основаніи указанныхъ выше соображеній, мы склонны также относить къ числу козаковъ.

Хотя въ концѣ концовъ уставная грамота и давала ручательство, что служебники старостины ни сѣна у нихъ не будутъ брать, ни другихъ какихъ нибудь »еривдѣ и шкодѣ чинить«, и хотя самыя

пункты уставной грамоты» яко панъ староста черкасскій, такъ тежъ мѣщане черкасскіе и ихъ потомки звали на вѣчные часы промежду себя держати«, однако около 1552 г. отношеніе мѣщанъ къ старостѣ регулировалось совсѣмъ не этими пунктами. Изъ описанія черкаскаго замка видно, что тамошніе мѣщане вмѣстѣ съ боярами »повинни служить конно, збройно и ѣздить съ старостою или съ его служебниками противъ людей непріятельскихъ и въ погоню за ними«. Даже, еслибы и слуху не было о татарахъ, то для осторожности »повинни ѣздить съ старостою, або съ слугами (его) разъ, два и три на лѣто«. Тѣ мѣщане, которые дѣлали взносы на замокъ и »на подыимованье« (т. е. для снаряженія отрядовъ, отправляющихся въ степь), обязаны были выступать въ походъ только съ самимъ старостою. Кромѣ отбыванія воинской повинности въ такомъ видѣ, мѣщане черкасскіе обязаны были давать »подводы и стацію посламъ государевымъ и татарскимъ«; сверхъ этого они платили »колядки« по 6 грошей и »сторожовщины« по 2 гроша и давали по возу сѣна »съ дыму«¹⁾. Въ числѣ повинностей черкасскихъ мѣщанъ были еще слѣдующія: »присудъ«, »куница« и повежное«. При всякомъ судебномъ разбирательствѣ въ пользу старосты »присуду« шло 4 гроша, отъ всякой суммы безразлично. Отъ каждой выходящей замужъ дѣвицы »куница« взималась въ размѣрѣ 12 грошей; отъ вдовы, выходящей замужъ, куница требовалась въ 30 грошей. Повежная плата, взимаемая при лишеніи свободы, возрасла съ одного гроша до 12 грошей. Бралось у черкасскихъ мѣщанъ »одно што лешное« и изъ бутывковъ, т. е. добычи, захваченной въ татарскихъ земляхъ. Платили наконецъ черкасскіе мѣщане такъ называемая »мыто и обестку«, если торговали какимъ-нибудь продуктомъ, главнымъ образомъ солью. Мыто—торговая пошлина въ пользу замка была опредѣлена въ 3 гроша, а обестка, плата взимаемая съ торговцевъ, когда они объявляли о своемъ прибытіи въ городъ, шла въ пользу старосты въ размѣрѣ 1-го гроша. Въ наибольшей степени подверглись измѣненію вольности черкасскихъ

¹⁾ Сторожа польная черкасская содержалась при Тямени, на урочищѣ Чигирня, въ 8 мильяхъ отъ замка, на Голомъ Тямени въ 5 мильяхъ, у Сусарева кургана, также въ 5 мильяхъ, на Мостищахъ и у Великаго кургана, въ трехъ мильяхъ, и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ оказывалась надобность.

мѣщанъ. Изъ 32 уходовъ, принадлежавшихъ черкасцамъ по Бореклѣ, Орели, Тясмени, Самарѣ, Ингулахъ, Базалукѣ и инымъ рѣкамъ, въ прежнее время (до 1552 г.) только 5 были въ непосредственномъ обладаніи черкаского старосты; остальными уходами совершенно свободно пользовались черкаскіе мѣщане и бояре, давая только незначительную часть лова (рыбой и бобрами) старостѣ отъ каждой ватаги. Но потомъ черкаскіе старосты стали отдавать «уходы» въ пользованіе населеннымъ, тянувшимъ къ замкамъ кievскому, чернoбыльскому, мозырскому, петриковскому, быховскому, могилевскому и инымъ чужегородцамъ, надѣясь получать съ нихъ большіе сравнительно съ прежнимъ датки, «бо уходники одни передъ другими, опережаячи, повышають, укупаючися». Въ прежнее время каждая ватага уходниковъ, «большая или малая, давала по 30 рыбъ да по осстру, а изъ боброваго улова одного бобра *поклоу*, а другого *городового*, по потомъ старосты пачали брать датки за уходы овсомъ, крупюю, колесами, медомъ, «або якося уможить, то невязьми», а изъ бобровыхъ улововъ уходники, кромѣ двухъ бобровъ отъ ватагъ: *поклоу* и *городового* «водлугъ обычай», должны были давать каждаго седьмого бобра, причемъ староста дѣлалъ самъ, выбиралъ, что хотѣлъ, а остатокъ покупалъ у нихъ по цѣнѣ имъ-же назначаемой, «зъ замку ихъ не выпускаючи». Чтобы стѣснить черкасцевъ и привлечь чужегородцевъ, оцъ изъ пойманныхъ на Поддѣпровыи осетровъ бралъ отъ чужегородцевъ восьмого осстра, а отъ черкасцевъ третьяго. Ограничены были также и права послѣднихъ относительно охоты: прежде «когда по первое поропи староста три дни половить, тогда вже вольно тамъ черкасцамъ, боярамъ и мѣщанамъ, зверь бити ажъ до Дмитріева-жъ дня, а выти жадное съ нихъ не бирано, нижли теперешный староста беретъ тамъ отъ нихъ третее зверя».

Эти повинности черкасцевъ, съ ихъ сословнымъ распредѣленіемъ, можно принять за основу при опредѣленіи отношеній населенниковъ Украйны къ старостамъ и въ остальныхъ украинныхъ городахъ. Существовали, правда, въ этомъ отношеніи нѣкоторыя отличія, зависѣвшія отъ мѣстныхъ условій, но они были незначительны. Норма отношеній населенниковъ при украинныхъ замкахъ къ старостамъ, какъ представителямъ центральной власти въ своихъ районахъ, была одна и таже: вездѣ въ основѣ ся лежала воинская

повинность и постепенно все больше и больше возрастающіе датки въ пользу мѣстной администраціи ¹⁾.

Дополняющимъ основной типъ общественныхъ отношеній въ Украинѣ начала второй половины XVI вѣка можетъ служить подстарство каневское; оно подвѣдомственно было также черкасскому старостѣ, но лежало нѣсколько дальше отъ татарской границы и потому не такъ часто подвергалось татарскимъ нападешямъ. Единственно благодаря этому обстоятельству, въ каневскомъ подстарствѣ встрѣчаются села и сельца; по, имѣя населеніе въ 15, 9, 7, 6 и даже 5 семей, они были жилими только въ лѣтнее время, на зиму-же обитатели ихъ переходили въ каневское укрѣпленіе ²⁾. Жители этихъ сель отбывали всякія городскія повинности на равнѣ съ мѣщанами и »за часовъ потребы противъ людей несприятельскихъ и въ погоню за ними ходили«, если только на этотъ предметъ не давали »податковъ нанамъ своимъ«. Будучи въ большей части выселенцами изъ нынѣшней полтавщины, они пользовались на правахъ »уходниковъ«³⁾ землями, которыя составляли нѣкогда собственность ихъ предковъ. Наравнѣ съ ними землями каневского подстарства въ лѣтнюю пору пользовались каневскіе мѣщане, бояре и козаки, а также выходцы кievскіе, могилевскіе и др., смотря по тому, кому отдавалъ староста »уходы съ выти«.

Всѣ вообще уходники въ каневскихъ земляхъ исключительно занимались пчеловодствомъ, промысломъ бобровымъ и рыбнымъ. звѣриною охотою и ловлею дикихъ коней, а землевладѣнціе было лишь въ зачаткѣ и причиною сего было, между прочимъ, установленіе десятины съ урожая, ибо раньше этого времени запашки мѣщанамъ каневскимъ можно было, по старинному обычаю, производить, гдѣ кто хотѣлъ ⁴⁾.

Въ положеніи украинскаго населенія вообще и украинскаго козачества въ частности со времени соединенія Литвы съ Польшею или такъ называемой люблинской унии (1569 г.) произошла значительная перемена. По мѣрѣ примѣненія къ степной полосѣ въ быв-

¹⁾ Рукопись литовской метрики. Описаніе замка мозырскаго.

²⁾ Такія временныя поселенія были на земляхъ землячъ (село, напримѣръ, Мица) и на земляхъ монастырскихъ (селище напримѣръ Телектинярово, »дашина государева« Остафію Далковичу, переданное отъ него печерскому монастырю.

³⁾ Рукопись литовской метрики. Описаніе каневского замка.

немъ великомъ княжествѣ литовскомъ польскаго государственнаго и общественнаго строя и слѣдовавшаго за нимъ ограниченія земельныхъ правъ и свободы украиннаго населенія, оно съ удвоенною силою устремляется въ ряды козачества; въ свою очередь козачество, подъ вліяніемъ вышнихъ обстоятельствъ и вслѣдствіе накопленія собственной энергіи, вступаетъ въ новую фазу своего развитія и проявляетъ себя съ большею силою внутри и вѣ государстве.

Указанная перемѣна произошла довольно скоро и была прямымъ послѣдствіемъ сліянія двухъ государствъ въ одинъ политическій и общественный организмъ. Плодородныя украинскія земли привлекли къ себѣ новыхъ насельниковъ изъ-внутри Польши. Въ ряду другихъ отраслей мѣстнаго хозяйства земледѣліе вскорѣ приобрѣло преобладающее значеніе, и ближайшей причиною сего было то, что въ польскихъ гаваняхъ при Балтійскомъ морѣ открытъ былъ сбытъ для продуктовъ земледѣлія. Черноземныя украинныя земли быстро поднялись въ цѣнѣ, и шляхтичи Рѣчи Посполитой одинъ передъ другимъ выкраиваютъ для себя у короля обширныя земельныя пространства въ Украинѣ, тѣмъ болѣе привлекательныя, что они уже были до нѣкоторой степени населены и защищены какъ городскимъ украиннымъ населеніемъ, такъ и козаками. Но эти новые колонизаторы привносили съ собою такіе соціальныя и экономическія распорядки, которыхъ не знало дотолѣ мѣстное населеніе. Жившіе доселѣ на волѣ украинныя мѣщане, бояре и козаки за право пользованія землями новыхъ владѣльцевъ должны были нести чрезмѣрныя натуральныя повинности и становиться въ положеніе крѣпостныхъ. Украинное населеніе естественно не хочетъ помириться съ новымъ порядкомъ вещей и избѣгая закрѣпощенія, интенсивнѣе прежняго стремится на низовья Днѣпра для промысловъ въ луговыхъ пространствахъ и поисковъ, съ цѣлію добычи, въ татарскихъ и турецкихъ владѣніяхъ.

Эту все съ большимъ и большимъ напоромъ прибывающую волну украинныхъ насельниковъ на низовья Днѣпра легко прослѣдить по частымъ указаніямъ на козацкія вторженія въ сосѣднія турецкія и татарскія земли и по жалобамъ, предъявляемымъ правительству Рѣчи Посполитой по поводу этихъ вторженій.

Рядъ такихъ вторженій начинается смѣлою попыткою козаковъ посадить претендента изъ своей среды на молдавскій престолъ, судьбою котораго распоряжался могущественный турецкій султанъ. Попытка эта начата въ 1577 году, а искателемъ молдавскаго престола оказался козакованій около этого времени на нзювьяхъ Длѣбра Ивашъ Подкова, по отзыву однихъ ¹⁾ родственникъ одного изъ молдавскихъ господарей, а по другимъ ²⁾ простой хлопъ.

Поводъ къ такому отважному предпріятію данъ былъ постоянною тогда внутри Молдавіи борьбою партій. Нѣсколько молдавскихъ вельможъ, недовольныхъ своимъ господаремъ Петромъ, по прозванію Хромымъ, предложили молдавскій престолъ Подковѣ, а за содѣйствіемъ ему обратился къ кн. Константину Острожскому, воеводѣ кievскому и старостѣ барскому. Но прежде, чѣмъ этотъ послѣдній, могъ спеситься по этому дѣлу съ королемъ, немедленную помощь оказалъ Подковѣ нѣкто Коницкій, популярный между козаками, съ которыми, какъ говоритъ Бѣльскій, онъ обращался около 20 лѣтъ. Сформированный имъ отрядъ козаковъ подъ начальствомъ Шаха вмѣстѣ съ Подковою вторгнулся въ Молдавію; но въ виду несоразмѣрности своихъ силъ съ войскомъ господара Петра козаки отступили. Когда-же число приверженцевъ Подковы въ Молдавіи увеличилось, тотъ-же Шахъ, усиливъ свой отрядъ до 1000 человекъ, проникъ снова въ Молдавію и разбилъ войско Петра; народъ привѣтствовалъ Подкову, какъ своего господара, а преданные ему вельможи объявили его правителемъ Молдавіи. Утвердившись на престолѣ, Подкова роздалъ важныя должности Шаху, Чапѣ и Коницкому; захваченные татарами и преданные туркамъ подданные Рѣчи Посполитой безъ выкупа были отпущены на волю. Пестръ опять было собралъ значительное войско, но былъ снова разбитъ козаками. Между тѣмъ поступокъ Подковы не могъ не поселить неудовольствія между Турціею и Польшею. На своевольство козаковъ еще прежде втораго ихъ похода въ Молдавію жаловался польскому королю Стефану Баторію турецкій чаушъ и Баторій тогда-

1) Bielskiego kronika, стр. 753.

2) Heidenstein. Dzieje Polskiod 1512 do 1597. Переводъ Глицинскаго, С.-Петербургъ. 1857 г., т. I, стр. 285.

же отдать приказъ схватить Подкову, какъ бунтовщика, теперь-же рѣшился помочь его сопернику Петру. Узнавъ объ этомъ, Подкова счелъ за лучшее оставить такъ легко доставшійся ему престолъ и возвратился вновь на дѣбровскіе пороги. Но коронный гетманъ и воевода брацлавскій имѣли новое приказаніе отъ Баторія, во что бы то ни стало, захватить Подкову. Гетманъ готовился сдѣлать нападеніе на Подкову; но у послѣдняго было много людей и достаточно оружія: изъ одной Молдавіи Подкова вывезъ 14 пушекъ; предстояла кровопролитная схватка, за успѣхъ которой поручиться было трудно. Но брацлавскому воеводѣ, при посредствѣ сподвижниковъ Подковы въ Молдавіи, прибывшихъ въ Немировъ вмѣстѣ съ Шахомъ, удалось убѣдить Подкову ѣхать къ королю для объясненій по своему дѣлу; его обнадежили, что съ нимъ, какъ человѣкомъ рыцарскимъ, король не долженъ обойтись сурово. Подкова раздарилъ свои свои пушки и безоружный, съ провожатыми отъ гетмана, отправился въ Варшаву; но тутъ былъ заключенъ въ оковы и посаженъ подъ вѣрную стражу¹⁾, а въ слѣдующемъ 1578 году казненъ въ Львовѣ, по настоянію турецкаго султана. Баторій не могъ противиться султану, такъ какъ по поводу похода въ Молдавію Польскіе угрожали серьезныя недоразумѣнія съ Турціей, а въ это время онъ готовился къ войнѣ съ Москвою. Между тѣмъ, пока Подкова томился въ заключеніи, козаки съ братомъ его Александромъ снова вторглись въ Молдавію и выгнали Петра изъ господарства. Султанъ послалъ въ Молдавію новаго господаря и сильный отрядъ войска; козаки были разбиты, и тѣ изъ нихъ, которые попали въ плѣнъ, были отправлены въ Константинополь²⁾.

Такая рѣшительная неудача не могла остановить козацкихъ походовъ въ турецкія и татарскія земли: набѣги ихъ повторяются изъ года въ годъ и вызываютъ настоятельныя жалобы на нихъ татарскаго и турецкаго правительствъ. Король Стефанъ Баторій переиспытываетъ все мѣры къ обузданію козаковъ, но съ теченіемъ времени убѣждается въ полной несостоятельности этихъ мѣръ и не желая навлекать на свое государство жестокую месть со стороны

¹⁾ Krouka Bielskiego, стр. 753--756.

²⁾ Тамъ-же, стр. 758.

турокъ и татарь, подобно своему предшественнику, въ отношеніи этихъ послѣднихъ дѣйствуютъ примѣнительно къ общему теченію политическихъ дѣлъ, то давая имъ возможное удовлетвореніе, то вовсе отказываясь отъ отвѣтственности за дѣйствія своевольныхъ козаковъ и откровенно заявляя, что ничего съ ними подѣлать не можетъ. И дѣйствительно козацкое движеніе усиливалось съ каждымъ годомъ; къ нему примыкало все украинное населеніе, къ нему тянулись люди всѣхъ сосѣднихъ пацій, не рѣдко изъ среды татарь, ему покровительствовали, а иногда и прямое въ немъ участіе принимали украинныя правительственныя власти и лица привилегированныхъ классовъ, русской и польской національности.

Въ 1578 году чаушь турецкій, жалуясь на козаковъ, жаловался также на брацлавскаго воеводу Яна Збаражскаго и дворянина Филова Кмиту, что они въ своихъ владѣніяхъ даютъ пріютъ козакамъ, опустошающимъ турецкія и татарскія земли. Король велѣлъ произвести обыскъ въ поселеніяхъ, подвѣдомственныхъ Збаражскому и Кмитѣ; но королевскіе комиссары ни того, ни другого не признали виновнымъ и ограничились доносеніемъ, что нашли тамъ лишь нѣсколькихъ бѣдняковъ («*poźe*»), которыхъ сразу и отпустили, «такъ какъ не надъ чѣмъ было и мститься»¹⁾. Около этого времени, по сообщенію Вѣльскаго, съ цѣлю подобнаго изслѣдованія, была отправлена Баторіемъ цѣлая судная коммисія и на низовья Днѣпра; но о результатахъ ея трудовъ ничего неизвѣстно. Вѣроятно подъ влияніемъ этой неудачи, Баторій въ слѣдующемъ 1578 году, требуя черезъ посла своего, чтобы крымскій ханъ Махметъ Гирей обязался удерживать отъ вторженій въ предѣлы Рѣчи Посполитой «татарь черекопскихъ, бѣлгородскихъ, царскихъ, погайскихъ, очаковскихъ и всѣхъ другихъ», хотя заявлялъ хану, что кіевскому воеводѣ поручено отъ него разогнать вольныхъ людей («*łotry*»), собравшихся на низу, но не выражалъ увѣренности, чтобы по удаленіи воеводы съ низовьевъ Днѣпра низовцы снова не собрались тамъ, прибавляя, что нѣтъ возможности устеречь ихъ въ тѣхъ «дикихъ мѣстахъ» и что освободить низовья Днѣпра отъ козаковъ тѣмъ менѣе возможно, что козаки въ случаѣ надобности находятъ

¹⁾ Kronika Bielskiego, стр. 758.

пріючь въ московскихъ владѣніяхъ, гдѣ покровительствуютъ имъ.

И дѣйствительно, козаки продолжали дѣйствовать за порогами. Татарскій посоль жаловался на нихъ въ 1579 году и требовалъ обуздать ихъ; Баторій заявлялъ, что низовцы—люди свовольные и наказывать ихъ трудно¹⁾, и ограничился приказомъ урядникамъ и шляхтѣ воеводствъ кievскаго, брацлавскаго, подольскаго и волынскаго предотвращать вторженія козаковъ въ татарскіе и турецкіе предѣлы, а украиннымъ старостамъ—не давать козакамъ провизіи и военныхъ снарядовъ; но уже изъ самаго универсала къ шляхтѣ видно, что въ этихъ вторженіяхъ участвовали, кромѣ козаковъ, «пе осѣдые дворяне» и мѣщане и что Баторій, не довѣряя шляхтѣ, не предоставляетъ ей наказывать виновныхъ въ набѣгахъ, а велитъ держать ихъ подъ стражей и ожидать его распоряженій²⁾.

Въ 1582 г. татарскій посоль снова жаловался на козаковъ и въ виду похода турецкаго войска въ Персію, добивался удаленія ихъ съ низовьевъ Днѣпра. Баторій опять отвѣчалъ, что козаки—люди свовольные и что онъ уже давно обуздавъ-бы ихъ, если-бы могъ. Посоль грозилъ войною; Баторій отправилъ въ Подолію 22 роты коннаго войска³⁾ въ предупрежденіе вторженія татаръ. Въ томъ-же году низовые козаки ограбили татарскихъ посоль, возвращавшихся изъ Москвы. Ханъ жаловался и требовалъ удовлетворенія; его посоль говорилъ, что «ханъ уже сидитъ на конѣ», чтобы, въ случаѣ отказа, вторгнуться въ Польшу и что на помощь ему готовы 40 тысячъ турокъ. Баторій отвѣчалъ, что не считаетъ себя обязаннымъ обуздывать козаковъ, людей разныхъ націй, въ числѣ которыхъ есть и татары, а угрозъ не боится. И дѣйствительно онъ поручилъ коронному гетману Замоискому собирать войско; къ Замоискому присоединился князь Константинъ Острожскій во главѣ собственныхъ значительныхъ полковъ. Татары пришли было уже къ Днѣпру и частью своихъ ополченій переправились на другую его сторону; но, узнавъ, что ихъ готово встрѣтить сильное войско,

¹⁾ Kronika Bielskiego, стр. 760

²⁾ Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, № 5; Albertrandy. Panowanie H. W. Steph. Bat., стр. 410.

³⁾ Kronika Bielskiego, стр. 790.

возвратились назадъ¹⁾ и лишь немного спустя ворвались въ Подолію и сильно опустошили ее²⁾.

Расплатившись на этотъ разъ за своевольство козаковъ опустошеніемъ одной области, правительство удвоило надъ ними сворбдительность: король разослалъ письма къ старостамъ и пограничнымъ дворянамъ, королевскіе посланцы прибыли въ Украину, чтобы не допустить новаго похода козаковъ; но удержать ихъ никто не могъ. Въ 1583 г., стоворившись съ пограничною шляхтою, козаки опустошили молдавское пограничье и вторглись въ турецкія владѣнія. Сперва они разрушили Ягорлыкъ, недавно выстроенную близъ польской границы турецкую крѣпость, а потомъ направились подъ давній и богатый турецкій городъ Тегинъ (Бендеры), разграбили и сожгли его и вывезли оттуда много доблчи и оружія. Встревоженное польское правительство приказало пограничнымъ своимъ войскамъ ловить возвращающихся изъ похода козаковъ; но козаки, бросая пушки, уходили кіевскимъ краемъ за московскую границу и лишь нѣкоторые изъ нихъ были схвачены и закованы въ кандалы. Турецкому правительству между тѣмъ дано было знать, что «свольные» люди будутъ строго судимы и что сразу могутъ быть возвращены по принадлежности отбитыя у козаковъ пушки и отнятая у нихъ турецкая добыча. Султанъ удовольствовался такою предъупредительностію польскаго правительства, потребовалъ лишь жестокаго наказанія «бендерскимъ злочинцамъ», но при этомъ прибавилъ, что если подобныя нападенія повторятся, то пусть польское правительство прямо готовится къ войнѣ.³⁾

Походъ подъ Бендеры обнаружилъ вскорѣ, что косвеннымъ его участникомъ былъ одинъ изъ родовитыхъ и вліятельныхъ польскихъ дворянъ, Самуилъ Зборовскій. Открыта его переписка, не оставлявшая сомнѣнія въ соотношеніи его къ бендерскому походу. Королю готовились новыя затрудненія, самой Рѣчи Посполитой грозилъ большой скандалъ: одинъ изъ видныхъ магнатовъ, родственники котораго занимали важныя должности въ государствѣ, имѣлъ быть казненъ по требованію турецкаго правительства. Бато-

¹⁾ Albertrandu. Panowanie, стр. 222; Kronika Bielskiego, стр. 793.

²⁾ Belskij, тамъ-же.

³⁾ Albertrandu. Panowanie, стр. 237—239; Bielsk. kr., стр. 795.

рій успѣшилъ замѣть это дѣло, а Зборовскій, чтобы избѣжать смертной казни, самъ отправился въ добровольное изгнаніе ¹⁾).

Выяснялось годъ за годомъ, что въ лицѣ козачества правительство польское имѣеть дѣло съ такимъ сложнымъ и сильнымъ жизненнымъ теченіемъ, котораго не могли остановить никакія запретительныя и карательныя мѣры. Вызванное къ жизни внѣшними условіями страны, опредѣлившимися на безконечное время и постоянно его поддерживавшими, козачество въ самомъ себѣ нашло жизненные соки и сильнѣйшіе стимулы для своего дальнѣйшаго развитія. Его свободный строй, его завѣтное стремленіе стоять на стражѣ родной страны и мстить врагамъ, его жизнь полная приключеній и тревогъ и занимаемая имъ обширная, ни для кого недоступныя пространства влекутъ къ нему людей со всѣхъ сторонъ, и тѣ-же интересы защиты страны и родныхъ щепелищъ склопляютъ на сторону его и привилегированные классы государства, и новыхъ колонизаторовъ Украины, и ся воеводъ и старостъ, и само правительство польское, не разъ поддерживавшее его и сквозь пальцы смотрѣвшее на его «свовольства», когда отъ нихъ не грозила серьезная опасность странѣ. Но эта опасность, какъ мы видѣли, росла вмѣстѣ съ увеличеніемъ силы и отваги козаковъ. Обуздать ихъ правительство было столь-же безсильно, какъ и остановить постепенный ростъ козачества. Въ послѣднемъ отношеніи оно само связало себѣ навсегда руки вводимыми въ Украйцѣ новыми экономическими и социальными порядками и затянуло такой жизненный узелъ, который могла впослѣдствіи разсѣчь только козачья сабля. Теперь ряды козачества должны были увеличиваться по мѣрѣ того, какъ увеличивалась тягость жизни украиннаго населенія, наступившая съ повыши земельными и общественными порядками. Усиленное стремленіе этого населенія въ ряды козачества и увеличеніе численности этого послѣдняго примѣчается въ особенности въ началѣ 80-хъ годовъ XVI ст., когда, по окончаніи войнъ Рѣчи Посполитой съ московскимъ государствомъ (1582 г.), въ Украйцѣ оказалась масса лицъ, которымъ некуда было пристроиться. Это были организованныя подъ московскую войну роты изъ украинскихъ насельниковъ, по окончаніи войны возвратившіяся въ Украйну: съ возвра-

¹⁾ Albertrandy. Prowanie, стр. 249.

щеніемъ изъ похода имъ предстояло обратиться къ мирнымъ занятіямъ, т. е. стать въ зависимое положеніе отъ украинной шляхты, и они прежде другихъ устремлялись на низовья Дуѣпра ¹⁾. Положеніе правительства становилось безвыходнымъ. Съ одной стороны уходившее населеніе разстраивало правильное теченіе экономической жизни страны и мѣшало ея развитію, съ другой всё убѣгавшіе на промыслы ставили все государство въ непрерывное тревожное состояніе и могли вовлечь Рѣчь Посполитую въ войну съ сильной тогда Турціей. Такое положеніе дѣлъ на Украинѣ вызвало Баторіеву реформу украиннаго козачества.

Прежде, чѣмъ приступимъ къ изложенію свѣдѣній относительно этой реформы, отмѣтимъ тѣ неточности, какія касательно ея допущены въ нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ по исторіи запорожскаго козачества. Неточности эти касаются самой сущности и времени реформы. Подлинной грамоты Баторія козакамъ, опредѣляющей реформу, не сохранилось, но сохранился въ трехъ копіяхъ универсалъ Богдана Хмельницкаго, въ которомъ между прочимъ цитируется содержаніе жалованной грамоты Баторія, данной будтобы въ 1576 году на имя козацкаго гетмана Якова Богдана и низоваго кошеваго атамана Павлюка ²⁾.

¹⁾ Heidenstein, т. II, стр. 361.

²⁾ Вотъ содержаніе этой грамоты, какъ оно приводится по одному изъ списковъ универсала Хмельницкаго въ «Исторіи Новой Сѣчи» Скальковскаго, 1841 г. ч. III, № 1-й. «Его королевская мосць, видячи козаковъ запорожскихъ до его королевскаго маестату значливую прихильность и рыцарскіе отважныя службы, которые завжды великіе бусурманскіе погромляющыя силы, гордые изъ прагненіе (жажду) на кровь христіанскую до конца затлужили и шапку ихъ, на борочу польскую и на народъ благочестивый украинскій рыкающую, замкнули и въходи въ Польшу и Украину заступили, всё ихъ нещестіе силы и нагліе на народъ христіанскій набѣги груды своимъ шерпн; — якіе ихъ службы нагорожаючи и дабы имъ войска запорожскаго козакамъ для збѣговыхъ станцій гдѣ было прихильность мѣти, также отъ непріятели раненныхъ своихъ заковуваты и мѣчнты, въ другихъ долѣгающихъ нуждахъ отпочивокъ маты и всякой пожитокъ ку волѣ своей забираты, а чтобъ также и напередъ заохочени были значливо въ войску служаты и противъ непріятели отчизны своей охоче и неомилво отпоръ чиниты, — надаетъ его королевская мосць козакамъ низовымъ запорожскимъ въкунсте городъ Терезтемяровъ зъ монастыремъ и перевозомъ, опрочъ складового старинного ихъ запорожскаго города Чигирина и запорожскихъ степовъ, ку землямъ чигринскимъ подой-

Прежде всего замѣтимъ, что эту грамоту нужно относить не къ козакамъ низовымъ, запорожскимъ, въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова, а къ козакамъ называвшимся запорожскими при Баторіи, т. е. къ козакамъ украиннымъ вообще, ибо извѣстно, что городъ Трехтемировъ былъ опредѣленъ Баторіемъ, какъ центръ для организованнаго на Украинѣ козачьяго войска изъ 6,000 человекъ. Помимо этого въ текстѣ грамоты есть позднѣйшія добавленія: такъ въ ней значится Чигиринъ, какъ давній складочный запорожскій городъ, а между тѣмъ городъ этотъ вовсе не существовалъ при Баторіи¹⁾. Грамота упоминаетъ еще и о другомъ не существовавшемъ при Баторіи запорожскомъ городкѣ Самарѣ²⁾. Грамота говоритъ о зимовникахъ, но зимовники на Запорожьѣ въ пору Предслава Ланц-

инлахъ, всѣ земли со всѣма на тѣхъ земляхъ пасажеными мѣстечками, селами и футорами, рыбными по тому берегу въ Дибирѣ доляжи и иными угодіи; а вширь отъ Дибира на степь, якъ тѣхъ мѣстечекъ, селъ и футоровъ земли здавна возделались, и теперь такъ ся тое въ ихъ завѣданьи маєтъ заховати. Городекъ старинный-же запорожскій Самаръ съ перевозомъ и землями въ гору Дибира по рѣчку Орель, а внизь до самыхъ степовъ погайскихъ и крымскихъ, а черезъ Дибиръ и лѣшана Дибировый и Буговой, якъ изъ вѣковъ бувало по Очаковскіе улусы, и въ гору рѣки Богу по рѣчку Синюху; отъ самарскихъ-же земель черезъ степь до самой рѣки Дону, гдѣ еще за гетмана козацкаго Препслава Ланцворупскаго козаки запорожскіе свои зимовники мѣвали. И же бы тое все непорушно во вѣки при козакахъ запорожскихъ находалось, его королевская мощь тоею грамотою съ-сею козакамъ запорожскимъ укрѣпила и утвердила».

¹⁾ Архивъ юго западной Россіи, V ч., I т., № 24. Сохранилась подлинная грамота Сигизмунда III, разрѣшающая «черкасскому старостѣ, князю Александру Вишневецкому, основать городъ на пустомъ урочищѣ, называемомъ Чигринъ». Эта послѣдняя грамота помѣчена 1589 годомъ, значить, выдана была уже три года спустя послѣ смерти Баторіи.

²⁾ Эрнхъ Ляссота, вѣдвій въ 1594 г., по порученію Рудольфа, австрійскаго императора на Запорожьѣ, описывая подробно поселенія не только по Дибирю, но и по его притокамъ, ни слова не говоритъ о Самарѣ и тѣмъ прямо исключаетъ всякую возможность существованія городка Самаръ не только около 1576 года, которымъ помѣчается жалованная козакамъ Баторіева грамота, но и въ 1594 году. Былъ впоследствии запорожскій паланочный городъ подъ этимъ названіемъ при впаденіи рѣки Самары въ Дибиръ; въ данное же время всѣмъ краемъ по лѣвой сторонѣ Дибира до самой рѣки Самары обладали татары, и потому запорожскій городокъ не могъ имѣть тутъ мѣста. Саятъ Ляссота, на пути къ запорожцамъ высаживающійся и проводящій ночь не далеко отъ устья Самары, не упоминаетъ ни о какомъ поселеніи здѣсь (Tagebuch des Erich von Steblau, стр. 208).

коронскаго, какъ видно изъ всего хода развитія украиннаго козачества, также не могли существовать, и въ этомъ случаѣ то, что имѣло мѣсто на Запорожьѣ въ позднѣйшее время, перенесено на время гораздо болѣе раннее. Наконецъ въ грамотѣ есть прямое противорѣчiе: сначала говорится въ ней, что Баторій жалуетъ козакамъ тѣ земли по Днѣпру, на которыхъ ихъ поселенія издавна находились, а затѣмъ сразу земли эти опредѣляются позднѣйшими границами, въ которыхъ во время Баторiа кочевали еще татары¹⁾.

Что означенная грамота не могла быть выдана Баторiемъ козакамъ въ 1576 году, объ этомъ говоритъ еще слѣдующее обстоятельство. Въ 1577 году Баторiй разослалъ 11-тъ писемъ брацлавскому воеводѣ и нѣкоторымъ изъ украинскихъ старостъ и пановъ, съ предложенiемъ организовать стоконные отряды изъ мѣстныхъ жителей для защиты края отъ татарскихъ вторженiй. Король обѣщаль плату этимъ милиціямъ и отдавалъ на волю организаторовъ устраивать свои отряды или какъ легкую кавалерiю, или какъ гусаровъ²⁾. Само собою разумѣется, что если Баторiй въ 1577 году правилъ за такія средства для защиты отъ татаръ, то козачество въ Украинѣ, какъ особое сословіе съ своимъ гетманомъ, или старшиною, еще не существовало и по этому жалованной грамоты отъ Баторiа въ 1576 году имѣть не могло.

Когда собственно произведена Баторiемъ реформа украиннаго козачества, трудно сказать, за неизмѣнимъ на этотъ счетъ опредѣленныхъ указанiй. Даже въ 1581 году украинные козаки не имѣли, кажется, собственной организаціи: поймавъ въ этомъ году на низовьяхъ Днѣпра двухъ крымскихъ царевичей, бѣжавшихъ изъ Крыма отъ преслѣдованiя хана Махметъ Гирея, они препроводили ихъ къ Михаилу Вишневецкому, старостѣ черкасскому и каменскому³⁾. Если-бы въ это время у козаковъ былъ свой урядъ, то плѣнные царевичи были-бы препровождены ими къ своему начальству, а не къ одному изъ украинныхъ старостъ.

Есть нѣкоторыя данныя заключать, что Баторiй не въ одинъ разъ реформировалъ украинное козачество, а постепенно. Бѣльскiй

¹⁾ Миллеръ, историческія сочиненiя о Малороссiи. Разсужденіе о запорожцахъ, стр. 43—44.

²⁾ Albertrandy. H. W. Stephana Batorego, стр. 402.

³⁾ Kronika Bielskego, стр. 780.

въ своей хроникѣ замѣчаетъ, что въ 1578 году Баторій нѣсколько подтянулъ козаковъ (*troche powściągnawszy...*) и назначилъ надъ ними гетманомъ Орнисшевскаго ¹⁾, подъ предводительствомъ котораго они въ 1580 г., во время московской войны, опустошали Стародубъ ²⁾. Самъ Баторій былъ вполне доволенъ ихъ службою въ эту войну и въ инструкціяхъ посламъ на сеймики 1583 г. рекомендовалъ раднымъ панамъ козаковъ, какъ людей показавшихъ такія доблести, которымъ и градуція поволенія должны удивляться. Нужно, заключалъ король, чтобы на нихъ было обращено вниманіе ³⁾. Кажется, что къ 1583 году и нужно отнести окончательное устройство украиннаго козачества.

Данная Баторіемъ козачеству организація находилась въ связи съ тогдашнимъ строемъ управленія Украйны и послужила къ радикальному измѣненію онаго. До люблинской уніи Украйна раздѣлялась на 8 староствъ; каждый староста въ своемъ районѣ былъ представителемъ власти судебной, административной и военной. Со времени-же люблинской уніи значеніе украинныхъ старостъ начало падать,—власть военная перешла отъ нихъ къ гетманамъ, административная къ воеводамъ, у старостъ осталась только судебная власть. Такой распорядокъ въ управленіи Украйной далъ возможность поставить организуемое козачество внѣ вѣдѣнія воеводъ и старостъ и подчинить его одному гетману.

По реформѣ Баторія, принадлежащими къ свободному козацкому сословію были признаны изъ всего украиннаго населенія только 6 тысячъ семействъ. Семейства эти, записанныя въ особый реестръ, были раздѣлены на 6 равныхъ частей по численности полковъ. На правомъ берегу Днѣпра было 5 полковъ: черкасскій, каневскій, бѣлоцерковскій, корсунскій и чигиринскій, на лѣвомъ берегу Днѣпра одинъ переяславскій. Каждый полкъ раздѣлялся на сотни, а эти послѣднія на курени, или околицы. Каждая околица, занимая опредѣленную часть земли, должна была поставлять военный отрядъ подъ названіемъ роты. Рота—старинная форма въ украинномъ

¹⁾ Kronika Bielskiego, стр. 759.

²⁾ Тамъ-же, стр. 777.

³⁾ Albertrandy, Panowanie H. W. Steph. Bat., стр. 387.

козачьемъ быту: еще въ 1503 году значится Щурова козачья рота въ Черкасахъ¹⁾.

Цѣль Баторіевой реформы была двойкая. Во первыхъ, съ точки зрѣнія польскаго правительства необходимо было установить прочный порядокъ въ общественныхъ отношеніяхъ на Украйнѣ. Порядокъ этотъ, естественно, предполагался такимъ, какой былъ и въ другихъ частяхъ Рѣчи Посполитой, т. е. прежде свободное украинное населеніе, состоявшее изъ мѣщанъ, бояръ и козаковъ, должно было стать въ зависимое, крѣпостное отношеніе къ шляхетству, которое стало бы единственнымъ собственникомъ земли. Но осуществить цѣлкомъ такую мѣру въ Украйнѣ было очень затруднительно вследствие энергическаго стремленія украиннаго населенія къ козачеству. Правительство польское, не разчитывая закрѣпить все украинное населеніе, пыталось сдѣлать это съ значительною его частью; признавъ свободнымъ часть украиннаго населенія, оно тѣмъ легче разчитывало справиться съ остальными, считая возможнымъ всѣхъ не вошедшихъ въ 6-ти тысячный реестръ извести на степень крѣпостныхъ.

Но была и другая цѣль Баторіевой реформы. Татары продолжали быть сосѣдями Польши и въ будущемъ предвидѣлись ихъ опустошительныя вторженія въ предѣлы государства. Мы видѣли, что польское правительство измышляло всякія мѣры, чтобы защитить страну отъ этихъ вторженій. Организуемое Баторіемъ козачество и предполагалось служить такою защитой.

Въ силу важности козачества для обѣихъ указанныхъ цѣлей, ему предоставляются значительныя права и вольности. Козацкіе полки, кромѣ земельной собственности, получили право выбирать своихъ военныхъ начальниковъ,—старшинъ, полковниковъ и другихъ; собраніе всего козацкаго войска выбирало одного общаго начальника, утверждаемаго только центральною властью, котораго козаки называли гетманомъ, а правительство признавало только старшимъ²⁾. Этотъ старшій получалъ верховную власть надъ козаками. Мѣстомъ жительства старшаго и центромъ его управленія былъ городъ Трехтемировъ съ замкомъ и монастыремъ. При гетманѣ, или стар-

¹⁾ Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, № 1-й.

²⁾ Пасецкій, Кроніка. Краковъ. Изд. 1870 г., стр. 52.

шемъ были чины генеральныя: эсаулъ (помощникъ гетмана), судья и писарь. Послѣ Баторій въ прежнимъ привиллегіямъ прибавилъ еще одну: онъ освободилъ козаковъ отъ апелляціи по судебнымъ дѣламъ въ высшіе польскіе трибуналы и разрѣшилъ имъ учредить въ Батуринѣ свой козацкій трибуналъ¹⁾. Въ Трехтемировѣ долженъ былъ находиться значительный гарнизонъ изъ козаковъ. Двѣ тысячи козаковъ должны были содержать караулы за порогами; остальные-же козаки жили въ своихъ домахъ, обязанные, по первому требованію, безъ проволочки и въ полномъ вооруженіи собираться въ назначенное мѣсто²⁾.

Реформа Баторія, имѣвшая одною изъ главныхъ цѣлей установить въ Украинѣ прочный порядокъ, не привела однако къ желанной для польскаго правительства цѣли. Уже въ 1585 году на варшавскомъ сеймѣ разсуждалось о внутреннихъ безпокойствахъ, происходящихъ отъ своевольныхъ козаковъ³⁾. Не вошедшіе въ 6-ти тысячный реестръ украинные насельники, не желая подчиниться помѣщичьей власти, вступили теперь на путь открытаго непризнанія надъ собою власти Польши. Энергичнѣйшіе изъ нихъ, устремляясь за днѣпровскіе пороги, продолжали жить здѣсь вольно, попрежнему занимаясь промыслами и вторженіями въ турецкія и татарскія владѣнія, а когда Баторій около 1585 года отправилъ на пизовья Днѣпра пѣвлаго Глубоцкаго съ рѣшительнымъ запрещеніемъ находящимся здѣсь козакамъ нападать на турецкія и татарскія владѣнія, то казаки убили Глубоцкаго и бросили его въ Днѣпръ⁴⁾.

Со времени Баторіевой реформы для тѣхъ изъ украинныхъ насельниковъ, которые избѣгали закрѣпощенія, пребываніе «въ пустыхъ мѣстахъ» за порогами сдѣлалось необходимымъ. Теперь имъ уже нельзя было, какъ прежде, возвращаться въ Украину, потому что тутъ на нихъ естественно должны были смотрѣть, какъ на ослушниковъ правительственныхъ распоряженій. Такимъ образомъ,

¹⁾ Бавтышъ-Каяенскій. Исторія Малой Россіи. Изд. 1830 г., т. I, стр. 139—140.

²⁾ Писецкій. Кроника (пзд. краковское 1870), стр. 52.

³⁾ Кроника Bielskiego, стр. 798.

⁴⁾ Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. 1, № 4: Heidenstein, т. II, стр. 362.

Баторіева реформа, разбившая украинскихъ козаковъ на признаваемыхъ, реестровыхъ, и непризнанныхъ, не вошедшихъ въ реестръ, послужила рѣшительнымъ толкомъ для дальнѣйшаго развитія и развѣтвленія козачества.

Все непризнанные, какъ протестанты противъ существующаго порядка, были поставлены внѣ государства, внѣ закона. — естественнo, они должны были организоватьса самостоятельно и удалившись туда, куда не достигала государственная власть, создать собственную, ни отъ кого независимую общину. Уходившіе прежде на зовья Дибра украинные поселенники, соединяясь лишь временно въ извѣстныхъ случаяхъ въ отдѣльныя группы, не связывали себя на долго или на всегда единствомъ цѣли и плана дѣйствій, а также мѣста постояннаго жительства; для нихъ не было отрѣзанъ путь въ населенную Украйну, гдѣ нерѣдко оставались ихъ жилища и семьи, и гдѣ общественныя отношенія были урегулированы извѣстнымъ образомъ. Теперь не попавшіе въ реестры и уходившіе изъ закрѣпощаемой Украйны козаковать на Запорожье оставались тамъ на всегда, а потому должны были объединиться въ одну постоянную группу, устроить извѣстнымъ образомъ свой бытъ, установить свои нормы для общественныхъ отношеній, составить правильно организованное общество. Такимъ путемъ и при такихъ условіяхъ возникло военное запорожское товариство, не признавшая надъ собою власти Польши, вольная запорожская община.

Замѣчательно, что запорожскіе курени, отдѣльныя козачьи группы въ запорожской общинѣ, носили названіе различныхъ поселеній въ западно-русскомъ и южно-русскомъ краѣ. Это обстоятельство въ свою очередь показываетъ, какъ сложилась запорожская община. Группы земляковъ черкасскихъ, кавевскихъ, стеблевскихъ и другихъ, уходившихъ за пороги для промысловъ, а иногда и для вторженій въ турецкія и татарскія земли, вслѣдствіе новыхъ распоряженій на Украйнѣ, соединились, какъ отдѣльныя курени, въ необходимую по новымъ условіямъ быта форму одного коша запорожскаго.

Появленіе постоянной козачьей общины за порогами — новая эпоха въ развитіи украиннаго козачества. Съ этого времени оно представляетъ два типа: козачество собственно украинное, городское, реестровое и козачество низовое, запорожское, состоящее изъ

непризнавшихъ козаковъ. Послѣднее, возникшее въ видѣ постоянной общины, отдѣльной со времени Баторіевой реформы, пополняется выходцами не только изъ Украйны, но и изъ другихъ южно-русскихъ и западно-русскихъ земель, гдѣ русское населеніе не уживалось съ распорядами польскаго государства. Протестъ противъ этихъ порядковъ, обнаруживавшійся то въ формѣ движенія населенія изъ русскихъ областей польскаго государства на Запорожье, то въ формѣ бунтовъ противъ помещиковъ, разразился потомъ цѣлымъ рядомъ козацкихъ возстаній, начавшихся съ возстанія Косинскаго въ 1592 г. Уже въ этомъ первомъ козацкомъ возстаніи козачество въ южныхъ предѣлахъ польскаго государства является дѣломъ общенароднымъ и такимъ оно выступаетъ во все послѣдующее время козацкихъ возстаній.

Хотя реформа Баторія окрестила именемъ запорожскаго все вообще козачество, но отдѣльной запорожской общины до нея не было; реформа Баторія признаетъ лишь 6 тысячъ козаковъ, полки ихъ распредѣлены по территоріи Украйны и 2000 изъ нихъ предназначались содержать сторожу отъ татаръ. Не было запорожской общины и вскорѣ послѣ реформы Баторія: самъ гетманъ козацій Михаилъ Ружинскій, трактовавшій въ 1585 году съ однимъ венеціанцемъ, пріѣзжавшимъ отъ своего правительства въ Польшу по дѣламъ католической церкви, о войнѣ съ турками, перечисляя всѣхъ, кого онъ разсчитывалъ поднять противъ турокъ: донцевъ, волоховъ, болгаръ и сербовъ, ни слова не говорилъ о запорожцахъ, а объ нихъ онъ упомянулъ бы непременно, если бы къ этому времени существовала организованная, обособившаяся отъ остальнаго козачества, запорожская община.

Баторіева реформа, послужившая ближайшимъ стимуломъ къ образованію запорожской общины, послѣдствіями своими опредѣляла и тотъ типъ, по которому должна была сложиться запорожская община. Въ источникахъ, относящихся къ начальной порѣ украиннаго козачества, замѣчается, что на низовьяхъ Днѣпра, за порогами, козаковали люди изъ всѣхъ соедѣнныхъ государствъ. Извѣстенъ фактъ козакованья Подковы между низовцами. Пясенскій въ своей хроникѣ замѣчаетъ, что козаки низовые были люди изъ разныхъ націй¹⁾. Баторій въ переговорахъ съ крымскимъ ханомъ

¹⁾ Albertrandy, Panow. H. W. Steph. Bat., стр. 342.

упоминалъ также, что въ числѣ козаковавшихъ за порогами были татары ¹⁾. Особенно обстоятельныя свѣдѣнія относительно племеннаго состава козаковавшихъ за порогами даетъ Гейденштейнъ. Онъ говоритъ, что «такъ какъ къ низовьямъ Днѣпра прилежали владѣнія разныхъ народовъ: татаръ, турокъ, волоховъ и «земли русско-польскія», то здѣсь вслѣдствіе столкновенія столькихъ враждебныхъ другъ другу народовъ издавна не могло быть спокойно. Неизмѣримая степь по нижнему теченію Днѣпра лежала позанятою вслѣдствіе непрерывныхъ грабительствъ и тревоги. Слетались сюда для добычи непріятельской всё, которымъ плохо жилось въ отечествѣ или вслѣдствіе бѣдности, или вслѣдствіе несогласій; бѣжали туда и преслѣдуемые закономъ. Прежде, скучая безъ войны, и шляхетная молодежь проникала сюда, нища случая испробовать свое мужество. Собравшіеся на пизу жили главнымъ образомъ рыбною ловлею и грабежемъ. Нападали на того, съ кого надѣялись побольше взять. А такъ какъ значительное большинство ихъ были христіане, то они наибольше живились съ татаръ и турецкихъ купцовъ ²⁾; Польскіе же неоднократно были сподручны. Вслѣдствіе того, что они занимали низовья Днѣпра, ихъ называли низовцами. Назывались они также и козаками, потому что такъ въ тѣхъ мѣстахъ называютъ и пѣшихъ, и конныхъ, которые собираются на границѣ для грабежа и вторженій въ сосѣднія земли» ³⁾).

Но разноплеменность жившихъ на низовьяхъ Днѣпра, за порогами, преобладала лишь до люблинской уніи; съ этого же времени русскій элементъ здѣсь значительно усилился притокомъ южнорусскаго населенія, преимущественно простаго народа,—какъ говорятъ Бѣльскій, «посполитыхъ людей изъ Черкасъ, Канева, Кіева и др. мѣстъ». Баторіева реформа еще болѣе усилила этотъ притокъ на Запорожье и какъ теперь дѣло шло не только о томъ, чтобы временно пользоваться здѣсь промыслами и военною добычей, но и о томъ, чтобы установить опредѣленные устойчивыя нормы для жизни, то теперь всё козаковашіе за порогами должны были подчиниться извѣстному порядку, при чемъ не русскіе элементы, со-

¹⁾ Тамъ же, стр. 222.

²⁾ Heidenstein, т. II, стр. 361.

³⁾ Тамъ же, т. I, стр. 285.

ставившіе непачительное меньшинство, не могли оказать существеннаго вліянія на возниавшій въ Запорожьи общественный строй. Запорожская община должна была сложиться по типу, какой вытекалъ изъ убѣжденій, стремленій и привычекъ русскаго поселенія на Запорожьи. Украинскіе выходцы составляли здѣсь значительное большинство и, естественно, въ устанавливавшемся строѣ примѣняли свои взгляды, руководились своими народными идеалами.

Такимъ образомъ, запорожское козачество возникло подъ совокупнымъ воздѣйствіемъ тѣхъ самихъ факторовъ, которые создавали и украинное козачество и хотя вторичность формации, сопровождавшаяся нѣкоторыми частными условіями, о которыхъ мы говорили выше, сообщила запорожской общинѣ особый характеръ, по въ общемъ запорожское козачество было продуктомъ тѣхъ-же самыхъ первичныхъ причинъ, что и козачество украинное.

Привнесенный люблинскою униєю въ южно-русскія области новой общественный строй, возвышеніе однихъ классовъ населенія надъ другими, приниженіе и порабощеніе свободнаго населенія степной полосы, заставляли это послѣднее искать выхода въ бѣгство; пустыя мѣста за порогами дали пріютъ этимъ бѣглецамъ, а близость татаръ сдѣлала возможнымъ ихъ независимое существованіе здѣсь, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ брать земельные участки, вслѣдствіе опасности отъ татаръ, лицамъ шляхетнаго сословія не было расчета.—Условія мѣста распространенія и сосѣдства татаръ еще частіе опредѣлили бытъ запорожскаго козачества. Покрѣпавшихъ населенныя мѣста, главнымъ образомъ, въ степной полосѣ и являющихся въ степи за Силухою и Орелью въ качествѣ колонизаторовъ приходило сравнительно съ обширностью края не много, а татары были непосредственными сосѣдями. Въ силу приспособленія къ условіямъ мѣста, за порогами должно было найти примѣненіе своеобразное полукочевое колонизаторство. Такими именно колонизаторами-полукочевниками мы и видимъ запорожскихъ козаковъ въ первое время существованія запорожской общины. Но самымъ первичнымъ факторомъ въ образованіи запорожскаго козачества было сосѣдство татаръ. Запорожское козачество является преимущественнымъ результатомъ столкновенія двухъ различныхъ племенъ, двухъ несходныхъ культуръ: съ одной стороны племени и культуры славянъ и въ частности южно-руссковъ, съ другой пле-

мени и культуры тюркской и въ частности кочевыхъ татарскихъ ордъ. Эти племена, пройдя каждое вдали другъ отъ друга свою историческую судьбу и очутившись теперь сосѣдями, но будучи различны по расѣ, по внутреннему складу, по образу жизни, неминуемо должны были стать во враждебное другъ къ другу отношеніе. Крымскія орды систематически годъ за годомъ производятъ набѣги на южно-русскія земли. Грабежи и опустошенія въ этихъ земляхъ, естественно, вызываютъ раздраженіе, побуждавшее отплачивать своимъ угнѣспителямъ тѣмъ-же. Встрѣтились двѣ враждебныя другъ другу силы: народъ славянскаго корня, осѣдлый и прошедшій уже нѣсколько ступеней культуры, и народъ тюркскаго корня, полукочевой, находящійся на ступени примитивной культуры. Каждая изъ силъ, сильная на свой ладъ, въ борьбѣ другъ съ другомъ пускала въ ходъ тѣ средства, какія были въ ея распоряженіи. Татары ордами набѣгаютъ на южную Русь,—осѣдлая Русь выдвигаетъ для борьбы воиновъ-козаковъ; набѣги татаръ продолжаются и отпоръ, приспособленный къ культурѣ, быту и внутреннимъ порядкамъ, существующимъ въ данное время въ государствѣ, усложняется: въ южно-русской козачинѣ, въ процессѣ дальнѣйшаго ея развитія, выдѣляется и складывается въ особый типъ козачество запорожское.

Сосѣдство татаръ и необходимость вести съ ними постоянную борьбу и отражать ихъ нападенія окончательно сформировали бытъ и строй запорожскаго козачества. Въ основѣ ихъ конечно должны были лежать тѣ идеалы и привычки, съ какими приходили украинскіе населенники на вызовъ Дибера,—отсюда у запорожцевъ свобода и равноправность въ самомъ широкомъ смыслѣ этихъ словъ. Но не всѣ сложившіеся идеалы могли найти здѣсь примѣненіе, не всѣ склонности и привычки ихъ получать удовлетвореніе при новыхъ условіяхъ мѣста, при непосредственномъ сосѣдствѣ татаръ. Идеаль семейной жизни, самый дорогой и заветный для украинца, безусловно не могъ быть удержанъ запорожцами и они долго и всегда почти представляли собою общество или совсѣмъ безбрачныхъ или оставившихъ женъ и дѣтей удалцовъ. Другая, вытекающая изъ предшествующаго осѣдлаго быта, склонность къ земледѣлію, также и по той-же самой причинѣ не находила себѣ мѣста. Запорожскій козакъ, какъ и татаринъ, долженъ былъ жить добычей и промысломъ, охотой и войной, а эти занятія опредѣляли весь складъ и всю обстановку ихъ жизни.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ПОДОЛІЯ.

(Продолженіе)¹⁾.

VI.

Вниз по Днѣстру.—Плоть и ея устройство.—Извины рѣки.—Характер береговъ.—Побережнія села.—Студеница.—Пристань; положеніе и наружность мѣстечка.—Рынокъ; народное гулянье, армарокъ.—Историческія свѣдѣнія о Студеницѣ. Завѣтія жителей.—Пещеры и древности.

Кто хочет увидѣть самую живописную часть русскаго поддѣстровья, тому слѣдуетъ спуститься внизъ по рѣкѣ отъ Ъванца до мѣстечка Студеницы. За отсутствіемъ пароходства, или какого бы то ни было правильнаго судоходства, остается одно средство сообщенія—идти на славь», по мѣстному выраженію, т. е. спускаться на плотахъ или галырахъ, на которыхъ сплавляется лѣсъ и другіе товары. При посредствѣ хозяина завѣда намъ скоро удалось найти кушца еврея, согласившагося за нѣсколько рублей доставить насъ въ Студеницу на плоту, который онъ отправлялъ въ Могилевъ.

Въ условленный часъ мы явились на пристань съ пожитками, прихвативши достаточное количество соломы для почлега. Плотъ еще не былъ готовъ къ отъѣзду; впрочемъ мы не были этимъ удивлены, привывши уже къ обычной подольской медлительности: здѣсь каждый откладываетъ до послѣдней возможности всякое дѣло, но уже разъ принявшись за работу, дѣлаетъ ее хорошо, хотя и не торопясь. Даже евреи повидимому утратили здѣсь свою обычную

¹⁾ Сл. »Кіевская Старина«, 1884 г., іюльск. кн., стр. 359—391.

торопливость, составляющую одну из характерных особенностей ихъ племени; такъ напримѣръ иногда приходится ждать по часу и больше, пока хозяинъ или мишуресь явится за расчетомъ. Здѣсь уже каждый привыкъ къ тому, что если срокъ назначенъ положимъ въ 12 часовъ, то часа въ три или четыре какъ разъ будетъ пора.

Пока пришелъ хозяинъ, пока окачивали погрузку плота, можно было рассмотреть его устройство до малѣйшихъ подробностей. Нашъ плотъ былъ меньше всѣхъ другихъ, стоявшихъ на пристани, но совершенно одинаковой конструкции. Онъ состоялъ изъ тонкихъ сосновыхъ стволовъ, связанныхъ лыкомъ въ три ряда, одинъ надъ другимъ; посерединѣ положены въ нѣсколько рядовъ тонкія доски, предназначенныя для помѣщенія пассажировъ. На двухъ противоположныхъ сторонахъ плота находится *стерно*—длинное весло, укрѣпленное на столбикѣ такъ, что можетъ поворачиваться вправо и влево, какъ на двѣпровскихъ баркахъ; такое приспособленіе значительно облегчаетъ трудъ для тѣхъ, кто управляетъ плотомъ, избавляя отъ необходимости поворачивать его при постоянныхъ извилинахъ рѣкы. Не смотря на такое первобытное устройство, плоты изъ легкаго соснового или буковаго дерева не слишкомъ глубоко сидятъ въ водѣ, даже съ полнымъ грузомъ, и сплавляются съ неизмѣрною скоростью сравнительно съ нашими двѣпровскимиusername плотами.

Наконецъ явился хозяинъ судна съ другимъ евреемъ прищипкомъ, который занялъ должность капитана, и молодымъ парубкомъ—подоляниномъ, замѣнявшимъ собою весь экипажъ. Мы расплатились съ хозяиномъ, кормчій поднялъ якорь, т. е. отвязалъ плотъ отъ столбика, вбитаго въ землю, и плотъ, тихо покачиваясь, вышелъ изъ пристани по направленію къ Хотинцу. Онъ очень быстро двигался по теченію и вскорѣ промель у подножія хотинской крѣпости; солнце приближалось къ закату и мы нѣсколько залюбовались прекраснымъ бессарабскимъ берегомъ.

Позади, на фонѣ ярко-голубаго неба, обрисовывалась грандіозная крѣпость, вся залитая солнечными лучами; за нею видѣлся весь старый городъ съ предмѣстьями, раскинутыми на двухъ горахъ; русскаго города не видно съ Днѣстра. Высокій правый берегъ представляетъ рядъ обнаженныхъ скалъ, выдѣляющихся среди темной зелени кустарниковъ и болѣе свѣтлой зелени травы, покры-

вающих крутой склонъ рѣчной долины. Подольскій берегъ въ этомъ мѣстѣ представляетъ очень пологій спускъ къ рѣкѣ, но уже начиная отъ Хотина, оба берега замѣтно повышаются и становятся обрывистѣе.

Въ силу особыхъ геологическихъ причинъ, Днѣстръ въ своемъ теченіи прорвалъ громадныя каменныя массы и вырылъ для своего русла узкія, но очень глубокія долины съ крутыми, иногда совсѣмъ отвѣсными берегами. Только изрѣдка въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣка случайно встрѣтила на пути мягкую почву, берега весьма пологи и горы дальше отходятъ отъ берега. Вслѣдствіе этихъ причинъ теченіе Днѣстра чрезвычайно извилисто; не говоря уже о томъ, что оба берега представляютъ сплошной рядъ мысовъ, раздѣленныхъ болѣе или менѣе глубокими заливами, рѣка часто дѣлаетъ такіе крутые повороты, что приходится плыть водою верстъ 30 и больше, тогда какъ скалистый перешеекъ, раздѣляющій двѣ дуги, имѣетъ не больше трехъ-четырехъ верстъ въ поперечникѣ. Такъ напримѣръ отъ Жванца до Студеницы сухимъ путемъ отъ 40 до 50 верстъ; между тѣмъ Днѣстръ дѣлаетъ пять такихъ извилинъ, которыя увеличиваютъ это разстояніе почти втрое.—Чтобы не повторяться и избѣжать скучныхъ, растянутыхъ описаній природы, зачастую сходной въ различныхъ мѣстностяхъ подднѣстровья, постараюсь по возможности короче очертить характеръ береговъ.

Чѣмъ дальше внизъ отъ Жванца, тѣмъ долина Днѣстра становится глубже, такъ что во многихъ мѣстахъ берега достигаютъ болѣе 120 и 150 сажень въ вышину; это продолжается до Могилева; отсюда они нѣсколько понижаются; начиная отъ Имполя, горы все дальше удаляются отъ рѣки и берега мало по малу принимаютъ степной характеръ.—Иногда одинъ изъ береговъ образуетъ пологій склонъ къ рѣкѣ; здѣсь болѣею частью среди зелени садовъ и огородовъ живописно выглядываетъ небольшая сельская церковь, окруженная группою привѣтливыхъ, бѣлыхъ хатъ; обыкновенно село расположено у впаденія въ Днѣстръ какой нибудь рѣчки или просто крупнаго ручья. Но такія мѣста встрѣчаются сравнительно рѣдко: берега по большей части скалисты и представляютъ обнаженіе различныхъ каменныхъ породъ: то разныхъ видовъ третичнаго известняка, то разноцвѣтныхъ породъ глинистыхъ известняковыхъ сланцевъ, переходящихъ отъ бѣлаго и желтоватаго цвѣта до

темно-зеленаго или фіолетоваго. Вдоль берега тянется низменная полоса, по которой идетъ проѣзжая дорога; за нею возвышается огромная каменная стѣна, иногда совсѣмъ отвѣсная, представляющая въ верхней своей части ряды отвѣсныхъ скалъ съ поперечными бороздами, которыя придаютъ имъ видъ колоннъ съ карнизами: по временамъ на вершинахъ горъ видѣются скалы, чрезвычайно на-поминающія своими очертаніями развалины огромныхъ крѣпостей или замковъ съ башнями, бойницами и т. д. Иногда совершенно отвѣсная стѣна, увѣчанная такими замками и колоннами, подходитъ прямо къ рѣкѣ и тогда дорога, идущая вдоль берега, обрывается, затѣмъ рѣка дѣлаетъ поворотъ и такія-же точно скалы появляются на противоположномъ берегу. Очень часто горы прорѣзываются глубокими оврагами, увѣчанными такими-же нависшими каменными карнизами; подъ ними внизу оврага нагромождены целогія осыпи мелкаго камня изъ вывѣтривающихся скалъ, а на днѣ протекаетъ чистый, кристальный источникъ. Иногда группы скалъ представляютъ подобіе гротовъ, воротъ или входа въ пещеру, жертвенника и т. п.; разумѣется по мѣрѣ приближенія къ нимъ прежнее очарованіе исчезаетъ и остается только чувство подавленности передъ этими громадами.

Наконецъ картина постоянно разнообразится огромнымъ количествомъ источниковъ, которыми такъ богаты горы Подолія; ниже вырыли себѣ очень глубокую долину среди каменной почвы и впадаютъ въ Днѣстръ, образуя при устьи небольшіе заливы; другіе прорываются изъ отвѣсной скалы и прямо спадаютъ въ рѣку. Часто случается видѣть по два и по три такихъ водопада, одинъ надъ другимъ, въ различныхъ пластахъ горы отъ основанія до вершины. — Вообще берега Днѣстра въ высокой степени живописны, но она ждуть еще своего художника или по крайней мѣрѣ фотографа, который-бы перевесъ ихъ красоты на бумагу. Съ теченіемъ времени горы подольскія мало по малу измѣняютъ свой видъ, какъ вслѣдствіе чрезвычайно быстрого вывѣтриванія мѣстныхъ каменныхъ породъ, такъ и вслѣдствіе еще болѣе быстро повсемѣстнаго истребленія лѣсовъ, составляющаго одну изъ самыхъ крупныхъ экономическихъ ошибокъ нашего времени и нашего края. Побережье Днѣстра весьма замѣтно страдаетъ отсутствіемъ лѣса, отчего много теряетъ и въ эстетическомъ отношеніи, такъ какъ обнаженные

скалы, едва перемѣняемая тощею растительностью, представляютъ хотя живописный и разнообразный, но мало оживленный пейзажъ.

По словамъ мѣстныхъ жителей лѣса существовали по всюду, еще очень недавно и подверглись истребленію только въ послѣднее время, при чемъ нужно замѣтить, что больше пострадалъ подольскій берегъ,—на бессарабскомъ уцѣлѣли еще мѣстами довольно значительные лѣса, но ихъ вскорѣ ожидаетъ та же участь.

Выше я говорилъ уже объ устройствѣ плота, остается сказать нѣсколько словъ о способѣ его хода. Благодаря чрезвычайно быстрому теченію Днѣстра, воплію сохраняющаго въ Подоліи характеръ горной рѣки, плоты сплавляются очень скоро, такъ что въ тихую погоду или при попутномъ вѣтрѣ отъ Жванца до Студеницы, т. е. околю 150 верстъ, можно пробхать въ одни сутки. Такъ мы и рассчитывали, выѣзжая изъ Жванца въ прекрасную погоду; но случилось иначе. При постоянныхъ извилинахъ рѣки, вѣтеръ на каждомъ поворотѣ мѣняетъ направленіе и прибываетъ плотъ то къ одному, то къ другому берегу; требуется много вниманія и усилій со стороны двухъ кормчихъ, чтобы удержать его на срединѣ рѣки. Ни хозяинъ, ни капитанъ нашего судна повидимому не отличались предусмотрительностью—качествомъ, столь необходимымъ при судоходствѣ. Здѣсь все дѣлается по пословицѣ: «якъсь-то воно буде», поэтому не были осмотрѣны спаси и исправлены бывшія на плоту неисправности раньше его выхода изъ жванецкаго порта. За то на каждомъ изгибѣ рѣки, когда теченіе становилось сильнѣе и требовалось нѣкоторое усиліе при поворотѣ, то одно, то другое *стерно*, замѣнявшее руль, ломалось въ мѣстѣ своего прикрѣпленія. Нужно было останавливать плотъ или кое-какъ управляться однимъ весломъ, пока другое наскоро прибывалось деревяннымъ гвоздемъ; конечно, такой способъ подчинки очень не проченъ и при новомъ поворотѣ повторяется та же исторія. Разумѣется, все это отнимаетъ много времени и сильно замедляетъ ходъ плота.

Довольно часто на пути встрѣчаются села, расположенныя большею частью при устьи какойнибудь рѣчки или ручья, то на зеленѣющемъ склонѣ горы, окруженныя густыми садами, огородами и нивами, то въ глухомъ ущельи, лишенномъ всякой растительности, отчего село, не смотря на свои чистенькія, бѣлыя хаты, имѣеть грустный, угрюмый видъ. Въ большинствѣ случаевъ въ виду

каждаго подольскаго села на противоположномъ берегу расположено молдованское съ другимъ названіемъ; въ каждомъ своя церковь, у берега стоятъ двѣ-три душегубки, а иногда даже паромъ. Впрочемъ нужно замѣтить, что подольскій берегъ повидимому гуще населенъ, по крайней мѣрѣ на своемъ пути мы насчитали на лемъ 16 селеній на одиннадцать бессарабскихъ; сверхъ того подольскія села отличаются болѣе опрятной и привлекательной наружностью, чѣмъ молдованскіе. Не знаю, чѣмъ это объяснить: большею-ли степенью зажиточности или племеннымъ характеромъ жителей, или же тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

Къ вечеру вѣтеръ началъ усиливаться и переѣнилъ направленіе,—изъ попутнаго сдѣлался боковымъ, поднялись большія волны съ бѣлыми гребнями и плоть стало заливать водою; оставалась сухою только небольшая площадка изъ досокъ посреди плота, предназначенная для помѣщенія пассажировъ съ ихъ багажемъ. Пришлось сидѣть почти неподвижно, такъ какъ ходить на площадкѣ было тѣсно, да и страшно, чтобы не залило единственнаго сухого пространства, оставшагося для почлега. Съ заходомъ солнца вся рѣка, на сколько можно глазомъ окинуть, покрылась густымъ облакомъ бѣлыхъ эфемеридъ, представлявшихъ весьма оживленное зрѣлище. Чрезвычайно интересно было наблюдать, какъ эти полупрозрачныя, граціозныя насѣкомыя, легкія и блестящія, какъ снѣжинки, кружились въ воздухѣ, гонялись другъ за другомъ и чрезъ какія нибудь четверть часа падали мертвыми, а на ихъ мѣсто, неизвѣстно откуда, появлялись новыя и продолжали ту-же пляску, прекратившуюся только ночью. Пока совсѣмъ стемнѣло, плоть нашъ покрылся сплошнымъ слоемъ мертвыхъ тѣлъ, а какое огромное количество ихъ потонуло въ рѣкѣ. По словамъ нашего кормчаго, мертвыя эфемериды составляютъ прекрасный кормъ для днѣстровской рыбы, которая отъ него быстро жрѣетъ. Къ сожалѣнію подыавшіяся волны помѣшали намъ увидѣть это интересное зрѣлище, такъ какъ съ наступленіемъ сумерекъ рыба цѣлыми стаями выплываетъ на поверхность воды и, подпрыгивая на воздухъ, на лету ловить падающіе трупы.

Наконецъ наступила ночь, вѣтеръ не утихалъ, до капитанъ нашъ рѣшился продолжать путь, не останавливаясь. Становилось холодно, никакихъ видовъ, кромѣ темной ночи, не было и пассажирамъ оставалось только расположиться на почлегъ. Между тѣмъ

кормчій началъ пѣть прекрасныя украинскія пѣсни, одна другой лучше, которыхъ грустные, хотя и чрезвычайно гармоничныя мотивы пѣсколько отличаются отъ тѣхъ, какіе мы привыкли слышать на Украйнѣ. Не могу сказать, чтобы мотивы подольскихъ пѣсень были лучше остальныхъ украинскихъ напѣвовъ, но въ нихъ есть что-то своеобразное и оригинальное, какой-то особенный оттѣнокъ, составляющій одну изъ этнографическихъ особенностей потомковъ древнихъ Тиверцевъ и Уличей. По своему содержанию пѣсни почти не отличаются отъ тѣхъ, какія сохранились еще у насъ вдали отъ городовъ, въ глухихъ селахъ, куда не проникла еще солдатско-мѣщанская цивилизація. Особенно обратилъ наше вниманіе прекрасный вариантъ извѣстной пѣсни про Петруся, который сохранился безъ всякихъ искаженій въ текстѣ и копчается иначе, нежели всѣ извѣстные въ печати варианты.

Накопецъ парубокъ усталъ пѣть. »Теперь расскажи мени яку небудь байку, або казку, попросилъ еврей; я дуже люблю ваши казки«, и кормчій началъ рассказывать малорусскія сказки и басни, очень занимательныя и оригинальныя, исполненныя того юмора и тонкой наблюдательности, какими по преимуществу отличается малорусское племя среди другихъ родственныхъ племенъ. Рассказъ затянулся далеко за полночь; накопецъ, не задолго передъ разсвѣтомъ плотъ остановили у берега подъ вѣтромъ и экипажъ расположился на отдыхъ.

На утро оказалось, что идти дальше пѣть возможности по причинѣ сильнаго вѣтра свизу; раза два капитанъ пробовалъ отчалить, но плотъ отказывался повиноваться рулю и пелъ противъ теченія, или кружился на одномъ мѣстѣ, вмѣсто того, чтобы плыть внизъ. Среди бесплодныхъ усилій снова были сломаны оба *стерна* и пришлось остановиться на неопредѣленный срокъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояли ночью; это было въ глубинѣ небольшого залива при владеніи рѣчки Мукини, противъ незначительнаго села Мукаровки, расположеннаго на бессарабскомъ берегу. Въ полу-верстѣ ниже насъ остановился другой плотъ съ вѣсколькими, ѣхавшими на немъ евреями, а пѣсколько выше противъ Мукаровки двѣ галеры, нагруженныя бочками со спиртомъ, употребляли большія усилія, чтобы удержаться на срединѣ рѣки.

Въ этомъ мѣстѣ, при устьи р. Мукши, съ правой ея стороны, упирается въ Днѣстръ высокій горный краѣжъ, самый значительный въ юго-западномъ углу Подоля, извѣстный въ польской литературѣ подъ именемъ Медоборскихъ горъ; отсюда онъ направляется къ сѣверо-западу и у города Сатапова, надъ р. Збручемъ, входитъ въ предѣлы русинской Галиціи. Высокія горы, увѣчанныя въ верхней своей части градіозными, закругленными скалами, напоминающими огромныя колонны съ выступающими впередъ карнизами, очень близко подходятъ къ рѣкѣ и спускаются почти отвѣсно къ узкой береговой полосѣ. Во многихъ мѣстахъ гора изрѣзана болѣе или менѣе глубокими оврагами, на днѣ которыхъ протекаетъ чистый источникъ, или-же возвышаются огромныя скалы, еще не успѣвшія скатиться внизъ; по этимъ оврагамъ только и можно взобраться до половины горы, цѣпляясь за камни и тощіе кустарники; выше тянется сплошная, отвѣсная стѣна.

«Одна беда иде и другу за собою веде», говоритъ пословица, такъ случилось и съ нами на этотъ разъ: началось съ того, что снасти были изломаны, вѣтеръ мѣшалъ плыть и предстояла невольная и, что самое непріятное, неопредѣленная остановка. Затѣмъ оказалось, что нашихъ дорожныхъ припасовъ, рассчитанныхъ на одинъ сутки, не хватитъ до Студеницы; нужно было позаботиться о будущемъ и мы отправились за покупками въ ближайшее село Тарасовку, расположенное въ глухомъ ущельи на правомъ берегу р. Мукши, верстахъ въ пяти отъ ея устья. Понадѣявшись на свои компасы, мы не захватили съ собою карты, скоро сбились съ пути и послѣ трехчасоваго странствованія попали въ какое-то другое село, очень бѣдной и непривѣтливой наружности. Но счастью въ немъ нашелся шинокъ, куда мы тотчасъ-же направили свои усталыя стопы; здѣсь разыгралась любопытная сцена, какія намъ не разъ приходилось видѣть въ наиболѣе глухихъ подольскихъ селахъ. Если есть въ селѣ шинокъ, его всегда содержитъ еврей, но иногда, въ силу особыхъ условій онъ не хочетъ показаться хозяиномъ заведенія передъ проѣзжими посѣтителеми. Вы входите въ шинокъ и требуете водки; еврейка, занимающаяся тутъ-же какой нибудь домашней работой, отвѣчаетъ, что она здѣсь не хозяйка, а квартирантка, и посылаетъ мальчика позвать хозяина; вскорѣ является крестьянинъ, наливаетъ водку, получаетъ деньги и тутъ-же вру-

часть еврейскѣ, которая даетъ сдачу въ случаѣ надобности. Если нужны какіе нибудь припасы, сврейка охотно удовлетворитъ все ваши требованія въ предѣлахъ возможнаго и даже за довольно умѣренную цѣну. Пока вы остаетесь въ шинкѣ, хозяева и все присутствующіе заводятъ разговоръ и весьма деликатно косвенными вопросами стараются узнать цѣль вашего прибытія въ село. Если въ отвѣтахъ и въ поведеніи посѣтителя не усматривается ничего подозрительнаго, что заставило-бы предполагать переодѣтаго чиновника или ревизора, къ нему скоро привыкають и послѣ двухъ-трехъ визитовъ хозяинка уже, не стѣняясь, вступаетъ во все свои права и обязанности.

Нѣчто подобное случилось и съ нами на этотъ разъ. Небольшое, пустынное село, затерянное въ глухомъ ущельи между скалъ, очевидно не привыкло къ посѣщеніямъ сюртучныхъ людей; въ корчмѣ встрѣтили насъ очень недовѣрчиво и только послѣ долгихъ дипломатическихъ переговоровъ удалось кушть небольшое количество самыхъ скромныхъ припасовъ. Правду сказавши, не стоило за ними ходить въ такую даль и въ такую жару и вѣтеръ по ужасной горной тропинкѣ вдоль ущелья, но *à la guerre comme à la guerre*.

Передъ заходомъ солнца вѣтеръ нѣсколько утихъ и переѣхавъ направленіе, плоть кое-какъ исправили и можно было пуститься въ путь. Вечеромъ повторилось тоже, что и наканунѣ: тѣже эфемериды цѣлыми міриадами кружились въ воздухѣ и падали мертвыми. тѣже самыя пѣсни пѣлъ кормчій, но сказокъ уже не рассказывали. Наступилъ набасъ,—дѣло было въ пятницу,—напѣ капитанъ, помолясь Богу, передалъ свою должность кормчему, поручалъ ему зорко слѣдить за теченіемъ и держаться середины рѣки, а самъ вскорѣ уснулъ и мы не замедлили послѣдовать его примѣру. Одинъ только бѣдный парубокъ долженъ былъ бодрствовать и работать за двоихъ; къ счастью почъ наступила очень тихая, такъ что ему не слишкомъ тяжело было управляться самому, плоть быстро несло по теченію и на разсвѣтѣ, миновавъ небольшой островъ, кажется, изъ ланосной земли, поросшій лозою и кустарникомъ,—первый островъ, какой намъ встрѣтился на Двѣстрѣ, мы пристали къ Студеницѣ.

Пристань, въ которой стояло нѣсколько лодокъ, плотовъ и галляри, находилась въ разстояніи около двухъ верстъ ниже мѣстечка, противъ молдаванскаго села Отакъ (испорченное Атаки). Здѣсь мы

и остановились. Плоть долженъ былъ сплавляться дальне и въ назначенный срокъ прибыть въ Балюсъ или въ Могилевъ, по приказанію, предчувствуя вознагражденіе, согласился обождать, пока намъ удастся найти подводу, чтобы перевести нашъ багажъ въ мѣстечко. Маринчукъ оставилъ меня спящаго на плоту, а самъ пошелъ въ мѣстечко отыскивать подводу и квартиру, гдѣ-бы можно было остановиться, такъ какъ мы рассчитывали пробить въ Студеницѣ нѣсколько дней. На бѣду въ этотъ день случился двойной праздникъ: Преображеніе и суббота; православные жители съѣхали въ церковь, еврейское населеніе собиралось въ синагогу, — никакого толку добиться нельзя: «хочь сидай та плачь». Послѣ долгихъ поисковъ удалось наконецъ найти еврея, который согласился указать квартиру въ домѣ одного изъ своихъ знакомыхъ; оставалось отыскать подводу, но это оказалось еще труднѣе, такъ какъ по еврейскому закону всѣ домашнія животныя должны отдыхать въ субботу, а крестьянскія лошади еще съ вечера угнаны были въ поле, сами крестьяне съѣхали въ церковь и это послѣднее обстоятельство, вмѣстѣ съ свойственной подолянцамъ благодушной медлительностью, почти совсѣмъ лишило возможности вести переговоры о подводѣ. Наконецъ удалось кое какъ преодолѣть и это послѣднее препятствіе и условиться съ однимъ изъ крестьянъ, который обѣщалъ въ непродолжительномъ времени выслать на пристань подводу, какъ только лошади воротятся съ поля.

Успокоенный обѣщаніемъ, Маринчукъ далъ задатокъ, воротился на пристань и разбудилъ меня; послѣ чаю, расплатившись съ плотниками, мы остались съ багажемъ на берегу, а плотъ сплылъ съ якоря или вѣрнѣе съ небольшого колака, вбитаго въ землю, и, тихо покачиваясь, вышелъ изъ гавани и скоро скрылся изъ вида.

Наученные горькимъ опытомъ въ продолженіи нашего пребыванія въ Подольи, мы уже привыкли къ тому, что значить ожиданіе въ этой благословенной странѣ, и ждали терпѣливо, расположившись на пристани среди чемодановъ и представляя зрѣлище для прохожихъ. Мимо насъ безпрестанно шли люди: то группы крестьянъ подольскихъ и бессарабскихъ, одѣтыхъ въ свои лучшіе костюмы, поспѣшавшіе съ узелками въ рукахъ на храмовой праздникъ въ Студеницу; то еврей въ своихъ бѣлыхъ мантіяхъ переправлялись на лодкахъ изъ Отакъ и тоже съѣхали въ синагогу.

Каждый смотрѣлъ на насъ съ любопытствомъ и въ полголоса дѣлалъ свои замѣчанія. Уже пастушки, верхомъ на лошадяхъ, пригнали весь скотъ въ мѣстечко, уже евреи стали возвращаться изъ синагоги, а подводы все пѣтъ, какъ нѣтъ. Наконецъ около полудня Маринчукъ соскучился ожиданіемъ и пошелъ узнать о причинѣ такого замедленія. Дѣло объяснилось просто: хозяинъ ушелъ въ церковь, работнику невѣрно передали распоряженіе на нашъ счетъ и оны не знали, куда и зачѣмъ онъ долженъ ѣхать. Въ скоромъ времени появился мой другъ на огромномъ возу, на какихъ здѣсь возятъ слоны, запряженномъ парой очень малыхъ, но крѣпкихъ лошадокъ; мы живо сложили свои вещи, сами усѣлись сверху и мыцуть черезъ двадцать торжественно въѣзжали въ Студеницу.

Мѣстечко расположено въ глубокой долинѣ, имѣющей видъ продолговатаго четырехъ-угольника, окаймленнаго съ юга р. Днѣстромъ и замкнутаго со всѣхъ остальныхъ сторонъ тремя высокими горами. Съ востока возвышается крутая, совершенно лишенная растительности *Бѣлая гора*, самая высокая и обрывистая изъ трехъ горъ. На сѣверъ отъ мѣстечка зеленѣетъ болѣе пологая гора *Монастырисько* или *Ганусисько*, отдѣленная отъ *Бѣлой* глубокимъ оврагомъ. На западѣ тянется гора *Горошковатая*, отрѣзанная отъ *Монастыриська* глубокой долиной, на днѣ которой протекаетъ горная рѣчка Студеница, впадающая въ Днѣстръ въ самомъ мѣстечкѣ.

Влѣшнимъ своимъ видомъ м. Студеница ничѣмъ не отличается отъ другихъ подольскихъ мѣстечекъ. Въѣзжая улица проходитъ сперва чрезъ предмѣстье, состоящее изъ большихъ крестьянскихъ хатъ, окруженныхъ густыми, тѣнистыми садами. Предмѣстье отдѣляется отъ самаго мѣстечка рѣчкой Студеницей, настоящей горной рѣчкой, которая въ сухую погоду скорѣе похожа на широкій и быстрый, но не глубокій ручей; только въ случаѣ дождя наполняется водою и тогда течетъ съ невѣроятною быстротою, но чрезъ день-два вода спадаетъ и рѣчка становится опять, какъ говорится, курамъ по колѣни. Черезъ рѣчку перекринутъ деревянный мостикъ, за которымъ начинается самое мѣстечко.

На лѣво по главной улицѣ—домъ священника и рядомъ съ нимъ училище, на право приходская церковь, откуда выходили группами крестьяне въ живописныхъ праздничныхъ нарядахъ и расходились въ разныя стороны съ узелками въ рукахъ. Наконецъ

мы въѣхали на рынокъ, застроенный въ два ряда еврейскими домами; въ одномъ изъ нихъ мы остановились *на станцію*, какъ здѣсь говорить, т. е. на квартиру и, отдохнувши немного, пошли осматривать мѣстечко.

На срединѣ обширной, продолговатой площади вмѣсто ратуши возвышается каменная корчма, въ противоположность другимъ домамъ, снабженная обширнымъ дворомъ, съ каменной оградой; рядомъ съ корчмой расположены нѣсколько маленькихъ деревянныхъ лавочекъ. На палис счастье день выпалъ праздничный и площадь, переполненная народомъ, представляла весьма оригинальное зрѣлище: по одну сторону, подалеке отъ корчмы важно расхаживали нарядные пожилые евреи съ женами и дочерьми, между тѣмъ какъ молодые собрались въ домъ, гдѣ помещалось еврейское училище, и пѣли сначала свои національныя пѣсни, а затѣмъ солдатскія. Вокругъ корчмы размѣстились группы крестьяне, пришедшіе въ храмъ изъ соседнихъ селъ, каждый со своими припасами; тутъ поминутно слышались веселыя шутки и остроты, каждый угощать пріятеля своимъ обѣдомъ и только водку брали въ корчмѣ. Тутъ мы замѣтили неизвѣстный намъ прежде обычай: у насъ на Украинѣ существуетъ обыкновеніе освящать на Спаса первые яблоки и медъ, между тѣмъ въ Студеницѣ крестьяне приносятъ для посвященія хлѣбъ и жареную рыбу, не смотря на чрезвычайное обиліе фруктовъ въ этой мѣстности. Не знаю, мѣстный-ли это обычай, или распространенный во всемъ Подольѣ.

Подъ вечеръ публика у корчмы порядочно выпила и совсѣмъ развеселилась, даже торжественное настроеніе стариковъ исчезло; тутъ и тамъ на площади стали раздаваться рѣзкіе, крикливые женскіе голоса, возлѣ корчмы начались пѣсни и драки. Между тѣмъ какъ евреи послѣ вечерней молитвы сняли праздничныя платья и принялись за домашнія работы, вся площадь была еще покрыта небольшими кучками крестьянъ, переходившихъ отъ корчмы къ вѣшному погребу и обратно; тотъ шелъ съ пріятелемъ выпить литру вина, другой велъ жену *почастовать* и заботливо держалъ на рукахъ ребенка. Въ толпѣ съ трудомъ можно было отличить подоляцъ отъ молдаванъ, до такой степени оба тина смѣшались между собою. Въ ближайшихъ къ Днѣстру селахъ, гдѣ населеніе находится въ постоянныхъ сношеніяхъ, подоляне по паружности не

многимъ разнятся отъ румыновъ: тѣ же длинныя волосы по плечамъ, только у послѣднихъ преобладаетъ черный цвѣтъ, а у подолянъ болѣе свѣтлый; тотъ-же костюмъ—длинная сорочка на выпускъ, часто доходящая до колѣнъ, красный шерстяной поясъ очень широкій, иногда до полуаршина въ ширину, поверхъ котораго надѣвается другой кожаный поясъ вершка въ два-три шириною, украшенный рядомъ большихъ мѣдныхъ пуговицъ по срединѣ; въ этомъ поясѣ крестьянинъ носить деньги, охотничьи заряды и другія мелкія вещи, которыми особенно дорожить; на ремешкахъ у пояса привѣшены: трубка, ножъ, *кресало*, мѣшочекъ для кремней и трута и т. п. Подобный поясъ составляетъ, кажется, самый драгоценный предметъ роскоши для подольскаго мальчика пастуха, и товарищи съ завистью смотрятъ на счастливца, обладающаго такимъ сокровищемъ. Вообще въ варужности и одеждѣ подольскихъ и бессарабскихъ поднѣстрианскихъ крестьянъ очель много общаго; къ довершенію сходства нужно замѣтить, что многіе жители лѣваго берега Днѣстра хорошо говорятъ по румынски, а молдаване по украински. На сколько я могъ замѣтить, подоляне отличаются только болѣе оживленнымъ и осмысленнымъ видомъ, болѣе высокимъ ростомъ и стройной осанкой и вообще показываются развитѣе молдаванъ.

Что касается женщины, то онѣ сохраняли во всей чистотѣ особенности тѣла и одежды. Подолянки также гораздо красивѣе, выше и стройнѣе молдаванокъ; одежду ихъ составляетъ длинная рубаха съ *полками* и рукавами, расшитыми въ поперечныя полосы чернымъ, желтымъ, краснымъ и др. гарусомъ, «заполочью» и шелкомъ; поверхъ узора нашиты рядами блестки и рыба чешуя. Отличительную черту поднѣстровскаго орнамента представляетъ чрезвычайно густой и сложный узоръ изъ ломаныхъ линий¹⁾, вполне тождественный въ своихъ основныхъ элементахъ съ орнаментикою придунайскихъ славянъ, отъ которой онъ отличается большимъ развитіемъ (формъ и однообразіемъ окраски; каждая полоса шьется *занизуваннямъ*¹⁾ и однимъ только цвѣтомъ, иногда съ прямѣсю

¹⁾ Особый родъ шитья, при которомъ цвѣтная нитка пронизываетъ полотно параллельно нитямъ ткани, отъ чего узоръ выходитъ какъ-бы вытканымъ.

золота или серебра; кромѣ рукавовъ и *комира* въ женскихъ сорочкахъ вышиваютъ еще двѣ продольныя полосы на пазухѣ и на спинѣ, за то въизу совсѣмъ нѣтъ вышивокъ. Мѣстные этнографы говорятъ, что различныя комбинаціи цвѣтовъ и узоровъ присвоены различнымъ семейнымъ состояніямъ женщины, такъ что опытный этнографъ, не зависимо отъ головного убора, только по вышивкѣ сорочки можетъ отличить дѣвушку отъ «*молодыци*», вдовы и т. д. Подобно нашимъ селянкамъ здѣсь носятъ черную «*запаску*» только изъ одного куска и съ красной каймой вокругъ, подвязанную узорчатой гарусной «*крайкой*», вмѣсто передника шерстяной платокъ, сложенный въ косынку, на шеѣ множество коралловъ, а у дѣвушекъ шнурки, вынизанные изъ разноцвѣтнаго мелкаго бисера, — «*сѣлянки*» по мѣстному названію (отъ слова *селяти*—пизать). Головной уборъ у дѣвушекъ состоитъ изъ цвѣтовъ и лентъ, у «*молодыци*» изъ «*хустки*», которую повязываютъ очень просто и изящно; пожилыя женщины надѣваютъ «*намитку*», вышитую золотомъ или серебромъ. Между тѣмъ одежда молдаванокъ отличается отсутствіемъ изящества и въ особенности національнаго отбѣнка: онѣ одѣваются въ темную ситцевую юбку и кофту, на головѣ ситцевый московскаго издѣлія платокъ и только; впрочемъ нѣкоторыя по примѣру подольнокъ носятъ рубаху, вышитую чернымъ шелкомъ. Не знаю, чѣмъ объяснить такой упадокъ національнаго вкуса у здѣшнихъ молдаванокъ. Такъ какъ у насъ къ сожалѣнію нѣтъ еще ни одного полнаго собранія народныхъ орнаментовъ и существуетъ понынѣ только двѣ-три болѣе или менѣе удачныя попытки къ изученію народной орнаментики, и то болшею частью ограниченныя весьма узкимъ райономъ, то я не имѣю возможности обставить научными доказательствами свои заключенія. На основаніи личнаго наблюденія народныхъ орнаментовъ среди малороссовъ и румынскихъ колонистовъ новороссійскаго края и затѣмъ среди подольянъ, я увѣренъ, что названный мною подольскимъ орнаментъ, т. е. какъ самый способъ шитья, такъ и рисунки, цѣлкомъ перешелъ къ намъ отъ молдаванъ, а къ этимъ послѣднимъ, кажется, отъ придунайскихъ славянъ. Мы знаемъ, что въ самой Бессарабіи коренные жители вполне удержали свои этнографическія особенности, между тѣмъ какъ молдаване въ Подністровьи почти совсѣмъ оставили свою орнаментуку. Неужели и въ такой глуши сказывается уже вліяніе

городскихъ модъ? Впрочемъ я уже слишкомъ увлекся этнографическими подробностями и злоупотребляю терпѣніемъ читателя; но будь что будетъ, «мы же на предняя возвратимся», какъ говоритъ почтенный южно-русскій лѣтописецъ.

Съ паступленіемъ сумерекъ гуляющіе мало по малу разошлись по домамъ, на площади остались только еврейскія дѣти, игравшія на пескѣ, и долго еще раздавался ихъ веселый смѣхъ и своеобразный гортанный говоръ.

Вечеромъ квартира наша наполнилась посѣтителями—сюда явилось почти все еврейское населеніе Студенцы съ жепами и дѣтьми; болѣе почетныя, или тѣ, кто посмѣлѣе, пробрались въ комнаты и безъ церемоніи принялись перебирать и разсматривать всѣ наши вещи до послѣдней мелочи, но не съ любопытствомъ дикарей, а напротивъ съ видомъ знатоковъ. Другіе вылѣзли на завалишку передъ окнами и засыпали насъ вопросами: каждый интересовался узнать, зачѣмъ прибыли двое неизвѣстныхъ людей, расхаживавшихъ по мѣстечку безъ определенной цѣли. Какъ ни старались мы объяснить, что путешествуемъ для собственнаго удовольствія, съ цѣлью познакомиться съ краемъ, посѣтители не могли повѣрять такому простому отвѣту, и мнѣнія раздѣлились: одни думали, что мы собираемъ свѣдѣнія относительно судоходства, и разсказывали о томъ, какъ прошедшею весною въ половодье проѣзжалъ по Днѣстру на пароходѣ адмиралъ Чихачевъ, измѣрившій глубину рѣки; другіе принимали насъ за купцовъ, которые нарочно скрываются, желая выгодыѣ купить, что нужно; иные подозрѣвали въ насъ агентовъ какой нибудь фирмы, явившихся для закупки фосфоритовъ по примѣру австрійскихъ агентовъ, которые два года назадъ проѣхали съ этою цѣлью по всему Днѣстру. Наконецъ одинъ молодой, красивый еврей, выдѣлявшійся между всѣми остальными особенно умнымъ и выразительнымъ лицомъ и интеллигентными вопросами, учитель мѣстной еврейской школы, рѣшилъ, что мы—люди науки, пріѣхавшіе сюда для собранія какихъ-то научныхъ матеріаловъ, «для практики», какъ онъ выразился, и большинство согласилось съ его мнѣніемъ.

Подъ конецъ намъ уже сильно надоѣли всѣ распросы и безцеремонное поведеніе посѣтителей, изъ которыхъ каждый считалъ

своимъ долгомъ пересмотрѣть всѣ лежавшія на столѣ вещи: компасы, карты, книги и др. и взять хоть по одной паширокѣ, такъ что оба мы сильно обрадовались, когда разошлись незваные гости и можно было отдохнуть. Въ слѣдующіе дни такія посѣщенія почти прекратились, только учитель да еще три-четыре еврея приходили каждый вечеръ побесѣдовать на часокъ.

На слѣдующее утро мы предполагали идти въ горы осматривать находящіяся въ нихъ пещеры, но оказалось, что на площади передъ нашими окнами собирается ярмарокъ. Хотя для студеницкихъ жителей это самый обыкновенный ярмарокъ, повторяющійся черезъ двѣ недѣли въ воскресенье, но для насъ онъ представлялъ возможность увидѣть мѣстные продукты, узнать цѣны, а главное—наблюдать нравы и составить себѣ представленіе о производительности округа, для котораго мѣстечко служить центромъ.

Площадь, залитая массой народа, двигающагося во всѣхъ направленіяхъ, представляла очень оригинальное зрѣлище. Вокругъ рынка размѣстились въ нѣсколько рядовъ крестьянки, въ лучшихъ праздничныхъ костюмахъ, съ мѣлками яицъ, фруктовъ, чеснока, съ вѣнками цибули и другими овощами, инныя продавали живую птицу,—вообще главными продуктами сельскаго производства были разнаго рода съѣстные припасы; только двѣ-три крестьянки между прочимъ вынесли на продажу нѣсколько запасовъ и поясовъ. Особенно бросается въ глаза огромное количество фруктовъ: яблокъ, грушъ, сливъ и арбузовъ, занявшихъ почти половину площади, и необыкновенная ихъ дешевизна: я покупалъ прекрасныя, большія груши и яблоки самыхъ лучшихъ сортовъ по копейкѣ десятокъ, не торгуясь, и еще давали одну штуку въ придачу, а мѣстные евреи все покупаютъ въ половину дешевле. Не даромъ Студеница, по количеству производимыхъ въ ней фруктовъ, считается садомъ цѣлаго Подолія; все мѣстечко, исключая еврейской квартиры, утопаетъ въ садахъ, изъ которыхъ сухіе плоды расходятся чуть не по всѣмъ городамъ южной Руси.

Посреди площади расположились евреи со своими товарами: дешевыми платками, ситцами, лентами, сережками, грюшевыми пряниками и т. д.; продавали молоденькія еврейки, между тѣмъ какъ отцы и матери разсѣялись по площади и ближайшимъ улицамъ между во-

вами, гдѣ стоялъ приведенный для продажи скотъ, и покупали рѣшительно все, что только можно купить. Муципы метались какъ угорѣлые между грудами расположившихся съ товарами престыанъ, торгуясь самымъ безбожнымъ образомъ, между тѣмъ какъ старья *балабусты* съ важнымъ видомъ подходили къ продающимъ, спокойно прицѣпывались къ товарамъ, предлагали невозможную цѣну, уходили, встрѣтивши отказъ, снова возвращались, набавляя полъ гроша, и такъ до безконечности, пока не успѣвали купить желаемого за безцѣность.

Среди оживленной толпы, разумѣется, не было недостатка въ меткихъ, остроумныхъ выраженіяхъ и самыхъ отборныхъ ругательствахъ—безконечно разнообразныхъ вариантахъ на одну и ту-же тему, которыми поминутно пересыпался разговоръ на языкахъ: украинскомъ, румынскомъ и даже еврейскомъ, такъ какъ евреи всегда примѣшиваютъ въ свою рѣчь слова и даже цѣлыя фразы изъ мѣстныхъ нарѣчій. Въ густой толпѣ, покрывавшей площадь, сразу замѣчается одна особенность, отсутствіе одного изъ необходимыхъ элементовъ всѣхъ базаровъ и ярмарокъ на Украинѣ—полпѣйшее отсутствіе кобзарей, лириковъ и даже обыкновенныхъ нищихъ. По словамъ Аванасьева-Чужбинскаго и въ его время, т. е. двадцать лѣтъ назадъ, въ Подпѣстровьи не замѣтно было ни лириковъ, ни кобзарей, но все таки существовали правильно организованныя артели нищихъ, переходившія съ мѣста на мѣсто, теперь же намъ пришлось видѣть ярмарки въ разныхъ мѣстахъ: въ Яромлипахъ, Жванцѣ, Студеницѣ, Старой-Ушицѣ и др., и нигдѣ не встрѣтилось ни одного нищаго. Не знаю, чѣмъ это объяснить; можетъ быть въ лѣтній сезонъ они уходятъ на заработки въ другія мѣста, какъ Почаевъ, Кіевъ и т. п.—Какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ всѣ видѣнные нами въ Подольи ярмарки совершенно сходны между собою; поэтому я останавливаюсь на одномъ изъ нихъ, чтобы впродъ не повторяться.

Около трехъ часовъ по полудни ярмарокъ пережѣнили характеръ: крестьяне распродали все привезенное и удалились въ корчму запивать *могоричи*, а женщины съ дѣтьми расхаживали между лотками, возлѣ которыхъ сидѣли евреи, услѣвшіе уже расположить только что купленные припасы вмѣстѣ съ своими товарами и про-

дававшие их вдвое дороже. Матери покупали дѣтямъ закомства, дѣвчатамъ украшенія, торговля шла такъ бойко, что до вечера евреи, вѣроятно, успѣли возратить съ процелтами большую часть денегъ, истраченныхъ ими въ этотъ день.

Часовъ въ пять ярмарокъ началъ разбѣзжаться, возлѣ корчмы и винярни остались только студеницкіе граждаде, которые гуляли до ночи, при чемъ произошло нѣсколько ссоръ, окончившихся дракою. Привышій на этотъ день урядникъ, которому подвѣдомственно мѣстечко, объяснилъ намъ, что молдаване въ пьяномъ видѣ большіе охотники до дракъ, иногда оканчивающихся смертью одного изъ спорящихъ. Потомки храбрыхъ Даковъ повидимому еще не совсѣмъ утратили воинственный характеръ своихъ предковъ. Я не имѣю достаточно матеріаловъ для того, чтобы представить полную исторію Студеницы, поэтому ограничусь нѣсколькими отрывочными свѣдѣніями, встрѣтившимися мнѣ въ историческихъ источникахъ относительно миновавшей судьбы мѣстечка. О времени возникновения мѣстечка Студеницы мнѣ не удалось найти точныхъ свѣдѣній ни въ польскихъ, ни въ русскихъ источникахъ; правдоподобно, возникло оно одновременно съ другими селами и мѣстечками во время колонизаціи XVI вѣка, а можетъ быть и того раньше. Во всякомъ случаѣ ни въ удѣльный, ни въ литовскій періодъ мы не встрѣчаемъ этого названія. Расположенное въ очень выгодной мѣстности, въ глубокой долинѣ, съ трехъ сторонъ защищенной высокими горами, на берегу судоходной рѣки, образующей здѣсь очень удобную пристань, по срединѣ между главнѣйшими промышленными и торговыми центрами западнаго Подолья, мѣстечко должно было заселиться очень быстро и сдѣлаться торговымъ центромъ для цѣлаго округа. Это значеніе оно удерживаетъ и до настоящаго времени.

Въ первый разъ Студеница упоминается въ источникахъ подъ 1633 г., какъ многолюдное и хорошо укрѣпленное мѣстечко, принадлежавшее брацлавскому воеводѣ, Станиславу Потоцкому. Въ 1633 г. Абассъ-паша съ сильною турецкою арміею вторгнулся въ предѣлы Подолья, но потерпѣлъ поражение отъ Конецпольскаго между Каменцемъ и Павевцами (въ концѣ октября), послѣ чего отступилъ обратно въ Молдавію, но на пути осадилъ Студеницу. Городъ защищали сами жители безъ помощи войска; при совер-

шенномъ почти отсутствіи боевыхъ припасовъ они въ теченіи трехъ дней отражали натискъ всей турецкой арміи. Наконецъ, потерявъ въ штурмахъ болѣе 1000 человекъ, турки сожгли и разграбили городъ и замокъ и удалились за Днѣстръ¹⁾. Въ награду за стойкое сопротивленіе испріятелю сеймъ, конституціею 1635 г., освободилъ жителей отъ всѣхъ податей и повинностей въ теченіи восьми лѣтъ, чтобы облегчить имъ возможность поправиться послѣ погрома и возстановить разрушенные дома. Съ своей стороны владѣлецъ также надѣлялъ жителей важными льготами. Въ силу полученныхъ привилегій городъ быстро оправился, въ немъ поселились богатые купцы: армяне, греки и валахи, сильно поднявшіе его торговое значеніе. Они застроили рынокъ двухъ-этажными каменными домами въ восточномъ стилѣ, съ балконами, лавками и подвалами, какіе еще сохранились въ Каменцѣ, Могилевѣ и другихъ подольскихъ городахъ, въ которыхъ существовали колоніи восточныхъ купцевъ. Представители всѣхъ этихъ національностей имѣли здѣсь свои церкви, двое хорошо укрѣпленныхъ каменныхъ воротъ охраняли въѣздъ въ мѣстечко; сверхъ того здѣсь существовала переправа черезъ Днѣстръ, состоявшая изъ двухъ паромовъ и облегчавшая сообщеніе съ Молдавіей. Однимъ словомъ жизнь торговая и промышленная процвѣтала въ мѣстечкѣ, и Студеница славилась своими ярмарками, на которыя издавна пріѣзжали купцы съ товарами и собиралось дворянство изъ цѣлаго края²⁾. Далѣе всѣ свѣдѣнія о Студеницѣ обрываются въ продолженіи болѣе 40 лѣтъ. Въ перечнѣ подъемной подати подольскаго воеводства за 1678 г. здѣсь значится 20 дымовъ; въ это время мѣстечко принадлежало кievскому воеводѣ Андрею Потоцкому.

Въ 1684 г. въ Могилевѣ приговорешъ козацкою радою и казень за бѣгство изъ табора, находившагося въ опасномъ положеніи въ буджацкой степи, гетманъ правобережной Украины, Куницкій. На мѣсто его избранъ Могиленко, признанный и польскимъ правительствомъ и устроившій свою резиденцію въ Немировѣ. Гетманъ этотъ принималъ участіе въ борьбѣ поляковъ съ турками за обла-

¹⁾ Львовская лѣтопись, стр. 275. Kwiatkowski, Dzieje Władysława III, стр. 96.

²⁾ Baliński i Lipiński—Starożytna Polska, т. II, стр. 953, 954.

даніе Подольемъ. Въ 1684 г. онъ во главѣ подвластныхъ ему козаковъ занялъ Студеницу, которая была снабжена укрѣпленіями; но Могиленко извѣстенъ былъ своею нерасторопностію и потому потерпѣлъ неудачу, которую описываетъ такими словами современникъ его гетманъ Самойловичъ въ письмѣ къ полковнику Новицкому: «волочан оныє, которые позабѣгали были на затяги ляцкіє, натрафили на честь подъ Студеницею зъ дурнымъ Могиленкомъ, гдѣ ихъ всѣхъ зъ мѣстечка въ поле турки камсенецкіє зъ татарами и черемисами выманивши, до килька тысячей вытяли; тилько Могиленко зъ тридцатьма или болшей челоувѣками въ лѣсь пѣкоторый удризавши, пришелъ живо до Немирова». Раздраженныє этой неудачей, козаки чуть было не убили Могиленка, а затѣмъ четыре тысячи изъ нихъ оставили польскую службу и ушли на лѣвый берегъ Днѣпра¹⁾.

Не смотря на разноплеменный составъ своего населенія, Студеница всегда живетъ одними интересами съ народонаселеніемъ цѣлаго края. Такъ, во время возстанія крестьянъ, вспыхнувшаго въ Подоліи въ 1702 г. по призыву Самуся и Палія, жители Студеницы приняли въ немъ дѣятельное участіе; узнавъ, что козаки заняли Баръ, студеничане отправили къ нимъ депутацію съ изъявленіемъ готовности примкнуть къ движенію. Депутацію составляли: студеницкій православный священникъ Авва (вѣроятно молдованъ по происхожденію) и представители мѣщанъ: Шафранникъ и Михайло Лысый. По призыву этихъ notableй отрядъ козаковъ отправился изъ Бара въ Студеницу; къ нему примкнули многіе жители какъ самой Студеницы, такъ и сосѣдняго мѣстечка Китайгорода, а равно и окрестныхъ селъ; мѣстные шляхтичи и евреи были перебиты или изгнаны, имущество ихъ разграблено. Одинъ изъ евреевъ, Шлѣма Ирхимовичъ, жаловался впоследствии, что возставшіє студеничане разорили его винокурениый заводъ, ограбили имущество и убили сына, трупъ котораго бросили на съѣденіе собакамъ²⁾.

Въ то время Студеница съ прилегающимъ къ ней округомъ принадлежала кіевскому воеводѣ Іосифу Шотоцкому, который приобрѣ-

¹⁾ Книга гродская Камсенецкая (рукопись кіевского центрального архива) № 3637, листъ 42.

²⁾ Акты южной и западной Россіи, т. V, стр. 177.

³⁾ Архивъ юго-западной Россіи, ч. III, т. II, стр. 535, 536.

рѣль громкую извѣстность среди современниковъ необыкновенною жестокостью въ усмиреніи помянутого крестьянскаго возстанія; зная нравъ своего владѣльца и справедливо опасаясь съ его стороны кровавыхъ репрессалій, принимавшіе участіе въ возстаніи жители Студеницы спаслись бѣгствомъ въ Бессарабію. Сеймикъ подольскій требовалъ неоднократно отъ молдавскаго господаря выдачи этихъ бѣглецовъ, а также возвращенія скота, угнаннаго ими въ Молдавію изъ экономіи Цотоцкаго, но всѣ его представленія остались безъ успѣха¹⁾.

Вскорѣ послѣ усмиренія возстанія Студеницѣ пришлось испытать новое общественное бѣдствіе, поразившее цѣлый край. Послѣ перехода въ унию каменецкаго епископа Іосифа Шумлянскаго, когда началось пасивльственное обращеніе въ унию всѣхъ православныхъ жителей Подоля, студеницкая церковь, подобно всѣмъ другимъ, была обращена въ униатскую; священникъ Азва ушелъ въ Молдавію, а на его мѣсто назначенъ униатъ Ѳедоръ Буцко. Но религіозное отступничество не гарантировало отъ шляхетскаго насилія ни церкви, ни священника. 17 мая 1704 г. священникъ Ѳедоръ Буцко заявилъ передъ урядомъ жалобу на то, что управляющій имѣніемъ Цотоцкаго, шляхтичъ Валентянъ Залескій, по неизвѣстной причинѣ опечатавъ церковь, разогналъ собравшихся для молитвы прихожанъ, а самаго священника осыпалъ бранными словами и угрозами лишить его жизни²⁾.

Отношеніе польскаго дворянства къ униі не измѣнилось въ теченіи всего XVIII ст.; считая эту вѣру только переходною ступенью для перевода жителей въ католичество, шляхтичи не переставали при каждой возможности оскорблять и унижать эту вѣру и насмѣхаться надъ русско-униатскимъ духовенствомъ. Перечисляя многочисленные факты такого рода, случившіеся между 1758 и 1765 гг., униатскій каменецкій епископъ между прочимъ говоритъ: «Господинъ Окульскій, управляющій студеницкимъ имѣніемъ, безпрестанно ругается надъ русскими священниками; онъ позоритъ ихъ, заявляя публично, что они схизматики и что вѣра ихъ хуже еврейской. Онъ, между прочимъ, приказалъ слугамъ своимъ отнять

¹⁾ Ibid., стр., 560.

²⁾ Ibid., ч. I, т. IV, стр. 237.

лошадь у приходскаго священника села Теремець¹⁾; нахожки его, вскакывая на эту лошадь, гоняли ее то туда, то сюда мимо священника, насмѣхаясь надъ нимъ, пока не искалечили копы²⁾. Правдоподобно, такое положеніе продолжалось до возстановленія православія въ своихъ правахъ во всемъ юго-западномъ краѣ.

Во второй половинѣ XVIII ст. Студеницѣ пришлось испытать послѣднее общественное бѣдствіе, постигшее край. Моровая язва, опустошавшая все Подоліе въ 1770 г., и политическія волненія въ краѣ, случившіяся въ тоже время, посѣтили и Студеницу и уничтожили значительную часть ея населенія. Мѣстечко пришло въ упадокъ; этимъ воспользовались евреи и въ большомъ количествѣ начали селиться здѣсь на мѣсто восточныхъ купцевъ, частью погибшихъ отъ чумы, частью оставившихъ мѣстечко, отъ чего крупная торговля все больше исчезала и замѣнялась мелкими оборотами. Новый владѣлецъ, ущицкій староста Стапиславъ Садовскій, которому досталась Студеница, сдѣлалъ попытку оживить мѣстную торговлю, исключотавши у сейма въ 1774 г. привиллегію на три ярмарки въ году³⁾. О дальнѣйшей судьбѣ мѣстечка мы не имѣемъ свѣдѣній, — относящіеся къ нему документы должны храниться въ общественныхъ и частныхъ архивахъ. Кажется, оно никогда не пользовалось самоуправленіемъ, по крайней мѣрѣ неизвѣстно, чтобы когда нибудь сеймъ выдалъ ему привиллегію на магдебургское право.

Вотъ и все, что удалось мнѣ собрать о бытѣ студеничанъ въ старое, но не совсѣмъ доброе время.

Студеница и въ настоящее время считается самымъ значительнымъ торговымъ центромъ между Жванцемъ и Могилевомъ, но уже отъ армянъ, грековъ и валаховъ не осталось и слѣда: они или выселились отсюда послѣ 1770 года въ другія мѣста, или, можетъ быть, ассимилировались съ мѣстными жителями — украинцами, утративши свой языкъ, обычаи и весь свой этнографическій типъ, подобно тому, какъ это случилось въ Камецѣ, Могилевѣ и т. д. Отъ старины уцѣлѣли только два-три дома съ балконами и мезо-

¹⁾ Село на рѣкѣ того-же имени, верстахъ въ пяти къ сѣверо-востоку отъ Студеницы.

²⁾ Државъ юго-западной Россіи, ч. I, т. IV, стр. 543.

³⁾ Baliński i Lipiński — loc. cit.

винами, которые уже не поддерживаются жителями и мало по малу разрушаются.

Въ настоящее время населеніе Студеницы состоитъ изъ евреевъ, которые составляютъ меньшинство и все безъ исключенія занимаются какою нибудь торговлею (сколько мнѣ удалось замѣтить, большой спеціализаціи въ этомъ случаѣ нѣтъ: каждый покупаетъ все, что попадется подъ руку и продаетъ, когда представится выгодный случай), и крестьянъ, занимающихся хлѣбопашествомъ и отчасти другими сельскими промыслами. Изъ нихъ наиболѣе доходнымъ является садоводство, такъ какъ при каждой хатѣ находится обширный садъ, съ котораго выручаются порядочныя деньги, не смотря на чрезвычайную дешевизну фруктовъ; сверхъ того многіе изъ крестьянъ имѣютъ еще сады въ горахъ. Другое занятіе, также довольно выгодное, представляетъ разведеніе аниса; почти при каждой хатѣ значительную часть огорода засѣваютъ этимъ растеніемъ, отъ котораго по всей улицѣ разносится сильный, одуряющій запахъ. Зерна аниса закупаются австрійскими винокурами, при посредствѣ мѣстныхъ евреевъ, отъ шести до десяти рублей за корецъ. Впрочемъ крестьяне находятъ, что въ прежнее время промыселъ этотъ приносилъ больше дохода: теперь все занялись разведеніемъ аниса, а между тѣмъ спросъ на него за послѣдніе годы уменьшился, и приходится продавать зерно по болѣе низкой цѣнѣ, такъ что едва окупаются расходы и трудъ. Анисъ, по мѣстному произношенію *аньисъ*, требуетъ большаго ухода: его нужно часто поливать въ первое время послѣ всходовъ и выпалывать раза три-четыре за лѣто. Намъ приходилось еще видѣть на огородахъ небольшія плантаціи табаку, простаго и турецкаго, но здѣсь повидимому его разводять больше для собственнаго употребленія, чѣмъ для продажи. Чѣмъ ниже по Дибѣстру, тѣмъ чаще попадаются табачныя плантаціи, иногда занимающія довольно значительныя пространства, но вообще эта отрасль промышленности болѣе развита на бессарабскомъ берегу; тутъ сѣются лучшіе сорта турецкаго табаку, который потомъ расходуется по всей Россіи и въ продажѣ выдается за турецкій.

Наконецъ изъ мѣстныхъ промысловъ можно еще отмѣтить рыболовство. Впрочемъ въ Студеницѣ, какъ и по всему теченію Дибѣстра до самаго лимана, занятіе это не представляетъ правильно

организованнаго промысла и носить больше случайный характеръ. Въ Днѣстрѣ водятся хорошіе сорта рыбъ: щука, марена, судакъ, сомъ, даже стерлядь и др.; при многочисленности евреевъ въ городахъ и мѣстечкахъ спросъ на рыбу весьма значительный и главное постоянный, а между тѣмъ рыбная ловля производится самымъ первобытнымъ образомъ. Нѣтъ настоящихъ рыбаковъ, которые бы ловили рыбу въ надлежащее время и заготовляли на зиму; каждый желающій изъ крестьянъ, запасшись лодкою, можетъ отправиться на рѣку и ловить сколько угодно, въ пятницу вся рыба раскупается евреями и на слѣдующую недѣлю слова нужно отправляться на ловлю. При такихъ порядкахъ рыбная ловля производится во все времена года; рыба не имѣетъ возможности спокойно расти и размножаться, поэтому количество ея изъ года въ годъ уменьшается. Намъ вездѣ приходилось выслушивать жалобы жителей на то, что рыбы становится все меньше, что она уходитъ въ море; одни объясняютъ это тѣмъ, что въ прошедшемъ году по Днѣстру прошелъ пароходъ и напугалъ рыбу, хотя пароходъ прошелъ всего одинъ разъ во время самаго сильнаго разлива, а между тѣмъ галеры и плоты ходятъ цѣлое лѣто, и никто не думаетъ, что они могутъ тревожить водяное населеніе; но мнѣнію другихъ причиною тому являются попытки къ уничтоженію пороговъ, которые будто-бы задерживали огромную массу воды, а съ нею вмѣстѣ и рыбу.—Разумѣется, такія мнѣнія слишкомъ наивны: дѣло не въ пароходахъ или порогахъ, которые такъ незначительны, что совсѣмъ не могутъ задерживать воду, а въ слишкомъ примитивномъ способѣ рыболовства, которое и двадцать лѣтъ назадъ было въ такомъ-же точно состояніи, судя по описанію Аванасьева-Чужбинскаго. Почти въ такомъ-же состояніи находится этотъ промыселъ и въ нашихъ рѣкахъ, и уже не далеко то время, когда нужно будетъ безуспешно разводить рыбу въ садкахъ, какъ это дѣлается уже за границей.— Впрочемъ, часть жалобъ на уменьшеніе количества рыбы можно отнести на счетъ повсемѣстно господствующаго убѣжденія, будто въ старину все было лучше и обильнѣе, чѣмъ теперь.

Просматривая различные источники, относящіеся къ Студеницѣ, мы узнали, что въ *Бѣлой горѣ* существуетъ огромная пещера, въ которой могли помѣститься 15,000 человекъ. Разумѣется нужно было осмотрѣть ее; хотя авторъ «Очерковъ Днѣстра» не

напелъ въ ней ничего замѣчательнаго и рѣшилъ, что пещерк не заслуживаетъ вниманія; но вѣдь въ такихъ случаяхъ все зависѣтъ отъ субъективнаго впечатлѣнія, поэтому мы взяли проводника и отправились.

Тотчасъ по выходѣ изъ мѣстечка начинается подъемъ на гору, по которому проходитъ дорога въ с. Бакоту; на право отъ дороги возвышается *Бѣлая* гора, поросшая съ этой стороны дерномъ и усѣянная известковыми скалами, выходящими прямо изъ земли; мало по малу земля сползаетъ въ долину и обнажаетъ залегающія подъ нею каменныя породы. Гора съ этой стороны настолько крута, что подыматься прямо слишкомъ тяжело, нужно идти по тропинкѣ, проложенной пастухами, которая вьется зигзагами по склону горы. Южная сторона *Бѣлой* горы, обращенная къ рѣкѣ, представляетъ въ верхней своей части почти отвѣсный обрывъ съ двумя карнизами, сажень около тридцати въ вышину; нижняя часть имѣетъ болѣе пологій склонъ, образовавшійся изъ осыпи земли и камней съ вершины горы, по стоя на вершинѣ, кажется, будто подъ вами совершенно отвѣсная стѣна, опускающаяся прямо въ Двѣстръ. Со стороны рѣки гора достигаетъ болѣе 70 сажень въ вышину; на всемъ ея протяженіи вдоль берега обнажаются пласты бѣловатаго известняка, залегающаго до самаго основанія горы, отъ котораго она и получила свое названіе.

Въ верхней части горы находится не одна, а цѣлыхъ пять или шесть пещеръ, расположенныхъ въ два ряда другъ подъ другомъ, съ обращенными на югъ выходами. Поднявшись на самую вершину, надо снова спускаться съ обрыва, цѣпляясь за скалы, рискуя при первомъ неосторожномъ шагѣ скатиться въ пропасть и сломать шею; съ каждымъ шагомъ подъ ногами осыпаются мелкіе камни и случается, что скала, за которую хочешь удержаться, начинаетъ очень подозрительно пошатываться, падо скорѣе искать другой опоры; стараешься ступать какъ можно легче и выходить еще хуже. Отъ непривычки ходить по такимъ крутизнамъ, дѣйствующимъ на нервы самымъ непріятнымъ образомъ, у обоихъ насъ закружилась голова и безъ помощи проводника мы легко могли очутиться внизу раньше и не въ такомъ видѣ, какъ-бы хотѣлось; проводникъ нашъ, мѣстный крестьянинъ, шелъ спокойно, какъ по ровному, по самымъ невѣроятнымъ стремвинамъ, уступая намъ луч-

шія мѣста, и разсказывала въ видахъ успокоенія, какъ онъ зимою гоіається за лисицами по этимъ горамъ.

Наконецъ, обогнувъ послѣдній и самый опасный утесъ, мы у входа въ пещеру. Это обширный гротъ, или вѣрнѣе рядъ гротовъ, надъ которыми расположенье другой рядъ пещеръ. Ихъ входъ, обращенный къ югу, большею частью такъ низокъ, что войти въ пещеру можно только ползкомъ; спустя три-четыре аршина своды постепенно повышаются, такъ что можно уже выпрямиться во весь ростъ, затѣмъ идутъ болѣе или менѣе обширныя камеры и развѣтвляющіеся, извилястыя корридоры; средняя высота ихъ отъ 1,30 до 2,50 метровъ; величина пещеръ отъ 6,35 до 15 метровъ въ длину на 2,50—6,50 метровъ въ ширину, корридоры еще длиннѣе, но гораздо уже. Вообще размѣры гротовъ и пещеръ незначительны; если даже допустить, что часть ихъ могла обрушиться, то все таки нельзя повѣрить, чтобы въ нихъ могли помѣститься 15,000 человѣкъ.

Въ настоящее время они служатъ убѣжищемъ для пастуховъ и овецъ, застигнутыхъ непогодю, чѣмъ и объясняется присутствіе въ нихъ угля, золы, остатковъ кукурузы, костей и т. д.,—это пастухи готовили себѣ пищу. Въ зимнее время пещеры служатъ пріютомъ для лисицъ, зайцевъ и другихъ звѣрей, за которыми охотятся мѣстные жители.

Дно пещеръ покрываетъ толстый слой мусора и камней, иногда весьма крупныхъ, обрушившихся изъ сводовъ, и по мѣстамъ мягкая почва и щебень, происшедшіе отъ вывѣтриванія той же скальной породы. Раскапывая этотъ напосной слой, намъ удалось отыскать на днѣ десятка два кремневыхъ орудій, довольно грубой отдѣлки; между ними заслуживаютъ вниманія: ножи, скребки и острія, которыя могли служить наконечниками для стрѣлъ. Находка эта чрезвычайно заинтересовала насъ—становилось ясно, что мы попали въ жилище людей каменнаго вѣка; оставалось только продолжать изслѣдованіе. Привыкнувъ со вниманіемъ осматривать всѣ склоны горы, мы собрали въ короткое время до двухсотъ кремневыхъ отбитыхъ орудій палеолитической эпохи, въ числѣ ихъ наибольшее количество экземпляровъ представляли ножи и скребки—орудіе мирныхъ жителей; боевыхъ орудій—копій, стрѣлъ и т. п. почти не оказалось, но украшеніемъ коллекціи было прекрасно

отполированное кремневое долото, несомнѣнно относящееся къ послѣднему періоду каменнаго вѣка.

Итакъ мы изъ туристовъ случайно сдѣлались археологами и моя завѣтная мечта дѣлать открытія могла наконецъ до нѣкоторой степени осуществиться: можно заняться открытіями въ области археологій, благо Подолье почти совсѣмъ не обследовано въ этомъ отношеніи. Это занятіе, вносящее новый интересъ въ нашу богатую впечатлѣніями жизнь, такъ понравилось, что мы рѣшились раскопать группу кургановъ, расположенныхъ у самаго обрыва на вершинѣ той-же горы, прямо надъ пещерами. По словамъ старожиловъ, лѣтъ сорокъ назадъ вся гора была покрыта дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ находился огромный могильникъ; въ настоящее время отъ лѣса и слѣда не осталось, а большая часть могилъ раскопана; удѣляла только небольшая группа надъ обрывомъ по причинѣ каменистаго грунта.

Препятствій для раскопки не встрѣтилось и можно было приступить за работу. Впрочемъ на этотъ разъ открытіе было незначительное: всѣ курганы обложены въ нѣсколько рядовъ неотесанными кусками того камня, изъ котораго состоитъ гора; въ каждомъ найдено по два скелета, обращенные головою на западъ, въ склепахъ изъ дубовыхъ брусевъ, на рукахъ у каждого бронзовыя кольца, на ногахъ сафьянныя башмаки съ острыми носками, совершенно аналогичные съ тѣми, какіе теперь носятъ татары; другихъ предметовъ не оказалось. Одинъ изъ скелетовъ каждой могилы былъ мужескій, другой принадлежалъ повидимому молодой женщинѣ. Если не считать положенія скелетовъ, то мы не имѣемъ вѣскихъ доказательствъ въ пользу языческаго или христіанскаго погребенія въ курганахъ. Правдоподобно мы имѣли дѣло съ могилами не слишкомъ древними, относящимися, вѣроятно, ко времени турецкаго господства въ Подоліи (въ концѣ XVII ст.), или можетъ быть къ тому времени, когда послѣ Батыева нашествія въ южномъ Подоліи кочевала татарская орда, которой поручено было наблюденіе надъ галицкимъ княжествомъ и съ которою прекрасно уладился мѣстные жители. Разъ заинтересовавшись древностями, мы осмотрѣли глубокой оврагъ, который отрѣзываетъ *Бѣлую* гору отъ *Монастыриська* и въ которомъ, какъ сообщили крестьяне, находятъ кости *велетни* (великана); дѣйствительно въ одной изъ стѣнъ

оврага мы замѣтили инкрустированные въ желтой глинѣ кости мамонта: вѣкъ и нѣсколько реберъ, но выпутъ ихъ не было возможности, такъ какъ глина сдѣлалась отъ засухи крѣпкою, какъ камень и даже съ трудомъ поддавалась лому. Во время сильныхъ дождей эти кости въ большомъ количествѣ вымываетъ водою изъ оврага. Вокругъ мамонтовыхъ реберъ разбросано множество кремневыхъ осколковъ, изъ нихъ нѣкоторыя также напоминали отбившья орудія.

При малочисленности историческихъ извѣстій о Студеницѣ, археологія какъ нельзя болѣе кстати явилась на помощь, чтобы пополнить собою пробѣлы въ нашихъ свѣдѣніяхъ относительно минувшей жизни мѣстечка: теперь, на основаніи случайныхъ находокъ, мы можемъ сказать съ достовѣрностью, что на территоріи нынѣшней Студеницы жили люди еще въ самое отдаленное время, т. е. въ оба періода каменнаго вѣка, и затѣмъ въ удѣльно-вѣчевой или ближайшій послѣ него періодъ. Можетъ быть съ той поры поселеніе существовало непрерывно до того времени, когда начинаются о псмѣ документальныя свѣдѣнія; но лучше воздержимся отъ легкихъ гипотезъ, которыми и безъ того страдаетъ наша литература, и воротимся къ нашему мамонту.

По другую сторону оврага тянется полукруглая гора *Монастырисько*, получившая свое названіе отъ бывшаго здѣсь нѣкогда монастыря, въ которомъ хранился чудотворный образъ Богородицы, пользовавшійся большимъ почетомъ не только въ Подоліи, но и въ румынскихъ господарствахъ. Теперь не осталось и слѣда какихъ нибудь развалинъ на мѣстѣ древняго монастыря, разрушеннаго, правдоподобно, во время турецкаго погрома въ концѣ XVII вѣка. У вершины горы беретъ начало источникъ, не замерзающій въ самые сильные морозы: чистая, прозрачная, какъ самый воздухъ, *кирница*, пробѣгая по скальному грунту, весьма живописно спадаетъ съ уступа на уступъ, тихо журча и напоминая небольшой водопадъ, вырвышій въ одномъ мѣстѣ пѣчю въ родѣ резервуара въ скалѣ. Вода этого источника, свѣжая и чрезвычайно пріятная на вкусъ, проведена въ еврейскую *горальню* (винокурню), гдѣ она приводитъ въ движеніе механизмъ.

Разставаясь съ м. Студеницею, оставившею въ насъ самое пріятное воспоминаніе, можно еще упомянуть о томъ, съ какимъ живымъ интересомъ населеніе къ нашимъ археологи-

ческимъ изысканіямъ. Особенно занимали они евреевъ; едва только мы воротимся изъ экскурсіи, какъ въ ту-же минуту комната наполняется евреями, всё съ любопытствомъ разсматриваютъ каждую принесенную древность и, пока мы съ товарищемъ дѣлаемъ необходимые комментаріи одной группѣ, нашъ хозяинъ и его хорошенькая сестра, уже успѣвшіе выспросить все, что нужно, объясняютъ по своему другимъ тоже самое и почти всегда вѣрно. Особенно приводили въ недоумѣніе нашихъ посѣтителей каменные орудія; многіе не хотѣли видѣть въ нихъ ничего, кромѣ простыхъ осколковъ кремня, и для доказательства рѣзали стекло и высѣкали огонь; другіе думали, что мы будемъ добывать изъ нихъ золото. Наконецъ большинство согласилось признать истину только послѣ того, какъ я замѣтилъ, что подобныя орудія упоминаются въ библіи, и учитель подтвердилъ мои слова. Тогда одинъ изъ евреевъ пресерьезно началъ спрашивать, по чемъ можно продать тотъ или другой осколокъ, и ни за что не хотѣлъ повѣрить, что отдѣльные экземпляры не имѣютъ цѣны. «Аже вы збираете кремнички и за провозъ заплатите, то вже-жъ вопо на щось потрибне». — Понимая, что мы интересуемся древностями, учитель сообщилъ, что вблизи мѣстечка существуетъ древнее кладбище, на которомъ сохранились каменные памятники съ еврейскими надписями X ст. Къ сожалѣнію мы не могли повѣрить это интересное сообщеніе по незнанію еврейскаго языка и могли только указать адреса гг. Гаркави и Хвольсова, занимающихся изслѣдованіемъ подобныхъ памятниковъ.

Н. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ

Петра Димитріевича Селецкого.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1821—1846 годъ.

(Концы XVI главы и 1-й части)¹⁾.

Въ Кіевъ я пріѣхалъ въ самый разгаръ контрактовъ и по затрудненію найти постоянное удобное помѣщеніе остановился у дяди въ Кивъ-грусти. Мнѣ тамъ было очень хорошо, каждый день утромъ ѣздилъ я въ городъ, къ обѣду возвращался къ дядѣ, рассказывалъ ему мои путешествія, новости, читалъ газеты.

Вибииковъ пріявлъ меня весьма любезно и остался очень доволенъ моею просьбой принять на службу подъ его начальствомъ по административному вѣдомству; на прошеніи написалъ: опредѣлить немедленно, и сказалъ, чтобы я съѣздилъ къ правителю канцеляріи Писареву и съ нимъ переговорилъ бы о занятіяхъ на первое время въ канцеляріи до открытія вакансіи на штатную должность.

Писаревъ былъ тогда всемогущимъ человѣкомъ въ администраціи генераль-губернатора; хотя и ходили довольно неблагопріятные слухи о причинахъ его вліянія и на счетъ нравственныхъ его качествъ, тѣмъ не менѣе, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ Вибиикова, Писаревъ пользовался въ Кіевѣ большимъ почетомъ и игралъ не послѣднюю роль. Писаревъ былъ очень радъ меня видѣть, паговорялъ мнѣ много любезностей, съ особеннымъ чувствомъ воспоминалъ о матушкѣ, съ которой познакомился въ деревнѣ, посѣщая родичей своей супруги, и въ за-

¹⁾ См. „Кіевская Старина“, 1884 г., августовск. кн., стр. 609—626.

ключеніе сказалъ: «не вамъ къ намъ проситься, а намъ васъ просить на службу. Потрудитесь захватить завтра, опредѣленіе ваше будетъ написано, а для знакомства съ дѣлами я бы вамъ совѣтовалъ поступить въ секретное отдѣленіе канцеляріи, гдѣ сосредоточены всѣ важныя дѣла подъ моимъ непосредственнымъ наблюденіемъ».

Въ тотъ же день я былъ у Софіи Гавриловны Писаревой съ визитомъ; она приняла меня, какъ стараго знакомаго и близкаго роднаго; братъ ея былъ женатъ на моей старшей сестрѣ. Добрая, превосходная Софія Гавриловна сдѣлала на меня самое благопріятное впечатлѣніе, и съ перваго свиданія мы стали друзьями. Она не отличалась особеннымъ умомъ, воспитаніе ея было также довольно посредственное — институтское прежнихъ лѣтъ, но добродушіе, привѣтливость, чисто женская сердечность и замѣчательно красивая наружность дѣлали ее въ высшей степени симпатичною.

Писаревъ, получившій воспитаніе въ московскомъ благородномъ пансіонѣ, былъ мягъ не по сердцу; въ его маленькой фигурѣ, въ его свѣтло голубыхъ, стеклянныхъ глазахъ, свѣтившихъ умомъ и фальшью, было что-то отталкивающее, антипатичное, но первое впечатлѣніе бываетъ иногда обманчиво, думалъ я.

31 января 1844 года я былъ зачисленъ на службу въ секретное отдѣленіе канцеляріи генераль-губернатора и для ознакомленія со служебными порядками поступилъ въ распоряженіе М. А. Андреевскаго, завѣдывавшаго политическими дѣлами.

Славный человекъ былъ этотъ Андреевскій. Не получившій высшего образованія, онъ служилъ еще при Левашовѣ и Гурьевѣ, отлично зналъ канцелярскій порядокъ, писалъ дѣловыя бумаги кратко, ясно, отчетливо, быстро изучалъ дѣло и давалъ ему вполне законное и справедливое направленіе. Это былъ настоящій труженикъ и главный дѣятель секретнаго отдѣленія. Писаревъ читалъ черновые доклады, исправлялъ редакцію, а иногда и совершенно измѣнялъ проектированныя Андреевскимъ распоряженія и всегда самъ отправлялся съ докладами къ Вибикову.

Какъ я уже сказалъ, въ секретномъ отдѣленіи Писаревъ сосредоточивалъ всѣ важныя и интересныя дѣла; для многочисленныхъ текущихъ

дѣлъ, не представлявшихъ особенной важности, существовала общая канцелярія генераль-губернатора; управляющимъ былъ номинально дежурный штабъ-офицеръ полковникъ Стоговъ, производилъ дѣла и докладывали Вибикову секретари отдѣленій: хозяйственнаго, суднаго и полицейскаго.

Общая канцелярія помѣщалась въ городскомъ домѣ, противъ дома генераль-губернатора, секретная въ верхнемъ этажѣ занимаемой Писаревымъ квартиры, въ институтскомъ домѣ, такъ какъ Писаревъ состоялъ и правителемъ дѣлъ совѣта института благородныхъ дѣвицъ и потому пользовался обширнымъ казеннымъ помѣщеніемъ.

Послѣ контрактовъ я нанялъ флигель въ три комнаты съ передней, при домѣ г-жи Марковичевой, въ Линкахъ. Моя прислуга состояла изъ лакея, повара и кучера; я держалъ дрожки и пару лошадей. Сдѣлалъ нѣсколько официальныхъ визитовъ, но съ обществомъ не знакомился. Ходилъ каждый день въ канцелярію, просиживалъ въ ней до трехъ часовъ и возвращался домой, захвативъ для просмотра и изученія нѣсколько дѣлъ. Вечера всегда проводилъ дома и, окончивъ служебныя занятія, посвящалъ остальное время музыкѣ. У меня былъ хорошій вѣнскій рояль и много музыкальныхъ идей; я занялся окончаніемъ начатой мною въ Малагѣ фантазіи на еврейскій мотивъ. Изъ нея вышла небольшая, но оригинальная и трогательная по своему грустному колориту увертюра, которую я назвалъ *Noëmi*; она была посвящена памяти моей незабвенной Нины.

Насталъ вскорѣ великій постъ, я говѣлъ въ лаврѣ, въ церкви на покояхъ. Митрополитъ Филаретъ обласкалъ меня; я заходилъ къ нему часто послѣ обѣдни. Простой, на видъ нѣсколько суровый, Филаретъ былъ человекомъ правды и добра, іерархомъ благодушнымъ и мягкосерднымъ, христіаниномъ въ лучшемъ, самомъ высокомъ значеніи этого слова. Его безыскусственная, задушевная рѣчь, его теплая вѣра, твердое упованіе на благодать Провидѣнія и устройство Господомъ всего ко благу неотъемлемому, къ жизни вѣчной, были такъ убѣдительно, такъ глубоко проникали въ разбитое мое сердце, что я съ истиннымъ наслажденіемъ проводилъ часъ, другой въ бесѣдѣ съ добродѣтельнымъ представителемъ нашей церкви. Въ немъ видѣлъ я не митрополита, а по истинѣ пастыря добраго.

Въ частной жизни своей Филаретъ отличался первобытной христіанской простотой: получая весьма значительное содержаніе, раздавалъ все нищимъ.

Исповѣдывался я у схимника Пароенія; онъ былъ схимонахомъ, жилъ въ лаврѣ, пользовался большимъ уваженіемъ какъ митрополита, такъ и всѣхъ кіевлянъ. Самой строгой жизни, чисто затворнической, Пароеній принималъ инока, но въ тотъ-же день отдавалъ всѣ полученныя деньги и вещи бѣднымъ.

Доброе сѣмя, посеянное въ сердце челоуѣка, приноситъ всегда свой плодъ. Такъ было и со мною. Религіозное чувство, взлелѣянное съ дѣтства во мнѣ несправедливой моею матушкой, не уступило критическому взгляду на дѣло вѣры и чтенію антирелигіозныхъ книгъ, не поддавалось напыву идеи невѣрія.

Въ молитвѣ—утоленіе печали, въ вѣрѣ—надежда и утѣшеніе.

Настала весна, природа оживилась, а съ нею и я какъ-бы ожилъ. Въ дни свободные отъ служебныхъ занятій, я ѣздилъ въ Кинь—грусть или отправлялся пѣшкомъ въ отдаленныя окрестности города. Любимымъ моимъ мѣстомъ сдѣлался выдубицкій монастырь, расположенный на высокой горѣ надъ Днѣпромъ; кругомъ густой, тѣнистый лѣсъ, въ оградѣ монастырской келья настоятеля и монаховъ, двѣ церкви, третья въ трапезѣ, и кладбище. Изъ бесѣдка, построенной надъ обрывомъ, чудный видъ на Днѣпръ и на теряющіеся въ отдаленномъ горизонтѣ сосновые лѣса черниговской губерніи, между ними кое-гдѣ мелькаютъ деревушки и хутора съ бѣлыми домиками и колокольнями сельскихъ церквей.

Бывало, придешь въ Выдубицкій и нѣсколько часовъ просидишь въ бесѣдкѣ, или на одной изъ окрестныхъ горъ; съ послѣдней видъ еще лучше, въ чертѣ Днѣпра и синей дали, въ другую сторону разстилается предъ вами Кіевъ, съ его золотыми куполами церквей и высокой лаврской колокольней.

Ѣзжалъ я также въ Голосѣевъ, лѣтнее мѣстопробываніе митрополита. Тамъ Филаретъ велъ жизнь отшельническую и не принималъ почти никого. Я имѣлъ дозволеніе бывать въ его церкви и заходить къ нему послѣ обѣдни. Нерѣдко митрополитъ водилъ меня по саду и въ лѣсу,

изъ котораго въ одномъ мѣстѣ открывался чудный видъ на Кіевъ. Посѣщала я иногда и китаевскую пустынь, замѣчательную своимъ мѣстоположеніемъ, необыкновенно роскошной растительностью вѣковыхъ деревьевъ въ обширномъ и дремучемъ лѣсу и прудами изъ ключевой воды. Здѣсь пробѣлываютъ воскъ для церковныхъ свѣчей, а вѣвъ монастырской ограды около церкви хоронятъ лаврскихъ монаховъ.

На охоту я не ходилъ, исполняя объѣтъ, данный мною не употребить оружія безъ настоящей въ немъ надобности.

Личныя мои отношенія съ Писаревыми были очень хороши. Софія Гавриловна въ особенности благоволила ко мнѣ, часто приглашала обѣдать. У Писарева проводилъ изрѣдка вечера; въ его кабинетѣ собиралось пять, шесть человѣкъ, говорили о разныхъ предметахъ часовъ до 10-ти, а въ 10-ть, когда садились за карточный столъ, я уходилъ домой. На путешественника, извѣздившаго всю Европу, въ то время смотрѣли съ уваженіемъ и нѣкотораго рода завистью. Разсказъ мой слушали охотно и съ вниманіемъ, болѣе всего интересовались Париземъ; объ Испаніи никто не имѣлъ никакого понятія, и заставляли меня часто возвращаться къ этой странѣ.

По службѣ сначала все шло хорошо, я быстро постигъ канцелярскую премудрость и былъ въ состояніи вести и отписывать дѣла вполне удовлетворительно. Мой способъ изложенія очень нравился Писареву, но въ сущности дѣлъ, въ ихъ направленіи и разрѣшеніи мы отчасти расходились, и вскорѣ я убѣдился, что на этомъ пути мы никогда не сойдемся. И неудивительно, въ каждомъ дѣлѣ Писаревъ искалъ личной пользы и находилъ ее. Коль скоро дѣло представляло извѣстный интересъ, можно было быть увѣреннымъ, что оно получитъ направленіе, согласное съ большей или меньшей степенью ходатайства у всемогущаго правителя канцеляріи. Андреевскій смотрѣлъ на это равнодушно и привыкъ исполнять всѣ приказанія Писарева, я же не могъ не возражать, не приходить въ негодованіе въ виду несправедливыхъ послабленій съ одной и ничѣмъ необъяснимой строгости съ другой стороны.

И говорить нечего, что главную роль въ то время играла политика; обращено было особое вниманіе на ослабленіе и подавленіе польскаго элемента въ краѣ. Общія мѣры въ этомъ отношеніи вездѣ

строго исполнялись, но вмѣстѣ съ тѣмъ бывали исключенія въ пользу нѣкоторыхъ личностей, которыя трудно было объяснить. Полиція получала значеніе, какого никогда она не имѣла. Всѣ ея члены, начиная отъ исправника и кончая помощникомъ становаго или застѣдателемъ полицейскаго управленія, были назначаемы властью генераль-губернатора, мимо губернаторовъ; опредѣленіе и увольненіе чиновниковъ въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ составляло главное занятіе полицейскаго отдѣленія канцеляріи, но высшія должности давались не иначе, какъ съ соизволенія Писарена. Въ уѣздахъ полиція была всемогуща: ей были предоставлены обширный кругъ дѣятельности и въ вопросахъ политическаго характера совершенный произволъ. Все было на откупъ, полицейскіе чиновники составляли значительныя состоянія, и ежели находились личности, которыя, чувствуя себя ни въ чемъ не виновными, не платили полиціи извѣстной дани, то рано или поздно должны были раскисываться въ этомъ. Посылался доносъ въ Кіевъ, помѣщика вызывали, сажали подъ арестъ, иногда въ крѣпость, допрашивали по нѣскольку мѣсяцевъ въ Кіевѣ, и въ концѣ концовъ все-же приходилось платить, но платили гораздо больше, чѣмъ платили обыкновенно мѣстной полиціи.

При поверхностномъ взглядѣ на администрацію, въ сторону отъ подробностей и тайныхъ причинъ, приводившихъ въ дѣйствіе тѣ или другія мѣры, меня брало крѣпкое раздумье, и я готовъ былъ неоднократно оставить службу въ Кіевѣ, но увѣщанія и просьбы моей матери заставляли меня оставаться.

Бибикова я видѣлъ очень рѣдко, но онъ зналъ, что я занимаюсь, и, встрѣчая меня всегда очень любезно, говорилъ, что мною доволенъ, совѣтовалъ продолжать мои занятія. Иногда мнѣ казалось, что непріятный миражъ разсѣется и получивъ болѣе или менѣе самостоятельное назначеніе, я буду имѣть возможность принести извѣстную пользу. Нерѣдко канцелярская обстановка представлялась мнѣ искусно сплетенной паутиной, которою главный дѣятель опутывалъ главнаго начальника края; но съ другой стороны, зная твердый характеръ, непреклонную волю и замѣчательный умъ Бибикова, я не могъ объяснить себѣ возможности дать себя опутать до такой степени. Рассказывали, что однажды Бибиковъ сказалъ П—ву: «носятся слухи, что вы берете взятки.»

«Не всякому слуху слѣдуетъ вѣрять,» отвѣтили П—въ, «говорятъ также, будто ваме вы—ство въ связи съ моей женою. Я этому не вѣрю.» Повѣрялъ и я слухи, носившіеся въ городѣ объ отношеніяхъ Дмитрія Гавриловича къ Софій Гавриловнѣ, но въ этомъ отношеніи факты совершенно противорѣчали слухамъ: Бибииковъ ухаживалъ тогда за дѣвицей Ш., дочерью начальника арсенала, которая вскорѣ вышла замужъ за какого-то пріѣзжаго чиновника и получивъ въ приданное тридцать тысячъ, уѣхала изъ Кіева. На счетъ приданнаго дѣлали разныя предположенія, иные говорили, что арсеналь давалъ большія средства, другіе увѣряли, что приданное шло изъ иного источника.

Передъ выходомъ дѣвицы Ш. замужъ, въ Кіевѣ поселилась графиня П., рожденная О—ва, съ двумя незамужними дочерьми. Младшая Елена, брюнетка, была очень хороша собою, и Дмитрій Гавриловичъ сталъ за нею ухаживать, каждый вечеръ отправлялся къ графинѣ на карты вѣста и любезничалъ съ Еленой Павловной. Старшая сестра Екатерина, блондинка, по подстриженнымъ волосамъ и развязнымъ манерамъ прозывалась козачкомъ, была очень не глупа, ловка и симпатична.

Чѣмъ больше знакомился я съ дѣлами, тѣмъ безвыходнѣе становилось мое положеніе, проекты моихъ докладовъ были передѣлываемы. Оставалось или подчиниться вполне требованіямъ Писарева, что по правиламъ моихъ было не мыслимо, или оставить занятія въ секретномъ отдѣленіи. Я рѣшился на послѣднее, когда случай доставалъ мнѣ возможность выйдти изъ затруднительнаго положенія. Открылась вакансія переводчика при управленіи генераль-губернатора. Мнѣ ее предложили, я съ охотой принялъ.

Начавъ съ обратной стороны медали, такъ какъ она близко меня касалась, я ничего не сказалъ еще о лицевой. Въ короткое время Бибииковъ внушилъ къ себѣ такой страхъ въ польскомъ населеніи края, что тишина и спокойствіе вполнѣ были обезпечены, всѣ распоряженія правительства исполнялись безпрекословно, о враждебныхъ политическихъ проявленіяхъ не могло быть и рѣчи, польскіе помѣщики сидѣли у себя въ деревняхъ, занимаясь хозяйствомъ, пріѣзжали въ Кіевъ на контракты и выборы, вели себя прилично, самые благонадежные изрѣдка получали позволеніе ѣздить затравницу, произволь крѣпостнаго права былъ факти-

чески ограниченъ строгими взысканіями за злоупотребленія власти и нѣсколькими благодѣтельными для крестьянъ распоряженіями.

Въ городѣ порядокъ и чистота небывалые, но и здѣсь полиціи предоставленъ такой просторъ, какимъ она не пользовалась въ другихъ городахъ. Старшій полиціймейстеръ пользовался властью почти неограниченною въ сферѣ своей дѣятельности. Разъѣзжая на тройкѣ, въ сопровожденіи двухъ конныхъ полицейскихъ съ нагайками, онъ чинилъ судъ и расправу непосредственно и имѣлъ сильную поддержку въ генераль-губернаторѣ. По ночамъ постоянно ходилъ обходъ, разъѣзжали конные патрули. Воровство и разбой были явленіями чрезвычайно рѣдкими, можно сказать небывалыми. Жители пользовались полною безопасностью. Цѣны на всѣ предметы потребленія были самыя умѣренныя, монополія преслѣдовалась, базаръ и торговыя помѣщенія содержались превосходно.

Предъ полученіемъ новой должности я ѣздилъ въ деревню и провелъ тамъ двѣ недѣли въ искренней душевной бесѣдѣ съ матушкой. Она вставала рано и обыкновенно отиравалась съ кускомъ хлѣба завтракать въ садѣ фруктами. Я всегда сопровождалъ ее въ этихъ утреннихъ прогулкахъ, затѣмъ пили всѣ вмѣстѣ чай на балконѣ, обѣдали въ липовой вѣковой аллеѣ, дѣлали прогулки пѣшкомъ по хозяйству, въ старшій садъ, расположенный у села, заходили въ церковную ограду поклониться гробу дѣдушки и бабушки, вечернія молитвы читали также въ саду; цѣлый почти день проводили на воздухѣ. Говорилъ я матушкѣ о моемъ желаніи перемѣнить службу, она упростила меня остаться въ Кіевѣ, въ полной увѣренности, что трудъ и добросовѣтность рано или поздно будутъ оцѣнены и приведутъ къ хорошимъ результатамъ. Мною и моимъ положеніемъ въ Кіевѣ она была довольна.

Должность переводчика, на которую я былъ назначенъ въ іюнѣ 1844 года, въ то время давала много занятій. Постоянная переписка съ президентомъ Галиціи по политическимъ дѣламъ и объ обоюдной выдачѣ русскихъ и австрійскихъ подданныхъ, занимала много времени. По принятому обычаю президентъ писалъ генераль-губернатору по нѣмецки, нужно было дѣлать переводъ и передать въ канцелярію для дальнѣйшихъ распоряженій. Отвѣты писались по французски, къ нимъ

присоединялись допросы, показанія и свѣдѣнія также на французскомъ языкѣ. Сверхъ этого на переводчикѣ лежала обязанность вести всю частную корреспонденцію генераль-губернатора, какъ по русски, такъ и на другихъ языкахъ. Это поставило меня въ непосредственныя отношенія къ Вибикову. Каждый день я долженъ былъ являться къ нему за полученными бумагами и письмами и къ двумъ часамъ изготовлять отвѣты; изъ всѣхъ чиновниковъ я одинъ имѣлъ доступъ въ кабинетъ генераль-губернатора во всякое время, безъ доклада.

Вибиковъ хорошо говорилъ и читалъ по французски и по нѣмецки, но правильно писать не могъ ни на одномъ языкѣ. «Не удивляйтесь этому», сказалъ онъ мнѣ однажды, «меня вѣдь учили на мѣдный грошъ». Въ отпискѣ не было большого затрудненія: спросишь бывало, что отвѣтить, и получивъ опредѣлительное указаніе, дѣло сдѣлаешь скоро и удовлетворительно. — Но въ большомъ затрудненіи бывалъ я на первыхъ порахъ, когда Дмитрій Гавриловичъ желалъ писать собственноручный отвѣтъ. — Какъ извѣстно, онъ лишился подѣ Бородинымъ лѣвой руки и писалъ правой крайне неразборчиво; неправильность орфографіи еще болѣе усложняла трудность разбирать его почеркъ. Напишетъ бывало черновую, прикажетъ исправить и переписать и потомъ уже ишетъ на бѣло. Мѣсяца три долженъ былъ я употребить на то, чтобы разбирать черновыя его письма. Затѣмъ все пошло хорошо, и Вибиковъ былъ очень доволенъ моею редакціею и скромностью, довѣрялъ часто самыя важныя корреспонденціи, которыхъ нельзя было вести путемъ официальнымъ.

По прежнему я нигдѣ почти не бывалъ, съ обществомъ не знакомился и слылъ загадочною личностью. Иные считали меня разочарованнымъ, разыгрывающимъ роль Чайльзъ-Гарольда, другіе просто икондриккомъ, нелюдимымъ, знававшие меня прежде думали, что я напускалъ на себя особенную серьезность и важность, чтобы слыть чловкомъ дѣловымъ и заставить позабыть увлеченія молодости.

Въ Кіевѣ жила тогда графиня Меллина, вдова лѣтъ пятидесяти; у ней была падчерица, очень умная, любезная и развязная дѣвица не первой молодости и не красивой наружности, и сынъ, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, готовившійся къ поступленію въ университетъ, полуидіотъ.

Побывавъ въ Одессѣ, графиня привезла нѣкоторыя свѣдѣнія обо мнѣ. Откуда она уже почерпнула, не знаю, но дѣло въ томъ, что въ ея салонѣ меня возвели въ герои какого-то романа. Въ немъ, если хотите, была доля правды, но все было такъ увеличено и разукрашено въ мою пользу, что я не мало дивился изобрѣтательному воображенію графини. Черезъ одного изъ молодыхъ людей она изъявила желаніе со мною познакомиться. Трудно было отказаться отъ любезнаго приглашенія, я ей сдѣлалъ визитъ, познакомился у ней съ нѣкоторыми дамами, къ нимъ долженъ былъ также поѣхать изъ приличія. Наконецъ Биби-ковъ спросилъ меня, отъ чего я нигдѣ не бываю, и совѣтовалъ познакомиться съ графиней П., у которой собирались по вечерамъ. Въ короткое время я былъ уже знакомъ со всѣмъ кievскимъ обществомъ, не многочисленнымъ, но довольно пріятнымъ. По вечерамъ выходилъ впрочемъ рѣдко изъ дому, предпочиталъ чтеніе и музыку вечерамъ, на которыхъ болтали о вещахъ мало интересныхъ или играли въ карты. Къ картамъ я никогда не имѣлъ особеннаго расположенія, но провинціальная жизнь у насъ такъ сложилась, что трудно было обойтись безъ этого скучнаго занятія; чтобы составлять партію въ исключительныхъ случаяхъ, когда не доставало партнеровъ, нужно было выучиться преферансу и возобновить мои свѣдѣнія въ вистѣ, и въ этомъ дѣлѣ учителемъ моимъ былъ Андреевскій: послѣ вечернихъ занятій въ канцеляріи онъ обыкновенно заходилъ къ брату П., жившему рядомъ съ канцеляріею, и въ короткое время я постигъ всю премудрость игры въ преферансъ. Сдержанный и хладнокровный я никогда не увлекался, не рисковалъ и былъ всегда почти въ выигрышѣ. Игрывали по маленькой, и проигрышъ или выигрышъ не составлялъ большой разницы въ кошелькѣ.

Въ это время поселился въ Кіевѣ богатый помѣщикъ черниговской губерніи М. О. Судіенко, сынъ Судіенка, бывшаго главноуправляющаго дѣлами и имѣніями князя Безбородко. Умный, хорошо образованный, онъ былъ очень пріятнымъ собесѣдникомъ. Жена его, рожденная Миклашевская, слыла когда-то красавицей и теперь была еще очень недурна собою, высокая, стройная, добрая и симпатичная женщина. У нихъ было многочисленное се-

мейство; для воспитанія дѣтей они переѣхали въ Кіевъ, и я вскорѣ сталъ ежедневнымъ ихъ посѣтителемъ. Но по вечерамъ и здѣсь нельзя было обойтись безъ картъ. Тотъ-же преферансъ, но уже по большой, по четверти рубля. Мнѣ очень везло, и игра значительно увеличила мои средства; когда узнали, что я играю, не было возможности отказываться отъ партіи, и почти каждый день отъ 10 до 12 часовъ вечера я игралъ. То у П., то у Судіенка, а наконецъ чаще всего у Фундуклея, назначеннаго гражданскимъ губернаторомъ въ Кіевъ. Вице-губернаторомъ былъ Николай Петровичъ Вибяковъ, тоже любитель зеленого стола. Губернскимъ предводителемъ издавна состоялъ графъ Тышкевичъ, весьма ловкій и уживчивый человекъ. Домъ его сохранился на барскую ногу, и онъ жилъ весьма прилично. Открытый домъ составляло семейство Маршицкихъ. Старикъ Маршицкій былъ глухъ, но искателевъ и пользовался расположеніемъ Вибикова, жена его имѣла страсть говорить по французски, но такимъ языкомъ, что слушающія ее, всё помирали со смѣху. Дмитрій Гавриловичъ часто любилъ забавляться ея слабостью въ этомъ отношеніи и заставлялъ произносить такія фразы, которыя изъ приличія не могутъ быть повторены здѣсь. Дочь ихъ Наталья была довольно простенькая, но видная и любезная дѣвица. Довольно пріятное семейство Проскуры, состоявшее изъ отца и очень умной матери, и двухъ взрослыхъ дочерей. Старшая была замужемъ за Шишкевичемъ, развелась и вышла впоследствии за Мартынова Николая Соломоновича, сосланнаго въ Кіевъ за убійство на дуэли Лермонтова. Меньшая, очень красивая брюнетка, вышла замужъ за Грабнику, тоже не надолго. Комендантомъ былъ назначенъ А. Л. Пенхержевскій, отличный человекъ; старшая дочь его была замужемъ за И. В. Синельниковымъ, дальнимъ моимъ родственникомъ. Вотъ и все кіевское общество тогдашняго времени, исключая военныхъ, ученыхъ и чиновниковъ.

Вскорѣ отдѣленіе иностранной переписки значительно увеличилось молодыми людьми, поступающими на службу къ генералъ-губернатору. Всѣхъ порядочныхъ и образованныхъ отдавали въ мое распоряженіе, и изъ нихъ составила маленькая канцелярія, къ обязанностямъ которой отнесли, сверхъ обыкновенныхъ зачатій, чтеніе иностранныхъ

газетъ, запрещенныхъ цензурой, и выписки изъ наиболѣе интересныхъ статей для генераль-губернатора. Между этими молодыми людьми особеннымъ расположеніемъ моимъ пользовался графъ Эмиль Олизаръ. Сынъ бывшаго богатого польскаго сенатора, приговореннаго къ смертной казни и конфискаціи имущества за мятежъ 1830 года, но ушедшаго переодѣтымъ изъ тюрьмы и эмигрировавшаго во Францію, молодой Олизаръ былъ очень недурень собою, хорошо образованъ и очень остроуменъ. Воспитанный съ братомъ Адольфомъ роднымъ дядею, Пуставомъ Олизаромъ, бывшимъ кievскимъ губерскимъ предводителемъ дворянства, Эмиль, кромѣ самого ограниченнаго содержанія отъ дяди, едва достаточнаго для пополненія туалета, не имѣлъ никакихъ средствъ. Желая быть ему по возможности полезнымъ, я пригласилъ его нанять комнату во флигелѣ, мною занимаемомъ и пользоваться моею прислугой и столомъ. Между нами установились самыя дружескія отношенія, онъ развлекалъ меня своею болтовнею, я заставлялъ его работать серьезно.

Съ января 1845 года я перемѣнилъ квартиру и перешелъ въ домъ Бѣлоградскаго въ Липкахъ около дворцоваго сада. У меня былъ въ бель-этажѣ большой залъ, спальня, передняя и буфетъ, Олизаръ помѣстился въ одной изъ комнатъ верхняго этажа. Онъ мнѣ рекомендовалъ въ камердинеры долго служившаго у его родственника, князя Четвертинскаго, негра Франца. Францу было лѣтъ подь сорокъ; вывезенный въ Турцію изъ Дарфура, онъ попалъ въ Одессу, гдѣ Четвертинскій взялъ его къ себѣ, окрестилъ въ католическую религію и женилъ на дочери одного изъ своихъ экономовъ, православнаго исповѣданія. Францъ мнѣ очень понравился, былъ особенно внимателенъ, услужливъ и честенъ. Я его искренно полюбилъ, а онъ привязался ко мнѣ тою привязанностью, которая характеризуетъ негровъ. Пришлось только учить его русскому языку, такъ какъ Францъ плохо объяснялся по русски, живя постоянно въ домѣ польскаго магната.

Я отправился въ началѣ января на нѣсколько дней въ деревню къ матушкѣ съ тѣмъ, чтобы 12 января быть у Волховской. Дмитрій Гавриловичъ отпустилъ меня съ условіемъ, чтобы 13-го я непременно возвратился къ его балу.

Свиданье съ матушкой было для меня въ высшей степени пріятно. Она была вполне довольна мною, зная, что я занимаюсь прилежно службой и что Вибиковъ хорошо расположенъ ко мнѣ. Отъ П. я привезъ ей письмо. Вообразите мое удивленіе, когда матушка прочла мнѣ это письмо. Въ немъ отдавалась полная справедливость моимъ способностямъ и познаніямъ, но направленіе настоящей молодежи и мое въ особенности крайне не нравились П.; онъ называлъ насъ утопистами, мечтателями, проводителями новыхъ началъ, не свойственныхъ русской природѣ и нашему общественному строю. Въ заключеніе давалъ совѣтъ женить меня поскорѣе и предлагалъ въ невесты дѣвицу К., недавно поселившуюся въ Кіевѣ съ матерью, вдовой генерала отъ инфантеріи.

Не менѣе моего матушка была удивлена этимъ письмомъ; считая П. человѣкомъ очень умнымъ и хорошо къ намъ расположеннымъ, она не знала, что думать о его предложеніи. Я объяснилъ матушкѣ, что П. утопіей называлъ абсолютную честность новаго поколѣнія служащихъ и желаніе искоренить вонедшій въ кровь обычай брать взятки, и что въ этомъ волгросѣ мы никогда не сойдемся съ П. Что касается дѣвицы К., то я очень мало былъ знакомъ съ нею и всего раза три былъ у ея матери. Дѣвицѣ К. едва минуло шестнадцать лѣтъ, воспитывалась она въ лучшемъ частномъ пансіонѣ въ Москвѣ, была мала ростомъ, имѣла великолѣпные темно-сѣрые глаза, роскошные темно-каштановые волосы и прехорошенькій ротикъ; вообще была недурна собой, очень неглуха, разговорчива и любезна. За старшей ея сестрой Екатериной начиналъ ухаживать Вибиковъ послѣ отъѣзда изъ Кіева графини П. Вотъ и все мои отношенія къ дѣвицѣ К., по предложеніе П. имѣло причину, которая объяснилась позже. Къ этому господяву я относился недоувѣрчиво, и не смотря на его заискиванія, старался держать себя подалеже; какое то инстинктивное чувство отталкивало меня отъ него; не могъ дружить я съ отъявленнымъ взяточникомъ; послѣ письма къ матушкѣ, онъ сталъ мнѣ еще болѣе ненавистенъ. Матушка любезно, но уклончиво отвѣчала на письмо П.

Я возвратился въ Кіевъ къ балу Дмитрія Гавриловича, и Вибиковъ былъ очень доволенъ моею аккуратностью.

Графиня П., увѣзая, купила мѣстечко Черныбыль, значительное

вершеніи акта пятьдесятъ тысячъ, а остальные должна была уплачивать черезъ каждые два года въ извѣстные сроки, до полной выплаты всего капитала. О сдѣлкѣ этой много говорили въ Кіевѣ: увѣряли, что дѣла графини П. въ такомъ положеніи, что она никогда не могла располагать наличною суммою въ пятьдесятъ тысячъ и что деньги эти пріобрѣтены какимъ-то темнымъ путемъ; разсказывали, что П. изъ угожденія свему начальнику устроилъ это дѣло.

Catherine К. вскорѣ вышла замужъ за генерала Л., Бибииковъ сталъ ухаживать за ея сестрой.

Ближайшіе мои сотрудники по дѣламъ служебнымъ и другіе молодые люди собирались часто въ моей залѣ и проводили время довольно весело; иногда я угощалъ ихъ обѣдомъ, приготовленнымъ весьма недурно моимъ поваромъ, воспитанникомъ главнаго повара моего отца, изучившаго поваренное искусство на лучшихъ кухняхъ Петербурга, въ томъ числѣ и на Нессельродовской. Въ большой залѣ, которую я занималъ, было много тепличныхъ растений, до которыхъ я былъ большой охотникъ: между растеніями, на колоннахъ подъ мраморъ, стояли гипсовые бюсты государя и императрицы. 1-го мая, предъ поѣздкой въ Шулявскую рошу на гулянье, у меня былъ большой обѣдъ; когда онъ кончился, подали шампанское, я всталъ, чтобы предложить тостъ за отсутствовавшихъ дамъ—и мысленно обратился къ матушкѣ. Раздался трескъ, и къ удивленію нашему бюстъ императрицы, расколотый въ длину, свалился на полъ, колонна осталась неповрежденною. Меня словно кольнуло въ сердце, едва устоялъ я на ногахъ. Бросились къ колоннѣ, старались объяснить причину паденія бюста, но она осталась необъяснимою, тѣмъ болѣе, что никто къ нему не подходилъ, и лакеи, разливавшіе вино, находились у противоположнаго конца стола; перешли потомъ къ шуткамъ: болѣе всѣхъ шутилъ Олизаръ, но я былъ не въ духъ и отказался отъ поѣздки за городъ, предоставивъ мой экипажъ въ распоряженіе Олизара. Когда всѣ разъѣхались, подходитъ ко мнѣ мой негръ, котораго я очень любилъ, и говорить: нехорошо, господинъ, можетъ быть несчастіе. Эти слова вѣзались въ мою память, но прошло нѣсколько дней, занятія, развлеченіе, прогулки за городомъ разсѣяли грустное настроеніе духа, поговорили о разбившемся бюстѣ,

какъ о вещи очень обыкновенной, предполагая, что онъ былъ надломленъ, и забыли. 3-го мая получить я письмо отъ матушки и совершенно успокоился.

8-го мая передъ вечеромъ приносятъ письмо изъ деревни, адресъ былъ написанъ рукою моего отца. Вскрывши, читаю извѣщеніе о серьезной болѣзни матушки. Опрометью побѣжалъ я къ Бибикову, получилъ разрѣшеніе уѣхать, и ночью въ дорожной коляскѣ, не смотря на бурю и сильный дождь, мчался на почтовыхъ въ деревню. Взялъ съ собою Франца и неразлучнаго моего Мезора, великолѣпнаго кинг-чаласа, подареннаго мнѣ дядей Олизара.

Въ 7 часовъ утра я подъѣзжалъ уже къ нашей усадьбѣ Отрадѣ; у аллеи, усаженной гигантскими итальянскими тополями, я всталъ и отправился пѣшкомъ въ домъ, отправивъ экипажъ на черный дворъ, чтобы утрешнимъ прїѣздомъ не обезножить матушку.

Была ранняя весна, въ большемъ подъѣздномъ дворѣ цвѣли сирени, левкой, розы и воздушные жасмины. Солнце свѣтило ярко; послѣ дождя воздухъ былъ необыкновенно чистъ и прозраченъ, благоуханіе распустившихся кустарниковъ заставляло съ наслажденіемъ вдыхать въ себя ароматическую атмосферу майскаго утра. Никогда дворъ этотъ не казался мнѣ такимъ красивымъ, никогда чудный бархатистый деревенскій воздухъ не представлялся мнѣ такимъ прїятнымъ: дышалось легко, но на сердцѣ было тяжело: недоброе предчувствіе овладѣло мною. У крыльца меня встрѣтилъ старый слуга, бывшій моимъ дядькой еще въ пансіонѣ, шестидесятилѣтній Марко. На вопросъ о здоровьи матушки, онъ покачалъ своей сѣдой головой и отвѣтилъ: нехорошо.

Въ домѣ всѣ еще спали, одна сестра Софія встрѣтила меня въ залѣ. Блѣдное ея лице, заплаканные глаза служили дурнымъ предзнаменованіемъ. Она мнѣ рассказала, что матушка лечила на селѣ, что случалось постоянно, больную тифомъ крестьянку, и посѣщала ее ежедневно. Тифозная начала выздоравливать, но матушка заразилась этою опасною болѣзнію; съ первыхъ чиселъ мая чувствовала себя нехорошо, но перемогалась и рассчитывая на свое здоровье (матушка никогда не была больна), употребляла домашнія средства и не хотѣла прибѣгать къ помощи доктора. Когда сдѣлалось

хуже, послали за Фишеромъ въ Ягтвиъ и за уѣзднымъ врачомъ въ П., но надежды мало. Фишеръ живетъ постоянно въ Оградѣ, и не скрываетъ опаснаго положенія матушки: болѣзнь приняла дурной оборотъ, показались пятна.

Нѣтъ словъ выразить то грустное, потрясающее впечатлѣнiе, которое испыталъ я при первомъ взглядѣ на тяжело больную мать мою. Въ нѣсколько дней болѣзнь до того измѣнила ея черты, что она была почти неузнаваема: не было и тѣни дышавшей здоровьемъ, жизненной силой и душевной энергiей женщины. Я осыпалъ поцѣлуями ея исхудавшия, горѣвшія лихорадочнымъ жаромъ руки; какъ ни крѣпился, не могъ выдержать и тихо зарыдалъ. Матушка поцѣловала меня въ лобъ. То было прикосновенiе раскаленнаго желѣза. Сухія, горячечныя губы, тяжелое дыханiе, мутный, неподвижный взглядъ, невнятное произношенiе, не позволяли сомнѣваться въ печальной дѣйствительности. Больше часу однако мы разговаривали съ матушкой о моемъ житьѣ-бытьѣ; все ее интересовало до малѣйшихъ подробностей¹⁾.

Въ 9 часовъ насъ позвали къ утреннему чаю въ столовую. Отецъ былъ очень радъ моему прiѣзду; въ немъ я не нашелъ никакой преремѣны. Фишеръ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку и на вопросъ о положенiи матушки съ грустью покачалъ головой. Сестра Магiе разливала чай и казалась совершенно спокойною. Sophie не отходила отъ матушки, проводила всѣ ночи у ея постели, и съ трудомъ можно было увести ее изъ спальни на нѣсколько мгновенiй.

Мы разговаривали довольно долго, я упросилъ Sophie пойти отдохнуть немного послѣ ночи безъ сна, проведенной у матушки; ее замѣнила сестра Магiе. Къ двумъ часамъ матушка забылась, я вышелъ; доложили о прiѣздѣ старшей моей сестры Аделаиды съ мужемъ В. Съѣли обѣдать. Обѣдъ прошелъ скучный, грустный. Къ вечеру матушкѣ стало хуже, жаръ усилился, она была въ полномъ безсмыслѣнствѣ, но утромъ слѣдующаго дня матушка пришла въ память, горячечное состоянiе исчезло и взглядъ ея просвѣтлѣлъ.

¹⁾ Опускаемъ подробности описанiя смерти матери автора «Записокъ» и описанiя его скорбныхъ чувствъ.—Ред.

Послѣ полудня матушка значительно ослабѣла, а предъ вечеромъ ей стало еще хуже, упадокъ силъ былъ такъ великъ, что она съ трудомъ могла произнести нѣсколько невнятныхъ словъ. Часовъ въ восемь, матушка шопотомъ, обращаясь ко мнѣ взорами, сказала: подойди ближе Ріегге. Я сталъ на колѣни у ея изголовья, она съ трудомъ положила руку свою на мою голову, уста ея шевелились; произносили-ли они молитву или благословеніе, не знаю; нельзя было разслышать. Но когда я приподнялся, она взглянула на меня такъ жалостно, такъ грустно, что невольно слезы кавнули изъ глазъ моихъ. Послѣ меня подходили по очереди мои сестры и цѣловали руку матушки, приблизился и отецъ. Видно было, что матушка желала что-то сказать, но слова замирали на ея устахъ, она продолжала смотрѣть съ сожалѣніемъ на всѣхъ; потомъ взглядъ ея упалъ на сестру Sophie, едва слышнымъ голосомъ проговорила она: бѣдныя дѣти! Эти слова были послѣдними словами матушки. Она впала въ безсмысленство; началась агонія. Раннимъ утромъ 11-го мая матушка тихо скончалась.

Выпосъ въ церковь послѣдовалъ на второй день, похороны на третій.

13-го мая заупокойная обѣдня началась въ 10 часовъ утра; и церковь, и наперть, и окружающая мѣстность какъ въ оградѣ, такъ и вѣкъ ея полны были народомъ. Въ печальной церемоніи съѣхались всѣ родные, всѣ знакомые, всѣ близкіе и дальніе сосѣди, сошлись крестьяне нашей деревни и окрестныхъ сѣлъ; я никого не видѣлъ, ничего не слышалъ; не могъ оторвать взоровъ отъ драгоценнаго праха обожаемой матери и молился, просилъ у Бога чуда воскресенія усопшей. Тщетно. По временамъ когда одинъ изъ священниковъ возглашалъ: объ упокоеніи рабы Вожіей боярыни Маріи, я выходилъ изъ моего забытѣя и словно подверженный гальваническому удару, опускался на колѣни. Какъ происходило отпѣваніе, какъ понесли гробъ на семейное кладбище и опустили въ могилу, не помню. Припоминаю, что бросивъ горсть земли на гробъ стоявшій въ могилѣ, я долго еще молился и возвратился къ себѣ во флигель пѣшкомъ.

Къ обѣду я не пошелъ, это было выше силъ моихъ. Послѣ обѣда явились ко мнѣ непрощенные гости; я сидѣлъ на балконѣ и не могъ

отъ нихъ скрыться. Слышались слова участія, утѣшенія, слова доброй памяти о покойницѣ и все, что говорится въ подобныхъ случаяхъ; но вообразите мое негодованіе, когда сосѣдъ З., мой дрезденскій товарищъ по квартирѣ подошелъ ко мнѣ съ слѣдующей фразой: «ну, что горевать? все проходить; вспомните, что теперь Отрада ваша!»! Во взглядѣ брошенномъ мною З. было столько презрѣнія, что онъ видимо сконфузился и растерялся. Я раскланялся съ посѣтителями и удалился въ свои комнаты, приказавъ Францу никого комнѣ не впускать. Съ тѣхъ поръ З. сталъ мнѣ противенъ, а его возненавидѣлъ.

Вскорѣ всѣ разъѣхались, къ вечеру мы остались одни и по обыкновенію къ чаю собрались въ столовую.

Воспоминанія, проникнутыя глубокою привязанностью къ матушкѣ, оживили нашу бесѣду, и сквозь слезы проговорили мы въ троѣмъ до поздней ночи. И дѣйствительно было о чемъ вспоминать.

Начиная съ крестьянъ, не было помѣщицы болѣе благодѣтельной и доброй, какъ матушка. Огромные надѣлы землею, издавна розданные крестьянамъ дѣдушкой, оставались неприкосновенными, единственно по настоянію покойницы; разныя угодья, левадки, предоставленныя въ ихъ пользованіе, никогда не отбирались въ пользу экономіи; строго наблюдалась равнооѣрность барщины: никогда не работали болѣе трехъ дней въ недѣлю, когда-же требовалась усиленная работа во время сѣнокоса или жатвы, переработанные дни засчитывались въ льготные, или оплачивались; подати платила за крестьянъ матушка, ничего съ нихъ не взискивая, частью процентами съ капитала, оставленнаго на этотъ предметъ дѣдушкой, частью изъ доходовъ имѣнія; лѣсной матеріалъ, кирпичъ и другія принадлежности отпускались безвозмездно для крестьянскихъ построекъ; въ неурожайные годы раздавался хлѣбъ крестьянамъ безвозвратно изъ значительныхъ всегда запасовъ экономіи; были разведены особенные расадники фруктовыхъ деревьевъ для насажденія садовъ въ крестьянскихъ усадьбахъ и привитые хорошіе сорта отдавались бесплатно; заведены улучшенныя породы рабочихъ лошадей и скота, производителей крестьянамъ дарили и лишнимъ приплодомъ въ имѣніи они пользовались за самыя ничтожныя отработки или услуги. Постигнетъ кого семейное горе или болѣзнь, бывало плутъ въ матушкѣ за

совѣтомъ и помощью, въ полной увѣренности, что ни въ томъ, ни въ другомъ отказа не будетъ; провинится-ли кто, прибѣгаютъ къ ея защитѣ, къ ея милосердію, и не было примѣра, чтобы благодѣтельная помѣщица не отмѣнила, или не смягчила значительнаго взысканія.

Прислуга, или такъ называемые въ то время дворовые люди, пользовались такими удобствами и довольствомъ, что, безъ преувеличенія можно сказать, составляли какъ бы часть семьи помѣщицы. Превосходныя отдѣльныя помѣщенія для семейныхъ, общія для холостыхъ, обильный, сытный столъ, пробу котораго ежедневно приносили матушкѣ, болѣе чѣмъ приличная, барская одежда и ежемѣсячное денежное вознагражденіе были неотъемлемыми принадлежностями каждаго двороваго. Всѣхъ дѣтей многочисленной дворни учили грамотѣ, молитвамъ и матушка каждую недѣлю повѣряла усѣху учащихся, поощряя лучшихъ ласками и подарками.

И говорить нечего, что крестьяне и дворовые боготворили матушку; какъ не упрекали нашъ народъ въ неблагодарности, малютенскіе крестьяне и отрадская прислуга служили живымъ протестомъ этому обвиненію, въ то время, когда господство крѣпостного права всею тяжестью лежало еще на народѣ; и то правда, что не много находилось такихъ помѣщицъ, какъ моя мать.

Что касается семейныхъ отношеній, то матушка всею душой была привязана къ моему отцу и глубоко его любила, но все не была счастлива въ этомъ отношеніи. Подчиняясь вполнѣ волѣ и желаніямъ моего отца по мѣрѣ возможности, въ нѣкоторой степени доходившей до самопожертвованія, она часто сдерживала вспыльчивость его характера и строгость чисто-военнаго закона. Уступая во всемъ, что не составляло особенной важности, она имѣла твердость проводить свои убѣжденія и правила, не оскорбляя самолюбія главы семейства. — Дѣтьми матушка распоряжалась самостоятельно, наше домашнее воспитаніе и направленіе принадлежали ей вполнѣ, она была главною, можно сказать, единственною руководительницею нашею. Матушка была очень образованною по своему времени женщиной, очень много читала, превосходно писала на двухъ языкахъ. Независимо отъ наукъ, особенно ея вниманіе было обращено на религіозное и нравственное наше развитіе;

кромѣ постоянныхъ занятій и наставленій, живой примѣръ истинной христіанки и добродѣтельной женщины, какою была матушка, имѣлъ самое благотворное на насъ вліяніе. Правила религіи, нравственности и высокой добродѣтели примѣнялись къ дѣлу постоянно, входили въ обычай, въ жизнь семейную.

Содержаніемъ дома, передѣланнаго и значительно увеличеннаго моимъ отцемъ дворовыми принадлежностями и постройками, главнымъ хозяйствомъ во всемъ его объемѣ и декоративной частью сада завѣдывалъ батюшка. Но во всемъ видно было благодѣтельное участіе матушки, ея заботливости, ея ума. Усадьба и домъ содержались въ порядкѣ и чистотѣ, почти нигдѣ небывалой въ то время въ Малороссіи. Домъ былъ какъ полная чаша, ни въ чемъ не было недостатка, во благоразумная расчетливость матушки не допускала ничего лишняго; женское хозяйство и малютешкая часть садовъ были предметами ея особыхъ заботъ. Малютешское имѣніе, доставшееся ей отъ отца, было образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Не говоря о значительныхъ и красивыхъ постройкахъ и насажденіяхъ усадьбы, хозяйство имѣнія доведено было до той степени совершенства и разнообразія, на которой врядъ ли стояли другія помѣстья полтавской губерніи. Заводы: селитрянный, винокуренный, маслобойный, конный, рогатаго скота превосходной породы, тонкорунное овцеводство въ довольно большихъ размѣрахъ, улучшенное хлѣбопашество составляли главныя статьи. Пчеловодство по системѣ Проконовича, огородничество, тканіе ковровъ и холста и другія мелкія отрасли хозяйства также не были упущены изъ виду. Однимъ словомъ все, что могло приносить пользу, постепенно вводилось въ систему хозяйства и достигало владѣющаго развитія и совершенства.

Ближайшихъ родственниковъ у матушки не было, къ дальнимъ она относилась всегда съ сердечнымъ участіемъ и помогала имъ, чѣмъ могла.

Съ посторонними, съ сосѣдями, съ добрыми знакомыми, матушка находилась всегда въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Всѣ обращались къ ней за совѣтомъ, за покровительствомъ. Никому, никогда и ни въ чемъ не было отказа. Матушка была общою ходатайницею и пользуется глубокимъ уваженіемъ лицъ власти имѣвшихъ, всегда почти достигала

исполненія своихъ просьбъ о другихъ. При этомъ необыкновенная снисходительность къ чужимъ недостаткамъ, желаніе и въ дурномъ найти хорошую сторону, объяснить все добрымъ намѣреніемъ, всегдашняя готовность помочь въ случаѣ надобности ставили матушку въ исключительное положеніе. Въ самомъ тѣсномъ семейномъ кругу матушка не допускала насмѣшекъ надъ другими, никогда, ни о комъ не отзывалась дурно. При жизни ея, любви къ ней всѣхъ знавшихъ ее не было границъ; по кончинѣ чувства эти высказались единодушно: неожиданная, преждевременная утрата этой добродѣтельной женщины считалась невознаградимою, носила характеръ общественнаго бѣдствія.

Послѣ девятого дня, со времени кончины матушки, мы разъѣхались. Отецъ съ Sophie и Marie отправился въ П. за сестрою Надею, я въ Кіевъ.

Вибиковъ принялъ большое участіе въ постигшемъ меня несчастіи, разспрашивалъ о батюшкѣ, о семействѣ и предложилъ мнѣ съѣздить лѣтомъ къ сестрамъ на нѣсколько недѣль. Это вниманіе глубоко тронуло меня.

Съ особеннымъ прилежаніемъ принялся я за служебныя дѣла, много читалъ, много занимался музыкой, и часто, по вечерамъ, отправлялся за городъ.

Митрополитъ Филаретъ жилъ въ Голосѣевѣ, я посѣтилъ его нѣсколько разъ, и простылъ, но проникнутыя высокимъ чувствомъ вѣры рѣчи его, если не утѣшали, то значительно успокаивали меня.

Кончина матушки имѣла большое вліяніе на меня: я вѣрнѣе упалъ духомъ и сильно измѣнился физически. Не забуду, какъ однажды, гуляя въ отдаленной аллеѣ городского сада, я встрѣтилъ добраго моего знакомаго Б., у котораго часто обѣдывалъ.

Что съ вами, сказалъ онъ мнѣ, на васъ лица нѣтъ, вы постарѣли нѣсколькими годами, здоровы ли?

Я ему отвѣтилъ, что имѣлъ несчастіе лишиться матери. Онъ посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ, казалось, не понималъ, что горестное событіе это могло имѣть на меня такое сильное вліяніе. Не смотря на ежедневное усиленное движеніе при посѣщеніи загородныхъ мѣстностей пѣшкомъ, всѣ ночи я проводилъ почти безъ сна. Съ вечера

бывало клонить ко сну, ляжешь, и через полчаса просыпаешься. Въ одну изъ бессонныхъ ночей надумался я написать симфонію на ковшину матушки.

Въ первой части: Allegro furioso я предположилъ въ видѣ интродукціи изобразить ходъ болѣзни; во второй Adagio агонію и кончину; въ третьей Marche funebre похороны, въ четвертой Lamentose Allabreve сѣтованіе, переходящее въ молитву: Andante religioso.

Въ теченіи шести недѣль усидчиво трудился я по ночамъ надъ симфоніей. Всѣ части были вполне разработаны, для главныхъ инструментовъ оставалось дополнить оркестровку въ партитурѣ. Композиціей моею я остался совершенно доволенъ, но мотивы были такъ печальны, въ нихъ сказывалась такая глубокая грусть и душевная невзгода, что исполняя на фортепьяно отрывокъ изъ симфоніи, я растревлялъ незажившія еще раны моего сердца. Съ другой стороны, музыка эта возносила меня въ міръ духовный, ставила въ общеніе съ матушкой и подъ часъ, какъ молитва безъ словъ, какъ изліяніе религіознаго чувства въ формѣ музыкальныхъ идей, успокаивала, умиротворяла меня.

Вскорѣ я окончилъ партитуру симфоніи для оркестра, сдѣлалъ извлеченіе для фортепьяно въ четыре руки и послалъ въ Лейпцигъ для напечатанія. На заглавномъ листѣ, въ вѣнкѣ изъ безсмертниковъ стояло посвященіе: A toi, âme chérie. Симфонія озаглавлена: La mort d'une Sainte, ковшина праведницы.

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА И ВОСПОМИНАНІЯ КНЯЗЯ БОРИСА ИВАНОВИЧА КУРАКИНА.

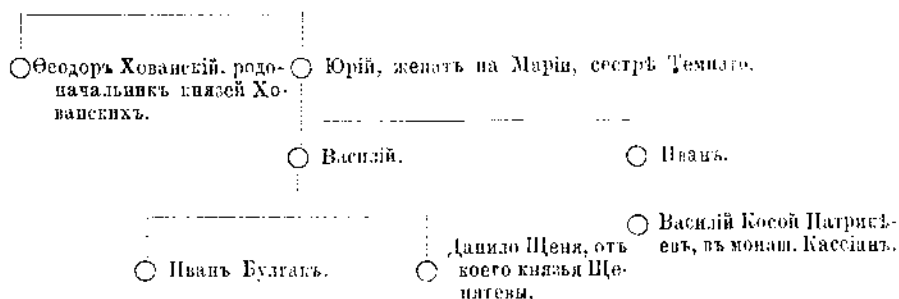
(Род. 1676 г. ум. 1727 г.).

Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ происходилъ изъ знатной и родословной фамиліи, производившей свое начало отъ литовскихъ князей Гедиминовичей. Начатки этой фамиліи родятся съ Гедиминномъ такимъ образомъ:

○ Гедиминъ

○ Наримонтъ.

○ Патрикій, дѣти коего, братья Патрикѣева, Теодоръ и Юрій, выехали изъ Литвы въ Москву, при Василиѣ Гедимонѣ.

○ Михайло Голиця, родоначальникъ князей Голицыныхъ.

○ Андрей Курака, родоначальникъ князей Куракинскихъ.

Занявъ въ лицѣ своихъ предковъ, съ самаго начала ихъ поселенія въ Москвѣ, видное положеніе при дворѣ, князья Куракины крѣпко поддерживали свою фамильную честь. Особенными подвигами ни военными, ни гражданскими, князья Куракины не отличались, но не принадлежали и въ числу фамилій захудалыхъ; если не шли впередъ, но не уступали ни шагу на поприщѣ тѣхъ правъ и преимуществъ, которыя

были захвачены ихъ предками. Поэтому въ мѣстническихъ счетахъ ими Куракиннхъ встрѣчается очень часто, и отличаются они замѣчательнымъ упорствомъ. Такъ въ 1640 г. князь Федоръ Семеновичъ Куракинъ мѣстничался съ княземъ Ал. И. Трубецкимъ, не желая быть младшимъ восводою на южной границѣ московскаго государства для обереганія ея отъ крымскихъ татаръ. Узнавъ о претензіяхъ Куракина, Трубецкой билъ челомъ государю о безчестьи, приводя основанія и случаи, почему ему можно быть больше князя Куракина. Трубецкой аргументировалъ такъ: «Куракины уступаютъ Голицынымъ, а Голицыны уступаютъ Трубецкимъ, тѣмъ паче Куракины должны уступить Трубецкимъ. *«Да и большіе ваши родители Голицыны съ ихъ родителями съ Трубецкими бывали безсловно: и вы-де Куракины съ Голицыными всегда безсловны»*. Аргументамъ Трубецкаго Федоръ Куракинъ противопоставлялъ свои аргументы, заявляя, что Трубецкіе потеряли свое старшинство измѣною, и ссылался на недошедшій до насъ указъ царя Ивана Грознаго, состоявшійся послѣ отбѣзда князя Андрея Курбскаго и понижавшій на 12 мѣсть пѣзую фамилію за измѣну одного члена. *«А князя Трубецкіе, заявляя Ѳ. Куракинъ, государямъ измѣняли, именно при дядѣ дяди государева великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ отъехали въ Литву, а князя Куракины какъ пріѣхали къ великому князю Василию Васильевичу, съ тѣхъ поръ работали и служили государямъ честно и въ измѣнѣ никогда не бывали»*.

Заявленіе князя О. Куракина не осталось безъ отвѣта, который на этотъ разъ былъ данъ уже отъ имени государя. Въ царской грамотѣ выставлялись на видъ два обстоятельства: первое, что въ тяжелое смутное время не остались совѣтѣмъ чистыми и князья Куракины, второе, что по воцареніи дома Романовыхъ, дана полная амнистія за всѣ прошлыя вины. *«Дядя твой Н. Куракинъ,—гласила царская грамота, съ польскими и литовскими людьми на разореніе московскому государству совѣтникъ былъ, и съ польскими и литовскими людьми по его совѣту многія святыхъ Божьихъ церквей обручили и московское государство жили, и многихъ православныхъ христіанъ побили, и мноую христіанскую кровь пролили, а иныхъ православныхъ христіанъ и съ сеуцими младенцы въ литовскую сторону отвели... А какъ Божіею милостію московское государство отъ литовскихъ людей очистилось, и по волю Божіею на московскомъ государствѣ училились мы, великій государь,... и мы для обновленія нашего государства и для нашего царскаго зпци всѣхъ пожаловали, прежнія ихъ вины вельли имъ вѣдать и спредъ тѣ ихъ вины никому не вспомянуть. А что пишешь къ намъ въ своей отпискѣ про измѣну князя Андрея Курбскаго и про присоворъ, что которые измѣняютъ, что тѣ измѣною своею многіе мѣсты теряютъ, и тебѣ было о*

томъ къ намъ, великому государю, писать непригоже: прежнихъ великихъ государей указы и приговоры вѣдомы больше твоихъ вычетовъ, и знаемъ мы, кого съ кѣмъ ровнять и кому съ кѣмъ быть». Далѣе слѣдуютъ угрозы выдать князи Куракина головою; въ случаѣ же поруки военному дѣлу, царь грозить Куракину смертною казнію. Чѣмъ кончилось это длинное мѣстническое дѣло, неизвѣстно; мы привели его только для того, чтобы показать, какъ князья Куракины блюли свою родовую честь¹⁾.

Родословіе князей Куракиныхъ въ прямой нисходящей линіи отъ родоначальника князя Андрея Кураки до нашего автора представляется намъ въ такомъ видѣ:

1) Князь Андрей Ивановичъ Куракинъ, сынъ Ивана Булгака, жившій въ первой половинѣ XVI в.

2) Князь Петръ Андреевичъ Куракинъ, современникъ Ивана Грознаго.

3) Князь Андрей Петровичъ Куракинъ, многолѣтній старецъ, бывшій бояриномъ 25 лѣтъ при пяти царяхъ, отъ 1590 по 1615 годъ (*Карамз.* X, пр. 61).

4) Князь Семень Андреевичъ Куракинъ, бывшій нѣсколько лѣтъ бояриномъ одновременно съ отцомъ.

5) Князь Григорій Семеновичъ Куракинъ, дѣдъ нашего автора, скончавшійся великимъ постомъ 1682 г.

6) Князь Иванъ Григорьевичъ Куракинъ, отецъ нашего автора, скончавшійся еще не въ старыхъ годахъ, въ смоленскомъ воеводствѣ, въ концѣ того-же 1682 года.

7) Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ, авторъ предлагаемыхъ записокъ, впослѣдствіи русскій посланникъ въ Голландіи, Франціи и Англии, дѣйствительный тайный совѣтникъ и ордена св. Андрея Первозваннаго кавалеръ, родился въ Москвѣ 20 іюля 1676 г., скончался въ Парижѣ 17 октября 1727 г., на 52 году отъ рожденія.

Такимъ образомъ 6 поколѣній отдѣляютъ нашего князя Бориса отъ родоначальника Андрея Кураки и 12 поколѣній отъ Гедимина (1338 г.) до рожденія князя Бориса, что даетъ въ среднемъ выводѣ по 30 лѣтъ на каждое поколѣніе.

Обращая вниманіе на отличительныя свойства фамиліи Куракиныхъ, кромѣ родовой гордости, трудно указать на что нибудь выдающееся. Быть можетъ это въ нѣкоторой степени зависитъ отъ недостатка источниковъ. Но если у cadaго рода, считающаго вѣками свою генеало-

¹⁾ Маркевича. О мѣстничествѣ 470—477. Появился, князь Куракинъ, какъ герой мѣстничества, выводится въ романѣ Загоскина: *Брянскій лѣсъ*.

гю, есть фамильный тнитъ, есть свои политическія преданія, то конечно были таковыя и въ родѣ Куракиныхъ. Принимая во вниманіе фамильную гордость, по которой князья Куракины никогда не забывали своего происхожденія отъ владѣтельныхъ князей литовскихъ, припоминалъ, что изъ этого-же литовскаго княжескаго рода происходилъ знаменитый врагъ «іосифлянъ», князь — инонецъ Вассіанъ Патрикѣевъ, мы склонны думать, что князья Куракины принадлежали къ числу такихъ московскихъ политиковъ, которые желали, чтобы государь совѣщался о всѣхъ правительственныхъ дѣлахъ съ боярами и любилъ *встрѣчу*, то есть противорѣчіе, — чтобы проявленіе онаго со стороны боярскихъ родовъ было ограничено закономъ, а неписаннымъ обычаемъ. Политическіе идеалы Куракиныхъ восходили къ тому давнему періоду, когда при дворѣ господствовало еще дружинное начало, когда государь былъ если не *primus inter pares*, то по крайней мѣрѣ не обижался, если бояре, въ качествѣ участниковъ въ управленіи, ему противорѣчили. Конечно этимъ гордымъ преданіямъ не было мѣста среди суроваго абсолютнаго московскаго двора, но они сохранились и при случаѣ давали себѣ знать даже у такого вѣрноподаннаго человѣка, какимъ былъ нашъ авторъ. Особенною какою либо правительственною спеціальностію Куракины себя не замѣляли: впрочемъ въ московской Руси вселый служилый человѣкъ, по требованію обстоятельствъ, бывалъ и военкомъ, и администраторомъ, и дипломатомъ и т. д. Изъ боярскихъ родовъ Куракины питали постоянное сочувствіе къ Голицынымъ и вражду къ Трубецкимъ, и отчасти къ Долгорукимъ.

Происходи по отцу изъ роду Куракиныхъ (Гедимновичей), князь Борисъ по матери происходилъ изъ другаго не менѣ славнаго дома князей Одоевскихъ (Рюриковичей). Мать его Θεодосья Алексѣевна, урожденная Одоевская, была дочь князя Алексѣя и внука князя Никиты Одоевского, людей родословныхъ и близкихъ къ царскому семейству. Самъ князь Борисъ въ своемъ двукратномъ бракѣ, равно его братья, сестры и дѣти роднились съ самыми знатными русскими фамиліями: Лопухинными, Урусовыми, Стрѣшневными, Салтыковыми, Апраксинными, Голыциными, Бутурлиными, и т. д.

Составъ семьи нашего автора былъ таковъ:

Отецъ князь Иванъ † 1682 году.

Дѣти его отъ перваго брака съ Θεодосією Алексѣевною, урожд. Одоевскою († 1676 г.):

Михаилъ, б. женатъ на Марья Дмитріевнѣ, † 1693 г. оставилъ трехъ дѣтей: Василія, † 1605, Марью, съ 1707 г. въ замужествѣ за Ал. Апраксинимъ, Прасковью.

Марья, въ супружествѣ съ 1592 г. за Иваномъ Степановичемъ Салтыковымъ (уб. въ 1700 г. подъ Нарвой).

Борисъ (р. 1676 г. † 1927 г.)

Отъ 2-го брака съ Марьею Петровною † 1687 г.

Иванъ р. 1682 г., женатъ 1699 г. на Еленѣ Тихоновнѣ Стрѣшневой, ум. съ женою и сыномъ въ ономъ 1703 году.

Авторъ Записокъ князь Борисъ въ первомъ бракѣ съ 6 іюля 1690 г. имѣлъ Ксенію Ѳеодоровну Лопухину, родную сестру царицы Евдокии Ѳеодоровны, умершую въ февралѣ 1698 г.; во второмъ бракѣ съ ноября 1689 г. имѣлъ кн. Марью Ѳеодоровну Урусову, съ которою жилъ не очень ладно.

Дѣти князя Бориса отъ 1-го брака:

Александръ, род. 1691 г. іюля 31, впоследствии былъ посланникъ во Франціи † 1749 г.

Татьяна, род. 1794. генваря 1, была впоследствии въ замужествѣ за фельдмаршаломъ княземъ Голицынымъ.

Дѣти князя Бориса отъ 2-го брака:

Сергій, род. въ 1760, умеръ 1½ году.

Екатерина, род. 25 окт. 1701 г., была впоследствии въ замужествѣ за фельдмаршаломъ графомъ Бутурлинымъ.

Изъ этого перечня видно съ одной стороны, съ какими знатными фамиліями родилась семья Куракиныхъ, а съ другой стороны видно и то, что братья князя Бориса были очень не долговѣчны и умирали безъ потомковъ мужескаго пола; почему родовое имѣніе, раздѣленное сначала между тремя братьями, скоро опять сосредоточилось въ рукахъ одного князя Бориса.

Авторъ записокъ князь Борисъ былъ человекъ, одаренный отъ природы хорошими способностями, но болѣзненный, часто страдавшій золотухою и меланхоліею. Быть можетъ, эта самая болѣзненность развила въ немъ наблюдательность и вдумчивость, качества довольно рѣдкія въ то время, сдѣлала его мало-способнымъ къ поприщу военному, но за то предрасположила къ дѣятельности дипломатической. Плодомъ этой наблюдательности и вдумчивости и служатъ печатаемая нынѣ Записки, веденныя кн. Куракинымъ безъ всякой практической цѣли, исключительно въ интересахъ самопознанія. Въ этомъ отношеніи князь Куракинъ, быть можетъ, единственный человекъ петровскаго времени, который жилъ не день за день, а старался давать себѣ отчетъ въ текущей жизни, какъ своей личной, такъ и общественной.

Записки князя Куракина можно обозначить заглавіемъ: *Семейная хроника и воспоминанія*, хотя конечно онѣ далеко не имѣютъ той полноты и художественности, какими отличается сочиненіе С. Т. Аксакова, извѣстное подъ тѣмъ-же заглавіемъ. Тѣмъ не менѣе это заглавіе очень идетъ къ содержанію записокъ князя Б. Куракина. Много свидѣній,

особенно на первых страницах Записокъ, посвящено семейнымъ отношеніямъ. Князь Борисъ, какъ видно, былъ вовсе не чуждъ родовой куракинской гордости. Описывая годъ 1707—8 г., какъ его хорошо принимали въ Римѣ и въ Венеціи, Куракинъ заключаетъ: «Истинно похваюсь, что націи московской нѣтъ чести и славы прежде бытія моего не принесъ; правда, что себѣ разореніе въ вживеніи томъ понесъ, однако въ честь и славу государства російскаго, и *патри имени своего дому Caributoff Kurakinigh князей наследственныхъ литовскихъ*. Таже фамильная гордость князя Бориса слышится въ его сѣтованіи по поволу того, что его родная племянница Марья Михайловна вышла замужъ въ 1707 г. за Александра Апраксина и этимъ, по выраженію князя Бориса, *фамиліи своей уничтоженіе великое сдѣлала, что за такъ низкую фамилію выдана*. Между тѣмъ Апраксинъ происходилъ изъ знатнаго, хотя и изъ татарскаго роду, и Александръ Апраксинъ былъ племянникъ нарицы Марыи Матвѣевны, второй супруги царя Феодора Алексѣевича.

По *семейной хроникѣ* отведено сравнительно небольшое мѣсто въ запискахъ князя Бориса; болѣе мѣста занимаютъ *воспоминанія*. Воспоминанія эти двухъ родовъ: они касаются частію общественной жизни Россіи, частію личной жизни князя Бориса.

На общественную жизнь Россіи князь Борисъ смотрѣлъ съ той-же точки зрѣнія, съ какой успокоенъ вѣка смотрѣлъ и доселѣ смотреть простой подначальникъ русскій человѣкъ, и которая довольно характерно высказывается въ народномъ связаніи о *Юрикѣ Новоселѣ*¹⁾.

Вся многовѣковая жизнь русскаго народа представляется съ этой точки зрѣнія исторіею умощенія податей, налоговъ, оброковъ, сборовъ, пошлынъ и повинностей, начиная съ бѣличьяго хвоста при Юрикѣ Новоселѣ до даней съ живаго и съ мертваго при Петрѣ Великомъ. Время Петра Великаго особенно обильно было измышленіемъ разныхъ способовъ къ собранію доходовъ въ казну, которая крайне нуждалась въ деньгахъ для шведской войны и для другихъ предпріятій государя. Поэтому и князь Куракинъ, хотя лично былъ очень богатымъ человѣкомъ, особенно получивъ наследство послѣ двухъ умершихъ братьевъ, тѣмъ не менѣе съ любопытствомъ слѣдитъ за финансовою политикою государя, которая тяжело ложилась не на немъ самомъ, а развѣ на его крестьянахъ. Развитіе финансовой политики Петра Великаго представлялось Куракину очень просто: появились *прибыльщики*, люди дворовые изъ крѣпостной интеллигенціи, бывалые, смысленные и догадливые, и стали

¹⁾ Сказаніе о *Юрикѣ-Новоселѣ* сообщено Е. В. Барсовымъ въ *Древней и Новой Россіи* 1879 г., № 9.

выдумывать разные *прибыли*, т. е. способы, откуда-бы получить доходы; иной изобрѣтаетъ источники доходовъ въ орленой бумагѣ, иной въ сборѣ съ инородцевъ, иной въ подати съ бань, ульевъ, квартиръ, постоянныхъ дворовъ и т. д. Прибыльщики, люди извѣстные по своимъ господамъ: Алексѣй Курбатовъ, челоѣкъ Бориса Шереметева, Парамонъ Скворцовъ, челоѣкъ Ивана Головина, Степанъ Вараксинъ, челоѣкъ князя Бориса А. Голицына, Алексѣй Нестеровъ, челоѣкъ Хрущова и др., иной не разъ, быть можетъ, стоялъ во время обѣда за столомъ князя Куракина, или помогалъ ему садиться въ экипажъ; поэтому къ ихъ изобрѣтеніямъ князь Куракинъ не могъ относиться съ особымъ благоговѣніемъ. Тѣмъ не менѣе онъ очень тщательно отмѣчаетъ, какая въ томъ или другомъ году выдумана новая статья доходовъ, сколько собирается по этой статьѣ, и иногда при маломъ доходѣ какъ будто между строемъ высказывается сомнѣніе, стоитъ-ли доходъ издержекъ взиманія. Какъ видно, реформы Петра Великаго были настолько проникнуты экономическимъ характеромъ и настолько обусловливались состояніемъ русскихъ финансовъ, что друзья реформы, сознательно смотрѣвшіе на современную жизнь и оставившіе свои записки, каковы были князь Куракинъ и Посошковъ, на вопросы о казенныхъ прибыляхъ сосредоточиваютъ почти все свое вниманіе.

Но для всякаго челоѣка наиболѣе дорога и интересна своя личная жизнь. Князь Куракинъ въ этомъ случаѣ не составляетъ исключенія. Онъ сообщаетъ и объ умноженіи государственныхъ доходовъ, и о другихъ распоряженіяхъ и приключеніяхъ, которыя были въ свое время предметомъ толковъ (напр. о дѣлѣ Талицкаго), но все-таки главнымъ центромъ записокъ князя Куракина остается его собственная личность. Сообщая довольно кратко о своихъ семейныхъ дѣлахъ, князь Куракинъ наиболѣе распространяется о своемъ здоровьѣ и о лѣчехи своихъ недуговъ, а еще болѣе о своей служебной карьерѣ. Такой составъ Записокъ совершенно сообразенъ съ жизнью князя Бориса. Ему некогда было быть хорошимъ семьяниномъ; всю жизнь онъ проводилъ на царской службѣ въ Россіи, или за границею, а домой пріѣзжалъ только на побывку. Но отъ себя самого нигуда нельзя уйти: князь Борисъ всюду возилъ съ собою недуги, — золотуху и меланхолію, которые и лѣчили при всякой возможности. Лѣчился онъ и въ Москвѣ у дохтура Симона, и дохтура Лаврентія Бламентита, и у Евдокима Пошка, и у Карбонарія, и у Видю, и у царскаго лейбъ-медика Арескина, и въ Венеціи у Александра грека, и въ Надуѣ у Калафатія, и въ Римѣ у Грецельта, и въ Карлсбадѣ у Бехера, и въ Амстердамѣ у доктора Хана, и у цирюльника Бонавента жидъ, и въ Ахенѣ у Олива и многихъ другихъ врачей, и,

какъ человекъ болѣзненный, любилъ толковать и писать о своихъ недугахъ ¹⁾).

Не менѣе, если не болѣе князь Борисъ былъ занятъ своею служебною карьерою. Это и естественно. Если царская служба отрывала его отъ семьи, отъ дому, отъ удобствъ жизни, заставляла его при слабомъ здоровьи мыкаться по свѣту, то естественно было желать, чтобы всѣ эти труды и лишенія не пропадали даромъ, а чѣмъ-нибудь вознаграждались.

Карьера князя Бориса шла не ровно. При самомъ рожденіи счастье улыбнулось князю Борису. Онъ былъ крестникомъ царя Феодора Алексѣевича и всѣ надѣялись, что изъ него выйдетъ внослѣдствіи царскій фаворитъ. Но царь Феодоръ скоро умеръ, а князь Борисъ росъ хилымъ, болѣзненнымъ мальчикомъ, котораго всѣ считали глухимъ или по крайней мѣрѣ думали, что изъ него путн не будетъ. Съ дѣтства князь Борисъ поступилъ на царскую службу, былъ сначала стольникомъ при царѣ Петрѣ, участвовалъ въ его потѣхахъ и экзерциціяхъ, былъ въ азовскомъ походѣ и наконецъ на 20 году жизни отправленъ былъ въ Италію, для обученія математикѣ и еораблестроенію, гдѣ и пробылъ болѣе года. При хорошихъ способностяхъ князь Борисъ выучился хорошо итальянскому языку и математикѣ съ ея прикладными науками, и удачно выдержалъ экзаменъ предъ царемъ *въ наукахъ навтичныхъ*, въ Воронежѣ, 1697 г. Съ тѣхъ поръ карьера князя Бориса стала выправляться, и стало происходить слово о немъ доброе. Впрочемъ не вдругъ еще онъ попалъ на настоящую дорогу. При тогдашнихъ обстоятельствахъ военная служба была неизбѣжною для знатнаго и молодаго россиянина. И князь Куракинъ волею-неволею состоялъ въ военной службѣ. Онъ былъ и подъ Нарвою, и при взятіи Нотебурга и Ніеншанца, и при штурмѣ Нарвы, и при полтавской баталіи, бывалъ и въ опасныхъ случаяхъ, командировалъ и надъ ротами и надъ цѣлыми полками. Но военная служба не была профессіею князя Бориса. Онъ былъ слишкомъ болѣзненъ и слишкомъ много заботился о своемъ здоровьи для того, чтобы быть хорошимъ вонномъ. Проницательный Петръ замѣтилъ это и предъ полтавской баталіей жестоко бранилъ князя Бориса за то, что онъ не хочетъ служить въ военной службѣ, а старается попасть въ министерство (т. е. въ посланники) и грозилъ ему висѣлицею, если онъ не исполнитъ своего долга при встрѣчѣ съ неприятелемъ. Царскій гнѣвъ

¹⁾ Въ концѣ издаваемой рукописи приложено *en parte для ведлннн* поденное описаніе карлсбадскаго леченія, а также отзывъ о болѣзни князя — падуанскаго доктора Балафатія, исторія болѣзни, составленная самимъ княземъ Борисомъ для консилума московскихъ докторовъ въ 1706 г., описаніе амстердамскаго и азенскаго лѣченія и проч.

до такой степени огорчѣлъ князя Бориса, что онъ заболѣлъ и впаде почти въ отчаяніе. «Уже теперь напишу», писалъ князь Борисъ въ послѣдствіи, «что истинно радощенъ былъ смерти, такъ desperatъ былъ, и хотя видѣвъ себя всегда болѣзненно, былъ воздерженъ во всемъ, по тѣхъ часовъ уже нарочно всего вольно во всемъ себя допустилъ, не храни и не жалѣя своего здоровья». За полтавскую баталію, когда всѣ получали чины, деревни, кавалеріи, князь Борисъ не получилъ никакой награды¹⁾. Вообще средину 1709 г. князь Борисъ считалъ самымъ несчастнымъ временемъ своей службы и въ день своихъ именинъ 24 іюля 1709 г., стоя у ранней обѣдни въ кievскомъ братскомъ монастырѣ, горько плакалъ, «вспоминая злости дней своихъ житіе».

Свое злоключеніе князь Борисъ приписывалъ навіѣтамъ своего врага, князя Василя Владиміровича Долгорукова, но кажется справедливѣе думать, что самъ государь замѣтилъ, что князь Борисъ вовсе не военный человѣкъ, и на нѣкоторое время опалился на него, полагая, что его невоинственность происходитъ отъ лѣности и нерадѣнія. Но не надолго. Проницательный и разсудительный государь убѣдился, что нельзя требовать отъ человѣка того, чего онъ не можетъ дать, и что лучше отравить его на поприще, сообразное съ его природою. Приурочивая князя Бориса къ дипломатическому поприщу, Петръ великій высказалъ не только свое обычное умѣнье распознавать людей, но также и свою разсчетливость. Государь соображалъ, что богатый князь Куракинъ въ состояніи будетъ поддерживать при иностранныхъ дворахъ блескъ и достоинство русскаго двора, приплачивая къ царскому жалованью не малый процентъ изъ своихъ личныхъ доходовъ. «Послѣ знаменитой полтавской битвы», говоритъ Бергманъ въ исторіи Петра В. (VI, 183 и слѣд.), «жизнь князя Куракина была посвящена дѣламъ дипломатическимъ. Въ томъ-же году Петръ Великій послалъ Куракина въ Ганноверъ къ курфирсту Георгу Людвигу для склоненія его вступить въ союзъ съ Россіею, и потомъ въ Брауншвейгъ къ герцогу Антону Ульриху для окончательныхъ переговоровъ о бракѣ царевича Алексѣя Петровича съ принцессою Шарлоттою Христиною Софіею».

На ганноверскомъ посольствѣ, т. е. на половинѣ 1710 г. обрываются мемуары князя Куракина.

Для насъ мемуары эти имѣютъ двойной интересъ: общій и такъ сказать спеціальнй. Общій интересъ заключается въ томъ, что онѣ

¹⁾ Поэтому совершенно несправедливо сообщается въ исторіи Петра В. Бергмана (т. VI, стр. 182), «что въ 1709 г. за оказанное въ полтавской битвѣ мужество князь Борисъ Ивановичъ произведенъ въ генерал-майоры».

показываютъ, какъ выработывался въ петровское время типъ русскаго западника и абсентеиста, любившаго болѣе жить въ западной Европѣ, нежели пребывать въ нѣдрахъ любезнаго отечества. Не обошлось при этомъ и безъ знаменитаго: *Cherchez la femme!*

Какъ самъ Петръ, такъ и его сподвижники церемонной монотонности московскихъ красавицъ предпочитали свободное обхожденіе западныхъ женщинъ *со всякимъ сладкимъ и челолюбивымъ приемствомъ*. «Въ ту свою бытность (въ Венеціи), пишетъ князь Куракинъ подъ 1707—8 г., былъ наморать (влюбленъ) въ славную хорошествомъ оную читиденку, — называлась *Signora Francesca Rotta*, которую имѣлъ за метрессу, во всю ту свою бытность такъ былъ *inamorato*, что не могъ ни часу безъ нее быть, которая коштowała мнѣ въ тѣ два мѣсяца 1000 червонныхъ¹⁾. И расстался съ великою плачью и печалью, ажъ до сѣхъ поръ съ сердца моего тотъ алог не можетъ видти, и чаю не видеть. И взялъ на морію ея персону, и обѣщалъ къ ней опитъ возвратиться. «Между тѣмъ съ своею второю женою Марьею Феодоровною Урусовою князь Борисъ шилъ неладно и даже собирался отыравить ее въ монастырь.

Далѣе: вообще заграничные люди, какъ болѣе проникнутые цивилизаціею, казались Борису Куракину гораздо симпатичнѣе, чѣмъ свои земляки и соотечественники. «Абъ сему объявлю», писалъ князь Борисъ, «особливую любовь и приемность въ чужихъ отъ всѣхъ имѣлъ, нежели въ своихъ краяхъ». О своихъ-же русскихъ сослуживцахъ князь Борисъ, обойденный наградою послѣ полтавской баталиі, отзывался такъ: «хоти и гордо о семъ напишу, однако натура моя силуетъ объявить, что нѣкоторые взысканы именъ рангу генераль-маіора, но о тѣхъ объявлю предъ собою глухихъ, худыхъ, безъ показанія всякаго добра и заслуги, и незасмыхъ не токмо въ другихъ, но и въ томъ дѣлѣ, въ которое и призваны и донныѣ обрѣтаются, токмо наполненныхъ злости ко всѣмъ, льнства и завидости, и губленія какъ ближнихъ, такъ и дальнихъ. Охъ моего плача, охъ моего воздыханія!» и проч.

Наконецъ, какъ челоубкъ очень богатый, князь Борисъ за границею могъ пользоваться всѣми удобствами для леченія и житейскаго комфорта, какихъ не находилъ внутри Россіи.—Иностранными-же языками, особенно итальянскимъ и французскимъ, князь Борисъ владѣлъ совершенно свободно.

¹⁾ Слѣдовательно вдвое болѣе, чѣмъ сколько за этотъ-же періодъ собиралось квартирной подати со всего московскаго государства. Квартирной подати, по счету Бориса Куракина, собиралось въ годъ 4,000 р. с., слѣдовало въ два мѣсяца 666 р. с., по тогдашнему курсу 444 червонца.

Болѣе 20 лѣтъ своей жизни князь Борисъ прожилъ за границею и притомъ не по неволѣ, а по своей охотѣ. Печатаемые мемуары, объ- емлющіе едва 4 года разновременной заграничной жизни князи Бориса, показываютъ, какъ зародилась въ немъ эта охота.

Спеціальный для *Киевской (Старины)* интересъ записокъ князя Бо- риса опредѣляется тѣмъ, что онъ нѣсколько разъ бывалъ въ Киевѣ около времени полтавской баталіи и между прочимъ въ ноябрѣ 1708 г. послѣ пзмѣны Мазепы нарочито былъ посланъ въ Киевъ, чтобы привезти изъ Кіева въ Глуховъ митрополита Іосифа Кроковскаго, печерскаго архи- мандрита и другихъ важнѣйшихъ духовныхъ лицъ, для участія въ из- браніи новаго гетмана,—обстоятельство доселѣ неизвѣстное въ мѣстной исторіи. Въ Киевѣ-же послѣ полтавской баталіи князь Борисъ оплаки- валъ «злости дней своихъ житіе».

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о литературномъ характерѣ записокъ князя Бориса. Они ведены по годамъ жизни автора; отъ 20 іюля (дня рожденія автора) извѣстнаго года до 20 іюля слѣдующаго года. Въ каждомъ году сначала идутъ личные приключенія автора, затѣмъ замѣтки объ общественной жизни, замѣтки большія частію краткія и отрывочныя; но въ архитектурномъ, такъ сказать, отношеніи построеніе записокъ стройное, однообразное и правильное. Часто дѣлаются ссылки на особыя записи автора (о поюжахъ, о дипломатическихъ дѣлахъ, о болѣзняхъ)¹⁾.

Упоминая о стрѣльцкихъ бунтахъ, авторъ замѣчаетъ, что для пол- наго описанія ихъ потребна была-бы особая книга. Языкъ мемуаровъ— неправильный, испещренный множествомъ иностранныхъ словъ, иногда нескверканныхъ; напримѣръ *реbellionны, акорды, афрокть, персона, кон- фузия, алянсъ* и т. д. Грамматическое построеніе рѣчи также часто не- вѣрное и неправильное, да и въ самомъ изложеніи часто недостаетъ ясности, связности и толковитости. Вотъ образчикъ:

Тою годѣ сдѣлана ближняя канцелярія подѣ судомъ думнаго дворянина Никиты Зотова. То умно и похвально. О всякихъ дѣль, что со всѣхъ приказовъ по вся недѣли въдомость, что, гдѣ чело въ приходѣ денегъ и прочаго, такожде и въ расходѣ, и кому что должно на что расходѣ держать, и всего государства весь расходѣ въ оклады и приходи и всѣ расходѣ съ оклады и безъ окладовъ. Что хо- тѣлъ сказать авторъ эту тирадою?— Не смотря на несвязность изложенія,

¹⁾ Последнія приложены *a parte* при издаваемой рукописи, вторые хранятся въ рукописи при архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

въ рѣчи автора все-таки кое-гдѣ прорывается бойкое и животрепещущее русское слово. Что касается орфографіи подлинника, то въ немъ, кромѣ особенностей правописанія того времени, есть не мало прямыхъ ошибокъ: удерживаемъ при печатаніи существенное, постоянное, опускаемъ колеблющееся, случайное, примѣняясь въ послѣднемъ случаѣ къ современному русскому правописанію.

Такъ какъ первые источники имѣютъ то свойство, что открываютъ для всякаго пзслѣдователя новыя и различныя стороны предмета, то, оставляя дальнѣйшій анализъ записокъ князя Куракина, приглашаемъ любителей русской исторіи непосредственно ознакомиться съ этимъ совершенно новымъ, доселѣ неизвѣстнымъ, литературнымъ памятникомъ петровскаго времени.

Ф. А. Терновскій.

Записки князя Бориса Ивановича Куракина съ собственноручными приписками и поправками автора, обнимающія періодъ времени съ 1676 г. по 1710 г. Источникъ для исторіи петровскаго времени, совершенно новый, въ нашей литературѣ неизвѣстный. Рукопись понойнаго А. Е. Викторова, завѣдывавшаго отдѣломъ рукописей въ Румянцевскомъ музѣѣ.

Отъ сотворенія 7184, отъ воплощенія 1676 г. іюля 20, въ началѣ 7 часу дня, а по астрономически 11-го рожденіе.

P. V. I. K. K. (Prince Boris Iwanowicz Koribut-Kourakin?)

(Далѣе слѣдуетъ кругообразный рисунокъ, должно полагать гороскопъ, обозначающій положеніе планетъ при рожденіи князя Бориса).

Въ царство царя Оеодора Алексѣевича, которой былъ мнѣ восприѣмникомъ²⁾, также и сестра его царевна Евкатерина Алексѣевна³⁾. И по рожденіи мать моя⁴⁾ скончалась въ пяти недѣлѣхъ, которую болѣзнь получила отъ самого моего рожденія. При томъ случѣѣ по крещенію вмѣлъ счастье немалое: какъ бы сподѣвался быть фаворитомъ, только не допустила его смерть, понеже царя Оеодора Алексѣе-

¹⁾ Царю было тогда 15 лѣтъ и 2 мѣсяца, а отъ воцаренія его (1676 года январа 30) прошло только около $\frac{1}{2}$ года. Причиною царевой млости къ роду Куракиннхъ было конечно то, что дядькою молодого царя былъ близкій бояринъ князь Оеодоръ Куракинъ.

²⁾ Дочь царя Алексѣя Михайловича отъ 1-го брака, по счету 4-я, тогда 19-лѣтняя.

³⁾ Княгиня Оеодосія Алексѣевна Куракина, урожденная Оеоевская.

вца 90 годъ не стало¹⁾. И отъ того времени въ возрастѣ младенчества всегда виѣлъ счастье отъ всѣхъ людей, всегда сподѣваючись во снѣ нѣкоторого впрעדъ состоянія доброго. Токмо всегда оставалъ въ болѣзняхъ; первая виѣлъ великую грижу, и оттого трехъ лѣтъ отъ Симова дохтура рѣзанъ былъ; и потомъ на четвертомъ году на плюзнѣ лѣвной ноги также рѣзанъ былъ, гдѣ наростало месо дикое, отъ того-жь дохтура.

Житія моего годъ 1-й.

Отъ 1677 года іюля 20 по 1678 годъ іюля 20.

Годъ 2-й.

Отъ 1678 года іюля 20 по 1679 годъ іюля 20.

Годъ 3-й.

Отъ 1679 года іюля 20 по 1680 годъ іюля 20.

Годъ 4-й.

Отъ 1680 года іюля 20 по 1681 годъ іюля 20.

Годъ 5-й.

Отъ 1681 года іюля 20 по 1682 годъ іюля 20.

Годъ 6-й.

Отъ 1682 года іюля 20 по 1683 года іюля 20²⁾.

Того года не стало царя Феодора Алексѣевича послѣ святой недѣли³⁾, и былъ бунтъ отъ стрѣльцовъ. А прежде того бунту въ великой постъ не стало дѣда князь Григорья Семеновича. Тогожь году въ бунтъ были въ великомъ страхованіи, и нѣкоторые дни были въ похоронкахъ, для того что отца князь Ивана Григорьевича тѣ бунтовщики хотѣли убить. Тогожь году отцу князь Ивану Григорьевичу сказано на воеводство въ Смоленскъ. И на выѣздѣ въ тотъ походъ изъ

¹⁾ Царь Феодоръ Алексѣевичъ скончался 27 апрѣля 1682 г., слѣдовательно тогда нашему автору было 5 лѣтъ и 9 мѣщевъ.

²⁾ Во всѣхъ предъидущихъ цифрахъ есть ошибка на одинъ годъ; авторъ поправляетъ ее, начиная съ слѣдующаго 7-го года своего житія, но именно вслѣдствіе этой поправки одинъ 1682--83 годъ выходитъ въ дублетъ, т. е. считается и 6-мъ и 7-мъ годомъ житія князя Бориса Курякина.

³⁾ Государь скончался 27 апрѣля 1682 г., въ четвергъ на Ожвнной недѣлѣ, а стрѣльцкіе бунты были 15--17 мая.

Москвы у креста по Троицкой дорогѣ мнѣ пришло великое несчастье: упалъ на сноку съ инаходца, который мнѣ данъ съ копышши государственной. Съ котораго сладца, а одна нога въ стремя застряла. И скакала, ажъ пока сама стала, и такъ всю спину ободрала; ажъ тотъ убой мнѣ не пришелъ къ самой смерти. И того году на царство выбрали царя Петра Алексѣевича¹⁾, и потомъ нѣкоторое малое время спустя тогожь году выбрали на царство брата Иоанна Алексѣевича²⁾. И съ того за малолѣтствомъ ихъ начела въ управленіи государства царевна Софья Алексѣевна³⁾.—Во всѣ тѣ годы великую тягость имѣлъ отъ каменной болѣзни (т. е. отецъ автора записокъ).

Годъ 7-й.

Отъ 1682 года іюля 20 по 1683 годъ іюля 20.

Того году отца князе Ивана Григорьевича не стало въ Смоленску каменною болѣзью. Имѣлъ я у отца бѣольшую любовь предъ другими дѣтьми. И на память той милости при концѣ живота благословилъ образъ Спасителя въ нерукотвореннѣго, которымъ его благословилъ также отецъ, а мой дѣдъ. Тогожь году, по возвращеніи изъ Смоленска съ тѣломъ его, и погребень въ Чудовъ монастырѣ. И матица княгиня Марья Петровна съ полгода спустя родила сына, брата князе Ивана Ивановича, которому день тезоименитства его ноябрю 13 дня, Иоанна Златоустого. А по смерти отца нашего zostались братъ князе Михайло Ивановичъ, и сестра княгиня Марья Ивановна, и я князе Борись. И съ того году въ нашемъ томъ сиротствѣ не оставила насъ и домъ нашъ бабка наша княгиня Ульяна Ивановна Одоевска, супруга князе Алексѣя Никитича, сына князе Никиты Ивановича Одоевскаго, а мать нашей матери княгини Федосьи Алексѣевны. Могу объ ней описать, что она жена была великаго разума и въ почтеніи отъ всѣхъ.

Тогожь году пожалованъ я въ спальники къ царю Петру Алексѣевичу, и начель того году учиться грамотѣ по словенскій.

Годъ 8-й.

Отъ 1684 года іюля 20 по 1685 годъ іюля 20.

¹⁾ 27 апрѣля 1682 года.

²⁾ 23 мая 1682 года.

³⁾ 29 мая 1682 года.

Годъ 9-й.

Отъ 1684 года іюля 20 по 1685 годъ іюля 20.

Того году не стало мачихи нашей, а погребена въ Чудовѣ-жъ монастырѣ. А братъ князь Иванъ Ивановичъ въ сиротствѣ томъ остался въ той же опецѣ бабки княгини Ульяны Ивановны. И того года окончалъ грамотѣ учитца. По смерти своей мачиха наша княгиня Марья Петровна оставила духовную, въ которой написала, что деревни ея придаше всѣ сыну еѣ-жъ, а нашему брату князь Ивану, а ежели сына еѣ не станеть, а нашего брата, тѣ всѣ деревни намъ брату князю Михайлу Ивановичу, и млѣ, и сестрѣ княжнѣ Марьѣ. И та духовная засвидѣтельствована.

Годъ 10-й.

Отъ 1685 года іюля 20 по 1686 годъ іюля 20.

Того году ходилъ у полать своихъ по подвезямъ и съ тѣхъ подвезей упалъ съ самого верху, такъ расшибся, что съ два часа замертво лежалъ, и отъ тѣхъ побой знаѣть имѣлъ, на исподней губѣ шишку.

Годъ 11-й.

Отъ 1687 года іюля 20 по 1688 годъ іюля 20¹⁾.

Того году первой крымской походъ²⁾; и гетмана переимѣнили Ивана Самойловича³⁾.

Годъ 12-й.

Отъ 1688 года іюля 20 по 1689 годъ іюля 20.

Того году другой крымской походъ⁴⁾.

Годъ 13-й⁵⁾.

Того году царь Петръ Алексѣевичъ женился на царикѣ Авдотѣ Федоровнѣ, фамиліи Лопухинныхъ.

*) Ошибка. Пропущены 1686—87 г., соответствующій 11 году жизни автора. Следовательно 1687—88 годъ соответствует 13-му году жизни автора. Эта ошибка исправится нижеслѣдующимъ выставленіемъ 12 года жизни, безъ соответственной хронологической даты.

²⁾ Отъ мая по августъ 1687 г.

³⁾ 22 іюля 1687 года.

⁴⁾ Отъ 18 сентября 1688 г. по іюль 1689 г.

⁵⁾ См. примѣчаніе къ 11 году жизни.

Того году весь нашъ домъ погорѣлъ, той ночи, что было на новоселье и просили всѣхъ кушать. И въ томъ пожарѣ великій убытокъ былъ. И такъ великъ пожаръ былъ, что нашихъ три двора сгорѣло: тотъ дворъ, гдѣ мы жили, другой — Сицкой, третей — загородной Сицкой.

Въ томъ году царь Петръ Алексѣевичъ тайно изъ Преображенскаго со всѣмъ дворомъ пошелъ къ Троицѣ отъ ребилюоновъ стрельцовъ, и былъ тамъ до осени, для того покажутъ Щегловитова привезли и голову отсѣкли. А царица Софья Алексѣевна пошла жить въ дѣвичей монастырь. И того времени имѣли страхъ великій отъ бунтовъ; я требуетъ большого вѣденія особую книгу.

Годъ 14 й.

Отъ 1689 года июля 20 по 1690 годъ июля 20.

Того году родился царевичъ Алексѣй Петровичъ передъ масляницею или въ великій постъ²⁾; тезоименитство его Алексѣя челоуѣка Вожиа.

Годъ 15 й.

Отъ 1690 года июля 20 по 1691 годъ июля 20.

Того года царевичъ Александръ Петровичъ родился, и жилъ съ полгода или съ годъ, и не стало.

Того году была потѣха подь Семеновскимъ. И всѣ тѣ годы отъ 9 или 10 году и по сей годъ, имѣлъ великое несчастье: по вся годы лежалъ огнесвою лихорадкою многое время такъ, же уже и въ людяхъ оставалъ въ такомъ словѣ: come quasi matto (какъ дурака). И непремѣнь былъ отъ всѣхъ, а наипаче всего a unto gran satisfazione di bere, отъ чего получилъ великие болѣзни, кровь свою испортилъ и былъ гораздо толстѣ. Тогожь году пришла ко мнѣ болѣзнь въ осень самую — месеца ноябрю или октябрю — чечуйная, которую лѣчилъ Евдокимъ полякъ, сажалъ на кадву варовъ, которая болѣзнь мнѣ была вельми трудна. — И того года передъ масляницею зговорилъ я женитца на дочери Феодора Абрамовича Лопухина. Уже мнѣ была супругою кня-

¹⁾ Дворы, такъ называемые Сицкіе, вѣроятно достались фамиліи Куракиныхъ послѣ выжарнаго дому князей Сицкихъ.

²⁾ 18 февраля 1686 года, во вторникъ въ недѣлю, предшествующую масляницѣ.

гния Ксенія Ѳеодоровна. И передъ маслинницею былъ зговоръ публичный, на которомъ зговорѣ всѣ бояре были, и другія персоны, и дарилъ. И въздѣ былъ осмью савми: первые—братъ князь Михайло Иванovichъ, да изъ Одоевскихъ князь Юрья; другіе—князь Петръ Голицынъ, да князь Дмитрей Голицынъ; третья—князь Петръ Долго-рукой, да Матвѣй Пушкинъ; пятые—князь Борисъ Голицынъ, да Петръ Салтыковъ; шестые—князь Петръ Прозоровской, да Василей Салтыковъ; седьмые—князь Михайло Яковлевичъ Черкасской, да Одоевской князь Михайло; осьмые—князь Яковъ Никитичъ Одоевской со мною; на которой церемоніи многіе дары были отъ всѣхъ.

И тогожь году сестра моя Марья Ивановна зговорела за Ивана Степановича Салтыкова.

И тогожь году я женился лѣтомъ послѣ Петрова дни, и поминется миѣ—6 іюль, а вѣнчался въ Преображенскомъ.

И того лѣта послѣ Петрова дни его величество пошелъ въ Переславль со всѣмъ дворомъ. И сентября съ Переславля возвратился, и была потѣха подь Семевосицкѣ. И я былъ въ ту пору въ рейтарахъ в ротѣ генерала Гордона.

Того году (Юакима) патриарха не стало, а на его мѣсто поставили Адриана патриарха.

Годъ 16-й.

Отъ 1691 года іюль 20 по 1692 годъ іюль 20.

Того году сестра Марья Ивановна выдана замужъ въ осень за Ивана Степанова сына Салтыкова; а за нею въ приданое дано деревень: Васисино въ кашинскомъ уѣздѣ, Уварова на Коломне, да вологодская—Вогородское, въ Суздаль Носково, въ Володимерѣ Подмосковная, Афонасково, Жирятново въ Кромахъ, всего будетъ 500 дворовъ, да приданого на 10 тысячъ. И рядная подписана.

Тогожь году въ осень до самого Рождества Христова баба княгиня Ульяна Ивановна насъ изволила подѣлить всѣхъ трехъ братьей, и треть Курская съ вотчинами другими досталася брату князь Михайло Ивановичу, а треть Примынова съ вотчинами другими досталася брату князь Ивану Ивановичу, а треть Порзная съ вотчинами другими досталася миѣ, которая была всѣхъ хуже и бѣднѣе. И такъ было

бѣдно, ажъ хлѣбъ два года и ветчину покупаль, и иное многое; также и во всемъ домовныхъ вещей все мнѣ худое съ жеребья доставалось. А дворы московскіе, что большой на Месницкой съ каменными палаты и что на Срѣтенскъ называется Сицкой, все тѣ оба по третямъ имѣлъ; обоихъ дворовъ свои трети я продалъ брату князь Михайлу Ивановичу за 3110 рублей, и половину двора спознаго загородного, для того что загородной дворъ тотъ намъ обѣимъ достался зъ братомъ князь Михайломъ Ивановичемъ, а брату князь Ивану загородной дворъ достался, что называется Сицкой.

И того году послѣ Рождества Христова бабки княгини Ульяны Ивановны не стало, генваря 4 дня въ ночи, и погребена въ Чудовъ монастырѣ. И потомъ жили вмѣстѣ только до великого поста. И и переѣхаль въ Китай жить на дворъ свой, который мнѣ пожаловала бабка княгиня Ульяна Ивановна; а переѣхаль на 1-й недѣлѣ и жить на Вологодкомъ подворѣ, для того что полаты были не здѣланы. И въ то время жена моя была болна, княгиня Ксенья Федоровна, и лечилъ въ тотъ великой постъ думшій дьякъ Митрофанъ Тугариновъ, и сажаль въ шары, и никакой получила себѣ свободу. И на свѣтлое воскресенье на новоселье въ полаты свое жить, и съ того времени начель своимъ домою жить, а братъ князь Михайло Ивановичъ и братъ князь Иванъ остались жить въ домехъ своихъ, на старомъ дворѣ, и въ управленіи братня дому князь Ивана почаль управлять князь Петръ Ивановичъ Прозоровской.

Годъ 17-й.

Отъ 1692 года іюля 20 по 1693 годъ іюля 20.

Того году потѣха была подѣ Семеновскимъ послѣдняя.

И тогожь году царицы Наталіи Кириловны не стало въ генварѣ мѣсяцѣ.

И на весну того года его величество былъ у города Архангелскаго вдругореть; а прежде того при матери одинъ разъ былъ. А я въ ту пору былъ въ градусѣ со спальниками, а не съ начальными людьми.

Годъ 18 й.

Отъ 1693 годъ іюля 20 по 1694 годъ іюля 20.

Того году 202 подѣ Кожуховымъ была, пришедъ отъ города. потѣха, гдѣ были взяты и спальники въ ту потѣху комнаты царя Ивана Алексѣевича первой разъ.

И той зимы объявлена публично война съ туркомъ; и здѣлались итуть водою на весну. И апрѣля послѣ святой недѣли пошли водою, Москвою рѣкою, и Окою, и Волгою, ажъ до самого Царицына. И въ тотъ походъ я повелъ въ Семеновскомъ полку въ первой ротѣ прапорщикомъ, а написанъ прежде того только за два мѣсяца.

И того году, бывъ подъ Азовымъ, въ командѣ трехъ генераловъ Лефорта, Гордова, Артамона Головина, да князь Борисъ Алексѣевичъ съ низовою конницею, да съ атаманы Фролъ Минаевъ съ козаками, и всего было до 30 тысячъ, и стояли по октябрь первое число, и съ того числа отставили, и не взяли.

Въ которомъ походѣ великое было несчастье на всѣхъ людей отъ турковъ вылазками на шанцы, и всѣхъ побивали, а также болѣзнями, а по отходѣ, какъ степью шли, отъ великой стужи многіе помирали. А мнѣ особливо было несчастье: мѣсяца іюля, или иного, не упомню, турки вышли на вылазку въ самые полдни на генеральство Гордогова стрѣльцевъ, гдѣ работа, было всѣхъ ихъ 4,000, и всѣ шанцы генерала Гордона вырубил и ажъ до самого обозу, и артиллерію тягостную заклепали, а 9 пушекъ полковыхъ повезли въ городъ. И на выручку того посланы были полки отъ генерала Головина стрѣльцкіе, въ томъ же числѣ и нашего Семеновского половина полку; въ которыхъ ротахъ и я знаменемъ бѣлымъ былъ отъ 1-й роты своего regimentу, на которой вылазкѣ въ бою, ажъ до самого вечера, то у мене въ рукахъ знамя пробил зъ города два раза изъ пушки, и мнѣ кафтанъ подъ лѣвую пазуху прострѣлили и рубашку, только что мало тѣла не захватило. И на той вылазкѣ Семеновекой полкъ первое слово зажали, что добрые салдаты.

А въ томъ-же походѣ тогожь полку братъ князь Михайло Ивановичъ былъ въ 5 ротѣ поручикомъ. И какъ поѣхалъ къ Москвѣ, и на дорогѣ на Сѣверскомъ Донцу брата князь Михайла Ивановича не стало, октября 23 въ ночи съ вечера. И съ тѣломъ его оставленъ былъ Антонъ Болотовъ до зимнего пути; и въ ноябрѣ привезли къ Москвѣ; и погребенъ у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ. А послѣ его осталась супруга княгиня Мавра Дмитриевна, да сынъ князь Василій, да двѣ дочери—княжна Марья, да княжна Прасковья.

И какъ прѣхали, перенедь степь, на Валуйки, и отѣхаль отъ Валоекъ верстъ съ 15, припала мнѣ горячка вельми зла; и до Старого Оскола довели больново, и тутъ лежалъ. И по трехъ днихъ метали кровь нсъ правой руки, начимъ же получили способу и отчаенъ быть къ смерти. Токмо въ 7-й день въ самомъ безпамятствѣ людяхъ своимъ велѣлъ принестъ воды самой холодной со льдомъ ушатъ, а самъ легъ на постелю и велѣлъ себя поливать въ такомъ самомъ жару, ажъ покамѣсть пришло въ безпамятство и заснулъ; и заснувъ пробудился отъ великого холоду, и озябъ; и потомъ велѣлъ себя положить къ печи и окутать, и пришелъ въ великой потъ, и спалъ чуть не цѣлые сутки. И по томъ сну пробудясь, пришелъ въ великую тощету и слабость; а жару и ознобу или какъ лихорадки и огневой больше не слышалъ въ себѣ, только въ великой слабости былъ, такъ что не могъ ходить дни съ четыре; и потомъ имѣлъ великій опетить до яденья. И по осени къ Николину дни прѣхаль въ домъ свой.

И въ прошедшемъ 203 году то все было, возвращеніе изъ подъ Азова съ 1 числа.

Того году почали брать подводы со всего государства для повозокъ съ Москвы полковъ и артиллеріи и другихъ рѣчей.

Годъ 19-й.

Отъ 1694 года іюля 20 по 1695 года іюля 20.

Того года въ зимѣ генваря царя Іоанна Алексѣевича не стало.

Той же зимы родилась дочь княжна Татьяна Борисовна, генваря первого часа, а тезоименитство генваря 12.

И ту зиму жили до самого марта, а въ мартѣ пошли на Воронежъ съ полками подъ командою всѣхъ генерала Алексѣя Шенна. И съ Воронежа послѣ святой недѣли пошли водою подъ Азовъ рѣкою Доломъ стругами. И въ тотъ походъ другой Азовской былъ въ поручикахъ у 1-й роты въ комядѣ полковника Чамберса. И потомъ стояли и взяли Азовъ іюля мѣсяца на окортъ, а турокъ всѣхъ выпустили. И потомъ взявъ нави полки, отпустили вверхъ Дономъ до Донецкого; и шли лодками и стругами 6 недѣль.

И того лѣта домъ мой всеъ погорѣлъ въ мѣсяцѣ маѣ или іюнѣ.

И племянника моего князь Василья не стало апрѣля мѣсяца.

Годъ 20-й.

Отъ 1695 года іюля 20 по 1696 годъ іюли 20.

Того года взявъ Азовъ, принесть изъ подъ Азова, октября первыхъ чиселъ, шли строемъ въ триумфальныя ворота на Каменной мостъ. И въ томъ строю въ Семеновскомъ полку везли измѣнника Яшку на телегѣ роскована, и кругомъ его стояли палачи, который измѣнилъ подъ Азовомъ въ первой походѣ и учинилъ вылазку большую, о которой выше описалъ, противъ Гордона. А былъ народу галадекого, а служилъ въ бомбардирахъ. А передъ тою телегою шли за поручиковъ мы, князь Михайло Голыцынъ да я; а позади насъ приставомъ у того измѣнника Василій Соковининъ, у котораго отъ всѣхъ тѣхъ замковъ ключи были. А господня Шейнъ ѣхалъ, убравшись со всѣмъ дворомъ верхомъ, и знамена волокли предъ нимъ всѣ швецкіе (турецкія?).

И той осени въ приходѣ изъ подъ Азова получилъ я себѣ великую болѣзнь, мѣсяца ноября имѣлъ гипохондрію и меланхолю. Такъ былъ въ домѣ своемъ, что николи радощень оставалъ и всегда плакалъ, а причины той ни мало не зналъ, для чего такъ. Также и въ затылкѣ самомъ возгъ мнѣ тѣснело, и великую мнѣ во всемъ слабость и тощету придавало; такъ было, что чуть живъ ходилъ и до ѣды онетиту ни мало не имѣлъ. И того ноября дохтуръ Канбонарій началъ лѣчить и ни мало ползы учинилъ, которой металъ руду изъ лѣвой руки отъ мизинца самаго изъ жилы. И послѣ Рождества Христова дайначе припала мнѣ болѣзнь и тѣснила голову и такъ мозгъ слышно было, какъ бы всего сжато было. И отъ Лаврентія я свободы не получилъ.

И генваря мѣсяца обѣ комнаты спальняки выбраны на двѣ партіи; одна въ Голландію, а другая въ Италію, сказано ѣхать для наукъ навигаціонныхъ; въ тѣхъ же и мнѣ. И ту зиму збиралнсь. И такъ я оставалъ въ болѣзни своей той ажъ по самый февраль. И февраля начелъ лечить Спиридонъ грекъ, отъ котораго въ квасу привилъ кислыя капли трижды, и отъ той меланхолии получилъ свободу, такъ что къ тому уже не помянулося. А отъ чахотной болѣзни ниже что получилъ, и съ тѣмъ поѣхалъ въ Италію, о которомъ пользованіи тамъ покажу ниже.

Того года въ ребеліи Соковинна, Цяклера, Пушкина казнили, которые умышляли бунтъ.

И марта мѣсяца въ первыхъ числахъ поѣхали въ Италію, а путь свой имѣли на Смоленскъ и Литвою, на Могилевъ, на Минскъ, на Варшаву, на Ченстоховъ, на Слезію и на Муравію, на Ульмницъ, на Вѣну, столицу царскую и чрезъ горы въ Венецію. А подъемъ того мѣся сталъ 1500 червонныхъ, а червонной купилъ по 40 алт. и съ алтынномъ и съ полугрявною; и такъ кладу на деньги 1900 рублей. А проѣзду нашего до Венеціи было мартъ, апрѣль, май и въ іюнь пріѣхали.

Годъ 21-й.

Отъ 1696 года іюля 20 по 1697 годъ іюля 20.

И того мѣсяца та мѣя припала лихорадка, которую тримала больше шести недѣль, и потомъ свободился отъ дохтора Александра грека, который живетъ въ Венеціи.

И въ ту бытность мою въ Венеціи по отъѣздѣ моемъ родился сынъ князь Александръ мѣсяца іюля 31 день, а тезоименитство его августа 30 день.

И сентября въ послѣднихъ числахъ поѣхали на кораблѣ по морю, и были въ Далмаци и доѣхали до Рагужи. Изъ Рагужи въ флегѣ поѣхали чрезъ голфу Венецкую въ Баръ градъ, гдѣ мощи чудотворца Николая, и имѣли въ томъ проѣздѣ великой страхъ, и такъ были въ страхѣ, ажъ не потонули. И за противностію вѣтровъ, отъѣхавъ отъ Рагужи съ 30 верстъ, стояли 12 дней и такъ пришли до такой трудности, что чуть было что стало ѣсть. И бывъ въ Барѣ у чудотворцовыхъ мощей, потомъ были въ Неаполю и въ Римѣ и возвратились въ Венецію, жили до другаго лѣта. И на лѣто опять были на морѣ. И возвратясь во осень мѣсяца октябри изъ Венеціи, поѣхали къ Москвѣ чрезъ Вѣну и на Краковъ, а съ Кракова на Киевъ, и въ Киевѣ сподобились видѣть мощи чудотворцевъ печерскихъ.

И въ бытность свою тамъ учился наукъ математическихъ, и выучился ареометрики, геометры, теорикѣ 5 книгъ Евклидеса, геометры практики, тригонометры плявы, астрономіи часть да навигаки, навигаки механики, фортификаціи оффенсивы и дефенсивы. И въ свидѣтельство вѣхъ тѣхъ моихъ наукъ отъ мастера и за Венецкого князя рукою сви-

дѣтельствующей листъ (получилъ). И также нѣкоторую часть въ разговорѣ и читать и писать итальянскаго языка научася доволенъ.

И то все прешедшее было, и возвратились сихъ годовъ¹⁾.

Того году табакъ велено публично продавать и отдать на откупъ Мартину Орлову, оставшему стрѣльцу, который уже былъ въ посаджихъ, и потомъ нѣкоторое время былъ и сосланъ въ ссылку въ Азовъ. А тотъ табакъ былъ отданъ англиской компаніи на годъ за 80,000 рублей.

Того году на Воронежѣ зачели строить корабли и флотъ морской завелся, которая команда была вручена околицичему Александру Протасеву, а послѣ Ѳеодору Алексѣевичу, которые назывались адмиралтейцы; и сначала вдругъ завели съ 40 кораблей, и сдѣлали нѣсколько галеръ, также и нѣсколько судовъ малыхъ, которые потребны для провіанту.

Тогожъ году начались отъ людей боярскихъ и отъ другихъ многіе доводы, и многіе стали сказывать за собою государево слово, которые дѣла были вѣдомы подъ судомъ его милости князь Ѳеодора Юрьевича Ромодановскаго.

Годъ 22-й.

Отъ 1697 года іюля 20 по 1698 годъ іюля 20.

И потомъ 206 г. февраля мѣсяца возвратились, рожденія моего 22 г.

И по приѣздѣ моемъ къ Москвѣ на 3-й день жены моей квягини Ксеніи Ѳеодоровны не стало. А болѣзнь ея скорбудица и примала салаваціонъ и не поднесла натура, и такъ мокротою пришла въ горло и задушила. И погребена въ Чудовѣ монастырѣ. И потомъ жилъ на Москвѣ только четыре недѣли и поѣхалъ на Воронежъ для свидѣтельства своихъ наукъ.

И того году его величество поворотился изъ Вѣны за бунтовщиками стрѣльцами, которые хотѣли, пришедъ къ Москвѣ, всѣхъ вырубить. И той осени кругомъ Москвы перевѣшали болѣе 2000 человекъ.

¹⁾ Вѣроятно ко времени пребыванія князя Бориса въ Италиі относится письмо доктора медицины падуванской академіи Калафатія грека о комплексіи князя Бориса и о потребной для него діетѣ. Письмо это приложено особо въ русскомъ переводѣ и начинается такъ: *Преместнѣйшему мужу, бывшу 22-хъ лѣтъ и содержащу сложеніе до всего жаркое и мокрое, обаче съ преизобиліемъ жару и проч.*

И прїѣхавъ на Воронежъ свидѣтельствовался въ наукахъ навтыч-ныхъ, и при томъ свидѣтельствѣ нѣкоторое счастье себѣ видѣлъ отъ его величества и отъ всѣхъ, и не такъ сталъ быть приемень, какъ прежде того, о чемъ выше явилъ. И отъ нѣкоторыхъ стало происходить слово о мнѣ доброе и не причитаючи свиаконемъ или невоздержнымъ, но ко всѣмъ благимъ. И съ Воронежа всѣхъ по свидѣтельству отпустили, а мнѣ и Василью Толочанову велѣно ѣхать подъ Азовъ, въ керченской походъ.

Того-жь году сдѣлана ближняя канцелярїя подъ судомъ думного дворянина Никиты Зотова. То умно и похвально; отъ всякихъ дѣлъ, что со всѣхъ приказовъ по вся недѣли вѣдомость, что, гдѣ, чево въ приходѣ денегъ и прочего, также и въ расходѣ, и кому что должно на что расходъ держать; и всего государства весь расходъ съ оклады и приходы, и всѣ расходы съ оклады и безъ окладовъ.

Того году началась въ нашеѣ государствѣ кавалерїя св. Андрея; и первая дана Федору Головину, другому гетману Мазепѣ.

Тогожь году состоялся указъ носить платье венгерское, и потомъ спустя съ полгода состоялся указъ носить всѣмъ платье мужское и женское немецкое. И для того были выбраны по воротамъ цѣловальники, чтобъ смотрѣть того, и съ противниковъ указу брали пошлину деньгами, также рѣзали и драли. Однакожь чрезъ три года насилу устались.

Годъ 23 й.

Отъ 1698 году іюля 20 по 1699 годъ іюля 20.

Изъ подъ Азова ходили со всѣми судами на Таганрогъ, и съ Таганарога ходили моремъ въ Керчь, для провожанїя нашего посла Украинцова, которой былъ въ Царѣградѣ. А то мѣсто Керчь въ самомъ въ Крыму. И потомъ возвратясь подъ осень, пришли къ Москвѣ октября мѣсяца. А въ томъ морскомъ походѣ былъ я за валентера на галерѣ Шнутбейнагта (Штаубеназа?).

И того лѣта безъ меня домъ мой погорѣлъ; а дѣти были больны оспою и корью чуть не къ самой смерти. И въ октябрѣ возвратясь, и того года зимою предъ маслинницею брата князь Ивана князь Петръ

Прозоровской безъ меня сговорилъ его на дочеря у Тихона Никитича Стрѣшнева. И того лѣта послѣ святой недѣли женился.

Тогожь году ¹⁾ былъ пожаръ на Москвѣ великой, какъ шли послы шведскіе, такъ что весь Китай выгорѣлъ и другіе мѣста въ Вѣломъ городѣ по Неглинну, и въ Кремлѣ весь домъ государевъ погорѣлъ; и на другой день и колокольная большая, и большой колоколъ подгорѣлъ и упалъ, и раскололся, также и Успенской разбился, и другіе колокола попадали, такъ что николи такового пожара слышать. И всю святость изъ собору принципальныя вынесли вонъ. И такъ было, что земля горѣла. А изъ собору несли все то пѣшкомъ архіерей, и архимандриты, и священники, а посохъ Петра митрополита несли Тихонъ Стрѣшневъ въ Никитской монастырь. И казенный дворецъ весь погорѣлъ, и письма все сгорѣли старинныя; только тѣ остались, которые были въ ящикахъ у подъячихъ. А другіе приказы все цѣлы.

Того году флотъ морской выступилъ на море Азовское, и ходили подъ Керчь, откуда однемъ кораблемъ посоль Украинцовъ въ Царьгородъ. И тотъ корабль на другое лѣто возвратился въ Азовъ, а посоль сухимъ путемъ пришелъ. А на томъ кораблѣ былъ капитаномъ Петръ Вамбурхъ, голандецъ.

Того году начались прибыли. Первая выдана человѣкомъ боярскимъ Бориса Шереметева Алексѣемъ Курбатовымъ, которой нынѣ въ дьякахъ и регентомъ въ бурмизской полатѣ или въ ратушѣ, а прежде того сидѣлъ въ Оружейной полатѣ, которой вымыслилъ на Ивановской площади продавать бумагу за разными величествомъ гербами, и всякія приказныя письма между челобитчиковъ и крѣпости писать, какъ о томъ показано въ указѣ. И съ того збору збиралось по всемъ государствѣ съ той бумаги тысячъ по 300. И съ того числа почели умножатца прибыли.

И того году въ Москвѣ ночью ворота стали закиратца въ часъ ночи, а откиратца за часъ до зѣту, также и въ набатъ бить всегда непременно за часъ до свѣту, а съ вечера въ часъ ночи, а не такъ, какъ прежде обычай былъ въ малыя ночи въ часъ ночи, а въ большія въ два часа ночи. А будетъ кто въ ночи похочеть пройти, съ человѣка, съ лошади — по попѣйкѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ 19 юня.

ЗАПОРОЖСКАЯ РЕЛЯЦІЯ О ПОВѢДѢ НАДѢ ТУРЕЦКИМЪ ФЛОТОМЪ ВЪ ДНѢПРОВСКИХЪ ГИРЛАХЪ¹⁾.

Въ Кошъ.

Репортъ отъ войскового старшины Стегайла, которой на нину Днепра съ командою.

Сего теченія 7 д., по посланному къ величости вашей отъ мене съ Камянки репорту, начали по учрежденнымъ, какъ въ ономъ репортѣ значится, станамъ распредѣляться, и оставивъ съ командою господина полковника уманского Малягу въ Камянке, я-жь зъ Давыдомъ Логвиновымъ и Тymoшемъ Сукуремъ полковникомъ при нашихъ командахъ вмѣстѣ внизъ Днепра отпустились, гдѣ было надлежало намъ расположиться, и не доездя Коннырской плавль, противу широкой плавль, заночевали. Рано-жь, по утру, 8 числа, попался намъ встрѣчь непріатель на двадцати корабляхъ, пришедшихъ зъ Цариграда до Очакова,

1) Появляемая реляція относится къ началу первой войны нашей съ Турціею въ царствованіе Екатерины II и, кромя неизвѣстнаго отдѣльнаго факта, представляетъ любопытный образчикъ запорожскаго военнаго слога. Запорожье всего менѣе страдало канцеляризмомъ; тамъ не любили бумаго-маранья, а только дѣло. Въ періодъ самостоятельныхъ своихъ дѣйствій запорожцы не оглядывались писменно предъ своимъ начальствомъ и лишь въ крайнихъ случаяхъ давали вѣсть чрезъ нарочитыхъ гонцевъ, но теперь они дѣйствовали въ составѣ и по общему плану русской арміи и должны были подчиняться ея порядкамъ. Настоящее донесеніе просто, кратко и вмѣстѣ обстоятельно, а самый фактъ донесенія ясно говоритъ, что духъ военной отваги не оставлялъ запорожцевъ и въ послѣдніе годы ихъ существованія. — Реляція заимствуется изъ собранія бумагъ А. М. Лазаревскаго. Копія списана къмѣ-либо изъ слѣдвшихъ тогда за ходомъ войны и носитъ на себѣ всѣ признаки документа того времени.

а оттуда слѣдовавшихъ прямо къ Сѣчи, якобы для взятія языка, гдѣ имъ не вступно учиня въ слѣдованію препятствіе; крепкою пушечною баталією и зъ дробного ружья съ нами сразилися; и въ оной баталіи, очень дивною всемогущаго Творца провиденцією, укрѣпившаго насъ Божественнымъ своимъ милосердіемъ въ отважной воинской храбрости и счастіемъ нашей всавгустѣйшей монархинѣ и вашей велможности, турецкихъ три корабль и очаковской тамбаръ въ негодность разбили: турковъ же имѣвшихся въ оныхъ до двухъ-сотъ смерти предали, а протчихъ водою вытопылы и четыре знамя и перначъ турецкіе, съ протчюю корыстю, взяли; въ оныхъ же судахъ турецкихъ пушекъ медныхъ до нѣскольکو въ водѣ и со всемъ запасомъ при баталіи затопили, и хотя было надлежало оныя пушки по возможности при всемъ забрать, однако за частою и великою непріятельскою пушечною, въ состоящихъ по близу насъ и протчихъ турецкихъ кораблей, цалбою, намъ же оскудѣвшимъ въ запасѣ порохомъ и пуляхъ, такъ что уже пришло было нечимъ и себя защищать во водѣ, затопленіе оставили, самляжъ, взявъ десять турчиновъ въ полонъ, яко болше грозило намъ пмѣющоеся близъ Очакова непріятельское вскорѣ нападеніе землею и водою, по показанію взятого нами турецкого языка (которое имѣеть следовать) для разоренія Сѣчи, за неизменіемъ для обороны и пораженія врага разного запаса, отъ широкой баталіи ближе къ своимъ мѣстамъ одержать побѣду надъ врагомъ возвратился, и находимся со всемъ войскомъ въ Косеницкой плавлѣ, откудава велможности вашей турецкого языка десять человекъ, съ турецкими привилегіями, отсылаю; насъ же порохомъ и пуліовымъ запасомъ, такожъ и гарматы чуше зъ станками, безъ которыхыхъ крайне обойтися не можемъ, кому жъ еще и прибавленіемъ войска снабдѣть прошу. При сраженіи жъ непріятельскомъ козаковъ нашихъ убыто не болше, какъ 11 человекъ, раненыхъ же сколько пмѣется, при семъ представляется.

1769 году іюня 12 д. съ плѣненныхъ командою запорожского войска на низу реки Днѣпра на судахъ турковъ, сдѣвъ турчинъ Утайцелго-Усейлъ показалъ: оны Усейлъ прибылъ съ протчимъ турецкимъ войскомъ подъ командою сераскера-султана на стѣ малыхъ и великихъ судахъ да два галіота, на конхъ по 60 пушекъ. въ Очаковъ, и се

будеть назадъ третей мѣсяць, какъ на судахъ, четырѣ затопили-жъ такіе, коихъ всѣхъ было двадцать, войскажъ турецкіе командированныи сераскерь-султаномъ Исмайлѣмъ отъ Очакова въ Днѣпровіе гирла подъ командою капитана Квизиха для поимки отъ стороны войска запорожскаго языка, съ темъ, чтобы если они могли того языка подхватить, то прямо-жъ съ приготовленнымъ при Очаковѣ на такихъ же сту суднахъ войскою итти Днѣпромъ прамѡ къ Сѣчи и учинить нападеніе на запорожскую Сѣчь; и уже для того приходшіе до Днѣпра татаре тысячь до двухъ конніе на сю сторону хотѣли перевезтись, но перевезлися ли, или нѣтъ, не знаетъ, а между тѣмъ до самихъ Днепровыхъ гирлъ чрезъ лиманъ ояъ Сераскерь самъ ихъ перепроваживалъ и находался при нихъ до тѣхъ поръ, покуда сошлися съ запорожскою командою, а какъ у прошедшій понедѣльничъ запорожская команда на идущіе впереди Днѣпромъ суда напала и произвела на ихъ съ ружья и пушечную налбу и затопила ихъ четыре суда, то ояъ Сераскерь, увидя свой невозможъ, тотъ-часъ приказалъ всемъ судамъ, которыхъ еще запорожская команда не захватила, возвратится въ Очаковъ, а самъ скоропостижно, страшася упереды произшедшей надъ ними победы, побегалъ въ Очаковъ одною санджалкою, и такъ оиѣ при четырехъ судахъ на мѣстѣ томъ запорожскою командою разбиты и у половъ взяты, а прочіе вытоплени и вырѣзани, гдѣ и капитана, что называется Квизихъ, зарезанно; на коихъ судахъ было по 50 и по 60 человекъ войска и по две пушки съ запасомъ. У въ Очаковѣ, кромѣ сихъ ста судовъ, да двухъ галіетовъ, которые пристать до Очакова по большій своей не могутъ и стоять на морѣ. войска еще нѣхоти до десяти тысячей, да на караулѣ у банѣ толко 300 человекъ арнаутъ-конвицѣ. Войско анадолское ниже Очакова на Жабинскую пристань перевозится многочисленное, которое маршировать будетъ къ Хотиню въ состоящемъ противъ Очакова городѣ; отъ крымской стороны на морѣ нѣхоти турецкой 6 полковъ.

Предложеніе гетмана Мазепы кіевскому войту и магистрату 1703 года.

(О не утѣшеніи причта и приложанъ успенской церкви г. Кіева).

Настоящее предложеніе малороссійскаго гетмана Ивана Степановича Мазепы кіевскому магистрату принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ уцѣлѣвшихъ документовъ прежняго времени, которые показываютъ отношенія главнаго правителя Малороссіи къ такому общественному учрежденію, которое грамотами польскихъ королей и великихъ князей литовскихъ, подтвержденными потомъ грамотами царскими, въ силу такъ называемаго магдебургскаго права, поставлено было внѣ всякаго контроля какой-бы то ни было власти и въ эпоху польскаго господства изъято было изъ вѣдѣнія воеводъ и старостъ и даже королевскихъ комиссаровъ. Но главный интересъ предложенія не въ этомъ: оно рисуетъ намъ немногими, но весьма крупными чертами положеніе одной церкви и прихода въ Кіевѣ въ началѣ XVIII ст. и отношеніе къ нимъ городского самоуправленія, точнѣе злоупотребленія и самоуправство кіевскаго того времени войта, имени котораго къ сожалѣнію назвать не можемъ. Картина крайне неприглядная, особливо для того набожнаго времени!

Церковь Успенія пр. Богородицы на Подолѣ, въ рынкѣ, это та самая, которую сто лѣтъ предъ тѣмъ кіевскіе мѣщане, угнетаемые также войтомъ, тлнувшимъ въ сторону Польши, съ такимъ тщаніемъ и поснѣшностію возстановили изъ развалинъ, отдѣлали съ подобающимъ благолѣпіемъ и превратили въ соборъ градской въ замѣнъ отнятаго тогда униатами собора св. Софіи¹⁾. Теперь не преслѣдуютъ православія католики и униаты, но соборная церковь безъ оконъ, двери ея повреждены, птицы влетаютъ въ отверстія и нарушаютъ благоговѣйный покой молящихся, мѣшаютъ священнодѣйствию. Погостъ церковный, гдѣ кладбище, стиснуть со всѣхъ сторонъ лавками, и негдѣ уже хоронить мертвыхъ; но три и четыре гроба одинъ надъ другимъ ставятъ въ одной ямѣ, а иныхъ умершихъ тѣла ны выгребаютъ и кости ихъ разносятъ.

¹⁾ См. «Кіевская Старина», 1882 г., январь, стр. 413--417.

Старосты церковные не блюдуť интересовъ церкви, не заботятся о ней, не даюť ничего на ея починки, украшенія, но удерживаютъ ея доходы, распоряжаются ими самопроизвольно, безъ вѣдома и согласія причта, церковныя деньги хранить не въ церкви, а у себя на дому и употребляютъ ихъ на собственныя нужды и торговые обороты. А поступаютъ такъ старосты потому, что они не выборные отъ прихода, а поставлены отъ магистрата и злоупотребляютъ, находя въ немъ защиту и поддержку. Церковь, какъ мы знаемъ, соборъ городской и кромѣ прихода пользуется по давнимъ постановленіямъ содержаніемъ изъ городской кассы: при ней настоятель, два викарія и діаколь, и имъ слѣдуетъ отъ города по сту таларей въ годъ и сукно на одежду, а прислуживаюť церковнымъ особое вознагражденіе для поддержанія между прочимъ хорошаго пѣнія; но войтъ и магистратъ ничего священникамъ и діакону не даюť, а старосты обсчитываютъ причетниковъ и пѣвцовъ, и церковь остается «въ сѣнаніи срудна». Много набожныхъ прихожанъ, види такое запустѣніе церкви, желали для поддержанія въ ней порядка и благолѣнія учредить при ней по повсюднему въ то время обычаю *братство* и испросили на это благословеніе митрополита, но войтъ и магистратъ такому доброму намѣренію ихъ воспрепятствовали и учрежденія братства не допустили, прозя начинателемъ этого дѣла заключеніемъ въ тюрьму и утратою имущества. Настоятель собора протоіерей Григорій Софоновичъ тщетно домогался слѣдующаго церкви и причту; у него самого отняты грунтъ на предмѣстьи Преваркѣ, который онъ получилъ за свою службу при магистратѣ, и мѣсто для лавки въ рынокъ; въ замѣнъ ихъ онъ домогался отвода ему близъ церкви мѣста для постройки дома, за арендную плату, но и въ этомъ ему отказано. Видно, что войтъ и магистратъ не уважили требованій самаго митрополита, если этотъ послѣдній не только согласился на припесеніе Софоновичемъ жалобы гетману, но при отиравѣ Софоновича въ Батуринъ снабдилъ его ходатайственнымъ къ гетману письмомъ. Гетманъ не приказываетъ «строга», какъ въ другихъ случаяхъ, а только предлагаетъ войту и магистрату удовлетворить Софоновича по всѣмъ пунктамъ его жалобы, и не только не грозитъ имъ какими либо карами за неисполненіе его гетманской воли, но желаетъ имъ «добраго здоровья и щасливаго поведенія». Таковы на этотъ случай отношенія гетмана къ полновластному и независимому кievскому магистрату! Но злоупотребленія этого послѣдняго слишкомъ очевидны и мягкой тоно гетманскаго распорядженія, помимо установленныхъ между ними закономъ и обычаемъ отношеній, можно объяснять частью свойственною Мазепѣ искусною политикою, частью, быть можетъ, недостаточнымъ довѣріемъ къ жалобѣ Софоновича: послѣдній

самъ до принятія священства служилъ въ магистратѣ и, быть можетъ, многія изъ выставленныхъ имъ «доделливостей и обидъ» были послѣдствіемъ личныхъ его столбовеній и счетовъ съ членами магистрата.

Въ приводимомъ документѣ, кромѣ мелкихъ бытовыхъ чертъ, особое вниманіе обращаютъ еще стройность изложенія, правильность и относительная чистота рѣчи и орфографіи.

Мой ласкавый пане войте кіевскій зо всѣмъ майстратомъ тамошнимъ!

Прибывши тутъ до васъ зъ инстанціональнымъ отъ ясне въ Богу преосвященного его милости отца архієпископа митрополита кіевского, пана и пастыра нашего, листомъ за собою писанымъ, пречестный отецъ Григорій Сафоновичъ, протопопа Острицкій, подалъ намъ сулиску въ разныхъ церковныхъ и своихъ доделливостяхъ и обидахъ, а именно въ тымъ: ижъ ктитори не такъ, якъ по иншихъ парохіяхъ, за вѣдомомъ и согласіемъ священническимъ, лечь безъ согласія и вѣдома его отца Сафоновича до церкви свято-успенской ринковой кіевской, въ ратушу по власной вашей милости волѣ и хотенію избираются и наставляются, которыи скринку зъ приходами розными церковными не въ церкви и не за ключемъ священническимъ, лечь приватне въ дому, любь на крамницѣ держать и оними якъ хотять по своей воли, безъ соизволенія настоящего священника диспонуять, жадного не справляючи до церкви божественной украшенія; ижъ цминтаръ церковный такъ далеце коморами стіенули, же згола за великою тѣснотою цминтарною не машь где и мертвыхъ погрѣбати, поневажь въ одну яму по три и по чотыри труны влѣцають, а инные мертвые тѣла пси выгребаютъ, ижъ глубоко копати за трунами отнюдь не возможно, и любо просилъ онъ у вашихъ милостей клякккратне о отведеке мѣстца на страшнопогребательницу, еднакъ прошенію своему не получилъ отъ вашихъ милостей skutecznego совершенства; ижъ юргелтъ дорочный по сто таларей и сукно на одежду, по давныхъ установахъ для повседневного литургисанія, а ни зъ ратуша отъ вашихъ милостей, а ни зъ приходовъ церковныхъ не доходить ему отцу Сафоновичу зъ двома викаріями и третимъ діакономъ со служащими. Ижъ за нераденіемъ и опаснымъ недозоромъ непослушныхъ и несогласныхъ ктиторовъ, зъ ратуша устанавленныхъ, такъ далеце отъ церкви итаство докучаетъ, же зъ великою трудностю

божественная литургія отпраується, а то за неаправою оконъ и дверей церковныхъ дѣется. Ижъ многіи побожныи люде желали себѣ за благословеніемъ ясне въ Богу преосвященного его милости отца архієпископа митрополита кіевского, ку болшому хвалы Божой умноженію, при той святоуспенской церквѣ братство уфундувать, а ваша милость зъ майстратовыми особами тому доброму намѣренію перешкодилесь и исполнить оного не допустилесь, страшачи тыхъ людей визенемъ и утратою худобы. Ижъ ктитори въ юргелтѣ слугъ церковныхъ кривдятъ, для чого завше церковь божественная въ сѣбѣ вскудна. Ижъ за салѣтру на церковь туюжъ святоуспенскую отъ его отца Софоновича, еще въ свѣцкомъ стайѣ зостающого, офѣрованую, не хочеть ваша милость ани грошей, а ни самой салѣтры выдавати, любо онъ за сонзволеніемъ самого вашей милости и всего майстрату, будучи рочнымъ господаремъ, тую салѣтру церкви Божой обѣщаль. Ижъ любо ваша милость за значиме его отца Софоновича свѣцкіе услуги отвели были ему кгруппѣ до пахана и мѣстце для комори въ ринку, еднакъ куды онъ званіемъ Божиимъ зосталь священникомъ, теды ваша милость оного отъ того заслуженного и отъ вашихъ милостей падавого кгруппу на Преварцѣ и мѣстца на комору отдадали, на которые кгруппа ложить онъ своихъ грошей на килкодесять золотыхъ. Въ якихъ то своихъ и церковныхъ кривдахъ просилъ себѣ тотъ же отецъ Софоновичъ гетманского заступленія. За чимъ мы, поважаючи выше поважную ясне въ Богу преосвященного архієпископа нашою инстанцію, а до того видячи явные ему отцу Софоновичу и церквѣ его дѣлающіеся долегливости, рейментарско по вашихъ милостехъ жадаемъ и вилно приказуемъ, абысте ваша милость въ обираю и поставовленю ктиторовъ не чинили ему насилія, якожь абы не въ ратушу, лечь на мѣстцу обикломъ, такъ якъ по нашихъ парохіяхъ, за согласіемъ его отца Софоновича избярано, которіи бы скринку зъ приходами церковными не по домахъ, а ни по коморахъ своихъ, лечь въ церквѣ за единымъ ключемъ своимъ, а другимъ священническимъ держали и грошми церковными безъ вѣдома его отца Софоновича не диспозовали, абысте ваша милость на сравнопотрѣбательницу для спасенія своен-жь души и дди порядку мѣского мѣстце где еспособное отвели. жебы за таковымъ вашмоетивнымъ нераденіемъ мертвыхъ тѣлъ псы не пожирали зъ звачною Божою образю; абысте вашмость належитыхъ юргелтовыхъ доходъ его талярей и сукно на одежду ему отцу Софоновичу и сослужащимъ ему викариямъ и діякону, по давныхъ

установяхъ, на рокъ зъ ратуша, любь зъ доходовъ церковныхъ давали; абысте вашюсть приказали и пригрозили ктиторама, отъ вашихъ милостей установленымъ, двери и огна церковны понаправляти, жебы чрезъ тое входу птаство до церкви не имѣло и переиходы до церковного набоженства не было; абысте вашюсть, Богу и архипастырева своему противными не будучи, не претили въ заложено при той церквѣ святоуспенской братства, поневажъ тое дѣло не до вашюстиной, лечь до архипастырской власти належить; абысте вашюсть любь салѣтру самую, любь гроши за оную отложивши, отдали на церковь святоуспенскую ринковую, кгда не безгрѣшно то будетъ Богови по согласномъ и нашихъ милостей сонзволенію обѣщанное удержовати; абысте вашюсть отвѣденыхъ собою ему отцу Софоновичу за заслуги его свѣккіе въ майстратѣ вашюстиномъ на урядѣ ралецкомъ роенные крунтъ на Преварицѣ и мѣстце на комору, якъ не слушне отдавали, такъ знову въ посессію ему привернули, поневажъ онъ тое себѣ у вашюстей заслужилъ, а до того и кошту на килкодесять золотыхъ выложилъ въ тотъ помянутый крунтъ. При такомъ теды своихъ и церковныхъ обидъ и долегливостей предложеню, просилъ насъ тотъ же отецъ Софоновичъ о рейментарское до вашихъ милостей вложенеся, за которымъ бы могъ у вашихъ милостей таковой получить респектъ, абысте вашюсть по близу церкви отвели ему який колвекъ церковный пляцъ, на якомъ бы могъ домъ себѣ построити и въ ономъ близко церкви живучи, належитую церковную кунцу за тотъ пляцъ давати до рукъ ктиторскихъ, которому его прошенію, иле слушности не противному, благоисполнительной нашей не одмвляючи учинности, пилю по вашюстехъ жадасемъ, абысте вашюсть ему отцу Софоновичу приказали где не подалеку церкви для построения дому удобный пляцъ одвести, а онъ долженъ будетъ, якъ и самъ обѣщается, належитую въ годъ на церковь Божую отдавати кунцу.

Що все рейментарское вашюстемъ предложивши, зычимъ самимъ же вашюстемъ доброго отъ Господа Бога здоровья и щасливого поведения. — Зъ Батурина. Року 1703. Юня 17 дня.

Вашюстемъ всего добра зычливый Иванъ Мазепа, гетманъ и кавалеръ его царского пресвѣтлого величества войска запорожского.

Собщ. М. А. Анреевскій.

Библиографія.

Н. И. Костомаровъ. Эллины Тавриды. Историческая драма въ 5 дѣйствіяхъ. Спб. 1884 г.

Въ обширной серіи трудовъ знаменитаго ученаго эта недавно вышедшая пьеса далеко не первый драматическій опытъ. Еще въ началѣ своей дѣятельности П. И. Костомаровъ написалъ трагедію изъ украинской исторіи—«Переяславска Ничъ». Въ этомъ юношескомъ опытѣ онъ рисовалъ страданія и героическіе подвиги своего народа и торжество всепрощающей христіанской любви. Въ «Саввѣ Чаломъ» онъ изобразилъ прославленнаго народной пѣсней честолюбца, горько наказаннаго за измену родниѣ. Третья малорусская пьеса его «Загадка»—остроумный эскизъ на основѣ народпой бытовой поэзіи, гдѣ типы, намѣченные творческимъ инстинктомъ народа, получили полноту, какая дается приемами культурной поэзіи и единичнымъ творчествомъ. Но ближе всего къ драмѣ, вышедшей теперь, подходятъ его сцены изъ римской исторіи «Крестуцій Кордъ». Справедливо находятъ, что бывають обильныя борьбою страстей историческія эпохи, представленія о коихъ лучше всего укладываются въ формы драмы, онъ въ такихъ именно очеркахъ рисовалъ время Тиверіи и положеніе честнаго гражданина и мыслителя среди общества павшаго и развращеннаго. Въ такой-же формѣ изображаетъ онъ теперь одинъ изъ уголковъ исторической жизни далекаго эллинскаго міра.

О жизни крымскихъ эллиновъ исторія знаетъ немного. Отрывки древнихъ писателей и случайныя археологическія находки—одни говорятъ о былой жизни, кипѣвшей на крымскихъ побережьяхъ. Взаимныя отношенія двухъ важнѣйшихъ изъ греческихъ колоній въ Крыму—Пантикапеи, вполнѣдствіи Воспора, колоніи іонійцевъ, и Херсонеса гераклейскаго, колоніи дорійцевъ, послужили матеріаломъ для драмы. Въ этомъ

историческомъ эпизодѣ, рассказъ о которомъ сохранился въ сочиненіи императора Константина Порфиророднаго «объ управленіи государствомъ», какъ въ фокусѣ отразились слабыя стороны древне-эллинской политической жизни: эгоизмъ общинъ, бывшихъ независимыми политическими единицами, и отсутствіе между ними прочной связи, слѣдовательно и силы. Идея федераціи на національныхъ основахъ была чужда эллискому міру. Борьбу вели между собой не только государства двухъ различныхъ вѣтвей эллинской паціи, какъ Аѳины и Спарта, но и единокровные лакедемоняне и мессенцы, изъ которыхъ первые обратили послѣднихъ въ рабство.

Многочисленные историческіе факты подтверждаютъ эти общія замѣчанія историка. Греческія общины на протяженіи всей своей жизни враждуютъ другъ съ другомъ и подкапываются другъ подъ друга. Даже когда Дарій и Ксерксъ наводняютъ страну своими полчищами, греки соединяются съ трудомъ. Сиракузы отказываютъ въ помощи, потому что не имъ предоставлено главенство въ союзѣ. Фивы становятся на сторону мидянъ. Когда Александръ соединяетъ силою грековъ для покоренія Азии, лакедемоняне не идутъ на призывъ. Ни одной общинѣ не удается сгруппировать вокругъ себя федераціи другихъ. Спарта, Аѳины, Фивы терпятъ по очереди неудачи въ такихъ попыткахъ. Раздѣленную такимъ образомъ Грецію покоряютъ полу-варварскіе народы и независимость отдѣльныхъ общинъ приводитъ къ порабощенію цѣлой страны. Эллискія колоніи были политическими тѣлами вполне самостоятельными. Обычай, вѣрованія, культура,—все это у нихъ общее съ метрополіей, но общи были также и пороки. Эгоистическая борьба общинъ, приведшая къ слабости и порабощенію,—такова сущность исторіи крымскихъ грековъ. На этихъ данныхъ построена и драма «Эллины Тавриды».

Между Воспоромъ и Херсонесомъ—старинная, постоянная вражда. Херсонесскій сенатъ въ награду за доблести протевона Ламаха объявляетъ дочь его Гиккію наслѣдницей отцовскаго сана и послѣ смерти Ламаха назначаетъ протевоню будущаго супруга Гиккіи. Воспориты, узнавъ объ этомъ, рѣшаются воспользоваться случаемъ для порабощенія Херсонеса и дать Гиккіи въ супруги своего царевича. Для рѣшенія давнишняго спора они предлагаютъ сначала поединокъ между выбранными съ той и съ другой стороны. Такой способъ рѣшенія распри кажется невозможнымъ херсонятамъ, и они посылаютъ спросить совѣта дельфійскаго оракула. Получается отвѣтъ: «бракъ лучше дракъ». Херсонесскій сенатъ обсуждаетъ дѣло. Предъявляются возраженія противъ опасности вступать въ союзъ съ стариннымъ врагомъ и предоставить воспориту власть въ Херсонесѣ. Но большинство склоняется къ прекращенію вра-

жды и рѣшаетъ спросить мѣнѣе самой Гиккіи. Она высказываетъ готовность принести свои интересы въ жертву интересамъ страны и предлагаетъ предъявить воспоритамъ условия, ограничивающія и парализующія вліяніе ихъ и ихъ царевича въ Херсонесѣ. Съ этими предложеніями послы ѣдутъ въ Восноръ, гдѣ въ сенатѣ ихъ предложенія принимаютъ сначала недружелюбно. Но претендентъ на руку Гиккіи, воспорскій царевичъ Николай, смотритъ на дѣло иначе. Онъ готовъ принять всѣ условия, какія ему предложатъ, увѣренный, что при помощи хитрости и ума устроить въ Херсонесѣ все по своему желанію, лишь-бы только добраться до власти. Намѣренія его—уничтожить въ Херсонесѣ народоправство и независимость, стать полноправнымъ правителемъ и сдѣлать изъ Херсонеса пригородъ Пантикапеи. Тутъ-же у одного изъ херсонесскихъ пословъ онъ вывѣтываетъ хитростью нужныя ему свѣдѣнія о Херсонесѣ. Прибывши въ Херсонесъ онъ слѣдуетъ той-же тактикѣ: соглашается съ тѣми, которые противятся наследственности званія протевона и проситъ позволенія принять херсонесское гражданство, съ тѣми, чтобы быть выбраннымъ въ протевоны только тогда, когда заслужитъ того своими дѣлами. Выбѣтъ съ нимъ принимаютъ херсонесское гражданство два его пособника: Эрвостоклей и Стираксъ. Чтобы овладѣть Херсономъ, Николай придумываетъ слѣдующій планъ: онъ отправляетъ обратно воспоритовъ, привезшихъ свадебные дары, но велитъ имъ, выѣхавши за городъ, отправить дары съ однимъ, а остальнымъ вернуться тайно въ городъ. Эрвостоклей прячетъ въ подземелье, находящееся подъ домомъ протевона, куда покорившіи нѣкогда Херсонесъ тавро-сизы сажали венокорныхъ гражданъ. Стираксъ предлагаетъ ввести воспорское войско въ Херсонесъ подъ видомъ торговаго обоза, а Эрвостоклей приставляется къ Ламаху въ качествѣ опытнаго врача, чтобы скорѣе съ нимъ покончить. Ламахъ умираетъ въ тотъ день, когда къ Херсонесу приближается второй караванъ съ дарами. Новыхъ пословъ Николай убѣждаетъ также остаться въ подземельи, а пособникъ его Стираксъ, прикинувшись врагомъ Николаю, входитъ въ дружбу съ протестующими херсонитами, во главѣ которыхъ стоитъ Зевонъ, племянникъ Ламаха, и убѣждаетъ ихъ идти къ Николаю и, какъ тайнаго врага, изгнать его изъ Херсонеса. Скрытые воспориты нападутъ на пришедшихъ херсонесскихъ сенаторовъ и перебьютъ ихъ, а покореніе города и борьбу съ народомъ возьметъ на себя войско, пришедшее въ качествѣ торговаго обоза. Этотъ хитрый планъ разстраиваетъ однако случайность. Николай, вѣроломный во всемъ, преслѣдуетъ случайно служанку Гиккіи, Эрпигонію, увѣряя ее въ своей любви. Гиккіи нечаянно становится свидѣтельницей этой сцены и, пылая мстью, засаживаетъ Эрпигонію въ подземную комнату дворца. Эта

комната сообщается съ подземельемъ, въ которомъ сидятъ воспорскіе воины. Эригонія подслушиваетъ тайну заговора и, воспользовавшись минутой, умоляетъ Гибкію выдустить ее на волю, такъ какъ она имѣетъ сообщить ей нѣчто важное. Она открываетъ все Гибкіи, а Гибкія, уже имѣющая доказательства предательства Николая, сообщаетъ все Зевону и сенаторамъ. Когда Стираксъ приходитъ къ Зевону, чтобъ вести херсонесцевъ во дворецъ,—они убиваютъ его. Дворецъ, гдѣ находится Николай и воины, со всѣхъ сторонъ обрываетъ народъ. Зданіе поджигаютъ, Николай защищается, но выданъ своими, сама Гибкія закалываетъ его кинжаломъ. Всѣ бывшіе въ дворцѣ воспорскыя погибаютъ, также какъ и большая часть воиновъ, спрятанныхъ въ обозѣ. Эригонія, за услугу оказанную отечеству, изъ рабыни дѣлается гражданкой. Гибкія отдаетъ свою руку Зевону, котораго народъ избираетъ протевонемъ и, предвидя месть Воспора, убѣждаетъ херсонесцевъ отдаться подъ покровительство уже всемогущаго Рима.

Но психологической обрисовкѣ выдѣляются въ драмѣ три лица: Николай, Стираксъ и Гибкія.

Характеръ Николая задуманъ и выдержанъ превосходно. Это вѣчный умный человѣкъ и интриганъ исторіи, имя которому то Николай, то Августъ, то Наполеонъ III. Это обманщикъ тѣмъ болѣе опасный, что очень умный. Онъ все понимаетъ—значеніе такихъ или иныхъ нравъ, возможныхъ послѣдствій такого или иного ихъ измѣненія, но у него въ душѣ одинъ кумиръ—собственная выгода. Онъ будетъ говорить убѣдительно и разумно, даже съ тѣмъ жаромъ, который можетъ увлечь и очаровать толпу и ложь котораго разгадастъ только очень чуткое ухо. Онъ готовъ на всѣ уступки, такъ какъ умъ его ихъ предвидитъ. Ему нужна только извѣстная позиція, ставши на которую онъ все измѣнитъ по своему. Энергія, проявляемая имъ въ послѣднихъ сценахъ, не нарушаетъ цѣлостности типа. Люди подобнаго сорта лицедрятъ до послѣдней минуты, пока рассчитываютъ хоть на малѣйшую возможность успѣха. Таковъ Стираксъ, который, будучи взятъ враслохъ, все-таки силится провести херсонесцевъ и Гибкію. Но когда гибель неизбежна, когда никакая хитрость, никакая клятва не разубѣдятъ въ очевидности предательства, тогда эти люди дѣйствуютъ сообразно своему темпераменту. Ихъ охватываетъ или отвѣта отчаянія, какъ Николая, или припадки панической трусости. Это черты, психологическую вѣрность которыхъ можно прослѣдить, какъ въ лицахъ, замѣченныхъ исторіей, такъ и въ поэтическихъ фикціяхъ. Стираксъ—присѣшникъ, какіе всегда встрѣчаются при людяхъ типа Николая. Они добровольно берутъ на себя починъ въ преступленіи, досказываютъ и приводятъ въ дѣйствіе то, о

чень думаютъ ихъ патроны и что суфлируютъ имъ, но чего они сами не сдѣлаютъ или по расчету, или по недостатку отваги. «Ты дополняешь меня, ты поправляешь меня», говоритъ ему Николай. Образъ Гиккіи носить отблескъ античной красоты. Она слишкомъ благородна и не допускаетъ сначала возможности измѣны, но она честная женщина и гражданка и, когда измѣна обнаруживается, она жертвуетъ всѣмъ и своею любовью прежде всего. Какъ въ обманутой женщинѣ, эта любовь переходитъ у нея въ месть и ненависть тѣмъ съ большею силой, что она вѣрила и любила искренно.

Глубокое знаніе эллинской поэзіи и проникновеніе духомъ древности даютъ себя чувствовать на каждомъ шагѣ. Этотъ духъ, — лучшее наслѣдіе античнаго міра, — скажемъ между прочимъ, чуждъ нашей образованности, несмотря на господствующую классическую систему. Гдѣ драматическое дѣйствіе подымается до лиризма, проза въ драмѣ сѣвается стихами. Сцена въ храмѣ Діаны, съ ея гимнами съ строфахъ и антистрофахъ, полныхъ, сложныхъ, живописныхъ прилагательныхъ, какъ у древнихъ поэтовъ, свѣжа и поэтична.

Въ стихотвореніяхъ Іереміа Галви (малорусскій псевдонимъ нашего историка) есть набросокъ молодыхъ лѣтъ, озаглавленный «Папикапенъ»; тамъ тѣнь какаго-то восторскаго царя жалуется на то, что тревожатъ его могильный сонъ, разрывая могилу, и умоляетъ пытливаго путника удалиться подальше и не заглядывать во внутренность могильнаго холма. Мы скажемъ совсѣмъ иное. Мы благословимъ эту историческую пыливость и пожелаемъ долгой дѣятельности славному путнику исторіи, вся жизнь котораго полна такого разносторонняго, благотѣльнаго и плодотворнаго труда.

В. Г.—го.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныя земли въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. (полтавской губерніи).

И. Луцкій. Кіевъ. 1884 г.

Судьбы Малороссіи о чень давно стали интересоватъ какъ присяжныхъ ученыхъ, такъ и публику. Двѣ исторіи Малороссіи — Вавтыць-Каменскаго и Маркевича появились раньше, чѣмъ было собрано потребное количество матеріаловъ. Неудивительно, что теперь онѣ имѣютъ почти исключительно библиографическій интересъ, и только приложенные къ нимъ документы не утратили своего значенія и въ настоящее время. Тогда-же извѣстный Бодянский въ редакціонныхъ имъ «Чтеніяхъ

моск. общ. исторіи и древн. рос.» издалъ массу цѣнныхъ матеріаловъ по исторіи Малороссіи. Еще болѣе въ этомъ отношеніи сдѣлали правительственныя учрежденія—археографическая коммиссія въ Петербургѣ и временная коммиссія въ Кіевѣ, которыя предприняли рядъ специальныхъ изданій, заключающихъ въ себѣ множество новыхъ матеріаловъ. Таковы были «Акты западной Россіи», «Памятникъ» и «Архивъ юго-западной Россіи». Больше всѣхъ потрудились надъ изданіемъ памятниковъ Н. И. Костомаровъ въ Петербургѣ и В. В. Антоновичъ въ Кіевѣ. Изданные ими матеріалы, можно сказать, впервые показали намъ въ истинномъ свѣтѣ судьбы южной Руси. Н. И. Костомаровъ обратилъ особенное вниманіе на судьбы малороссійскаго козачества, а В. В. Антоновичъ по плану, принятому кіевской временной коммиссіей, выбиралъ и издавалъ однородные документы, относящіеся къ тому или иному вопросу внутренней жизни малороссійскаго общества (быту духовенства, городовъ, крестьянства и т. д.).

Нужно впрочемъ замѣтить, что акты южной и западной Россіи не восходятъ никогда къ XVIII вѣку, а архивъ юго-западной Россіи хотя и доставляетъ намъ матеріалы XVIII вѣка, но они относятся исключительно къ юго-западной Руси, т. е. правобережной Украйнѣ. Такимъ образомъ судьбы лѣвобережной Украйны въ XVIII вѣкѣ оставались для насъ по прежнему темными. Такой пробѣлъ въ южно-русской исторіографіи нужно поставить въ связь съ судьбами русской исторической науки вообще, которая въ первой половинѣ текущаго столѣтія въ силу независимости отъ нея обстоятельствъ почти вовсе не касалась событій недавняго прошлаго. Но вотъ въ 60-хъ и особенно 70-хъ годахъ спала завѣса и съ XVIII вѣка; немедленно появилась масса новыхъ матеріаловъ и изслѣдованій, относящихся къ царствованію первыхъ преемниковъ Петра,—Екатерины, Павла, Александра. Теперь были изданы и пѣкоторые документы для исторіи Малороссіи за это время Судіенкомъ и Лазаревскимъ; этому послѣднему принадлежитъ цѣлый рядъ очерковъ по исторіи малороссійскихъ дворянскихъ родовъ въ связи съ исторіей происхожденія крупной поземельной собственности въ Малороссіи. Онъ же открылъ знаменитую Румянцевскую опись Малороссіи, изъ которой потомъ были изданы незначительные отрывки; въ несчастіе такой драгоценный памятникъ, какъ Румянцевская опись, имѣлъ очень печальную судьбу: добрая половина его, лежавшая въ полтавской казенной палатѣ и обнимавшая почти всю нынѣшнюю полтавскую губернію, сгорѣла во время бывшаго тамъ пожара. Черниговскій статистическій комитетъ, въ вѣдѣніе котораго поступила сохранившаяся Румянцевская опись, очевидно не располагалъ въ достаточной степени ни матеріалами, ни

научными для ея изданія средствами. Такъ дѣло продолжалось до 1882 г., когда этотъ памятникъ снова привлекъ къ себѣ вниманіе пзслѣдователей. Въ бібліотекѣ кіевскаго университета отыскалась часть Румянцевской описи, обнимающая нѣкоторые уѣзды полтавской и черниговской губерніи. На нее то и обратилъ вниманіе проф. И. В. Лучицкій. Золотоношское земское собраніе поручило ему составить статистическія таблицы по золотоношскому уѣзду на основаніи данныхъ Румянцевской описи, для сравненія ихъ съ современными статистическими цифрами. Таблицы эти, какъ кажется, еще не вышли въ свѣтъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ проф. Лучицкій натолкнулся на документы, которыя свидѣтельствовали о существованіи въ лѣвобережной Украинѣ XVIII вѣка общинныхъ земель и угодій. Это было интересное открытіе. Конечно, вельзя сказать, чтобы раньше до изслѣдованій Лучицкаго никто ничего не зналъ о малорусскихъ общинахъ; всѣмъ было извѣстно, что большая половина нынѣшнихъ селеній харьковской губерніи владѣтъ теперь землей на общинномъ правѣ; описаніе одной изъ такихъ общинъ пошло даже въ извѣстный «Сборникъ свѣдѣній о сельской общинѣ», но во всякомъ случаѣ И. В. Лучицкій первый заговорилъ о малорусской общинѣ въ XVII и XVIII вв. Въ своей статьѣ, помѣщенной въ «Отеч. Зап.», (1882 г., ноябрь) онъ доказывалъ, что во время заселенія южной части лѣвобережной Украины въ XVII в., въ ней утвердились на первыхъ порахъ общинные распорядки, остатки которыхъ сохранились и въ XVII в. Это была община первобытнаго типа, безъ передѣловъ и безъ опредѣленнаго срока владѣнія землями; данными для такого вывода послужили И. В. Лучицкому матеріалы Румянцевской описи Малороссіи, хранившіеся въ бібліотекѣ кіевскаго университета. Послѣ этого И. В. Лучицкій продолжалъ дѣлать извлеченія изъ Румянцевской описи, и въ результатѣ явился тотъ сборникъ матеріаловъ, заглавіе котораго мы привели въ началѣ. На основаніи этихъ матеріаловъ, а также массы другихъ данныхъ, неизвѣстныхъ публикѣ, И. В. Лучицкій составилъ изслѣдованіе объ общинѣ, общественныхъ земляхъ и тѣхъ способахъ пользованія ими, какіе существовали въ лѣвобережной Украинѣ, начиная съ XVIII вѣка. Это изслѣдованіе появится въ печати послѣ сообщенія его на предстоящемъ археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ.

Въ ожиданіи этого реферата мы въ свою очередь не будемъ разбирать изданныхъ документовъ по существу, а ограничимся только нѣкоторыми общими указаніями.

Почти всѣ документы извлечены изъ связей Румянцевской описи Малороссіи, относящихся къ разнымъ сотнямъ переяславскаго пол-

ка¹⁾), и только одинъ документъ взятъ изъ бумагъ пустынно-николаевского монастыря, хранящихся въ полтавской казенной палатѣ. Все это—земельные акты, купчія крѣпости, уступочныя и дарственные записи, межевые акты, мировыя сдѣлки, обмѣнные листы, судебныя дѣла, жалобы; кромѣ ихъ видное мѣсто еще занимаетъ особая серія документовъ—донесенія смотрителей и сотенныхъ правленій объ общественныхъ земляхъ, принадлежащихъ разнымъ селеніямъ. Всѣхъ документовъ 87; изъ нихъ только два относятся къ XVII в., всѣ остальные къ XVIII вѣку.

Изъ 15 уѣздовъ полтавской губерніи изданные документы обнимаютъ только три: перяславскій, пирятинскій и золотоношскій. Это объясняется тѣмъ, что опись лубенскаго, полтавскаго, миргородскаго, гадлицкаго и прилуцкаго полковъ погибла, а вмѣстѣ съ нею и данныя объ остальныхъ уѣздахъ.

По содержанію своему напечатанные документы крайне любопытны, ибо захватываютъ малозвѣстную и совершенно почти не изслѣдованную сторону прошлой жизни малорусскаго народа—общинную земельную организацію въ XVIII вѣкѣ. Каждый изъ приведенныхъ документовъ свидѣтельствуетъ о существованіи въ лѣвобережной Украйнѣ общественныхъ земель²⁾.

Правда уже въ «Обозрѣніи румянцевской описи Малороссіи» Лазаревскаго и Константиновича можно было найти нѣкоторые документы, свидѣтельствовавшіе о существованіи общественныхъ земель и угодій въ той-же лѣвобережной Украйнѣ (именно въ сѣверной ея части—черниговской губ.); правда, никто не сомнѣвался въ существованіи и значительномъ распространеніи такъ называемыхъ «малороссійскихъ вольницъ», т. е. свободныхъ, никому лично не принадлежавшихъ земель и угодій, или такъ называемыхъ вѣзжихъ лѣсовъ, куда всякій имѣлъ право безпрепятственнаго вѣзда. Но въ сборникѣ И. В. Лучицкаго эти матеріалы собраны въ такомъ значительномъ количествѣ, что даютъ полную возможность опредѣлять значеніе ихъ въ прошлой жизни малорусскаго села. Здѣсь мы встрѣчаемъ всѣ виды общественныхъ земель и

¹⁾ Кромѣ связокъ перяславскаго полка тамъ-же помѣщается значительная часть связокъ кievскаго полка, обнимающая часть уѣздовъ черниговской губерніи.

²⁾ Намъ только кажется, что въ документѣ подъ № 8 (стр. 7) идетъ дѣло не объ общественной землѣ, а о владѣніи нѣсколькихъ содѣей, которые выдали *совмѣстную* купчую на свои *личные* участки; образцы такихъ купчихъ намъ попадались въ рукописныхъ актахъ на земли въ слободской Украйнѣ; да и по формѣ этотъ документъ отличается отъ всѣхъ другихъ.

угодій—степь, пахатное поле, выгонъ и толоку, лугъ, дворовыя мѣста, дубровы, озера, чагарники, лозы и болота; мало того, приведены даже вѣдомости¹⁾ о количествѣ земель и угодій, принадлежащихъ къ отдѣльнымъ селеніямъ; но вѣдомости эти требуютъ спеціальнаго рассмотрѣнія, которое, конечно, будетъ сдѣлано въ изслѣдованіи И. В. Лучицкаго.

Чрезвычайно интересенъ вопросъ о происхожденіи всѣхъ этихъ общинныхъ земель. Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ самихъ документахъ. Всѣ онѣ почти такого-же *замочитно* или старозамочнаго происхожденія, какъ и большинство козацкихъ земель Слободской Украйны. При многихъ вѣдомостяхъ мы встрѣчаемъ такого рода приписки: «та сѣвокосная земля (каневской сотни) принадлежитъ онымъ козакамъ по давней займъ волностейъ козацкихъ и по стародавнему безспорному владѣнію; пользуются оною сѣвокосною землею, службу козацкую отправляютъ и повинность къ ползе государевой несли и нинѣ несутъ». Въ своей статьѣ (Займанщина въ лѣвобережной Украйнѣ въ XVII и XVIII в.), помѣщенной въ одной изъ книжекъ «Кіевской Старины» за прошлый годъ, мы привели нѣкоторые указанія на подобный способъ происхожденія поземельной собственности въ гетманщинѣ; теперь «Сборникъ» И. В. Лучицкаго еще болѣе рельефно подтверждаетъ эту мысль и дѣлаетъ ее еще болѣе убѣдительною. Такого же замѣчательнаго происхожденія была въ большинствѣ случаевъ и личная поземельная собственность, какъ это видно изъ цѣлага ряда документовъ, приведенныхъ въ «Сборникѣ».

Роль *громады* по отношенію къ общиннымъ землямъ и угодьямъ была очень велика. Сюда принадлежитъ цѣлая серія едва ли не самыхъ интересныхъ документовъ. Мы ихъ считаемъ таковыми потому, что они открываютъ дѣйствительно *новую* сторону народной самодѣятельности. Громада дозволяетъ строить гребли, устраивать хутора на общественной землѣ, отводить въ частное владѣніе общественныя земли, отводить участки земли своимъ членамъ, покупать и продавать общественныя

¹⁾ Происхожденіе этихъ вѣдомостей довольно любопытно. Въ первоначальныхъ инструкціяхъ Румянцева не дано было вопроса о количествѣ общевладѣемыхъ земель; очевидно Румянцевъ, знавшій вообще довольно хорошо ввѣренный ему край, считалъ Малороссію страной личнаго участковаго землевладѣнія; да оно во второй половинѣ XVIII в., какъ видно изъ связей Румянцевской описки, почти такъ и было. Тѣмъ не менѣе во многихъ мѣстахъ, кромѣ государственныхъ свободныхъ земель, отыскались еще и мѣрскія, которыми владѣли всѣ члены селенія сообща, и пришлось поставить вопросъ объ этихъ земляхъ; полученные отвѣты и приведены въ «Сборникѣ» И. В. Лучицкаго.

земли, снимаетъ и сдаетъ ихъ въ аренду, уступаетъ и даритъ ихъ и наконецъ разрѣшаетъ ихъ заимку. Все это такія функціи, которыя могутъ принадлежать только настоящему владѣльцу, а таковымъ владѣльцемъ является въ данномъ случаѣ юридическая единица, т. е. *община*.

Нѣсколько менѣе интересны приведенныя въ «Сборникѣ» данныя о способахъ пользованія общественными землями и угодьями. Онѣ, собственно говоря, даютъ намъ очень мало новаго сравнительно съ тѣми фактами, которые были приведены раньше хотя бы въ статьѣ самаго И. В. Лучицкаго, помѣщенной въ «Отечественныхъ Запискахъ». Способъ владѣнія какъ пахатью, такъ и сѣнокосомъ, лѣсамъ, рыбными ловлями, быть въ существѣ дѣла одинъ, къ которому болѣе всего, кажется, подходит опредѣленіе «захватный». Приведемъ наиболѣе характерныя указанія. Горшпинское сотенное правленіе доноситъ: «Въ сотнѣ же горшпинской, при селѣ Буромцѣ, поле пахатное, тамъ же вмѣстѣ зъ онымъ и сѣнокосное, по древнему тамо установленію, обще всѣмъ жителямъ, козакамъ и посполитыми ранговыми господина полковника лубенскаго Ивана Петровича Кулибки, употреблются, *сколко кому якого лѣта къ паханню и сѣнокосу надобность укажетъ, и идѣ кто себя застѣнетъ, тамо ореть либо косить, а собственного нѣякого не имѣется*. Въ слѣдственномъ дѣлѣ о захватѣ общественныхъ земель березанской сотни говорится: «въ сотнѣ березанской никакихъ ограниченій въ свободномъ стѣну не бывало, но свободно было, якъ козакамъ, такъ мужикамъ, тотъ волній войсковою стѣнъ, *иде зотѣ, кому косить*»; въ жалобѣ козаковъ Памфиленковъ на сотника Гулака читаемъ: «... поле пооралъ и гай порубалъ насъ пеццовъ Памфиленковъ, поволное, *иде всякому обивателю поля пахатъ и лѣсъ рубить не возбранно*.

Особенное мѣсто занимаютъ среди общественныхъ земель церковныя; ими также распоряжается громада, вмѣстѣ съ братствомъ и титареми. Всѣ относящіеся сюда документы довольно однообразны по своему содержанію: громада для церковныхъ нуждъ продаетъ кому нибудь часть церковной земли. Земля эти были пожертвованы на церковь или отдельными доброхотами, или цѣлымъ обществомъ. Для уясненія вопроса о происхожденіи церковныхъ земель мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи одинъ любопытный документъ, который охотно сообщаемъ при этомъ случаѣ; это дѣло о принадлежнхъ къ селамъ Ольшаной и Волники свободныхъ лѣсахъ и сѣнокосахъ, которіе называются и мирскими», хранящееся въ архивѣ малороссійской коллегіи при харьковскомъ университетѣ, подъ № 3316 (по новому каталогу).

Къ селамъ Волники и Ольшаной никакихъ прилеглыхъ лановъ и сѣнокосовъ, кои назывались мирскими, пздрелю не бывало и никѣ

не находится, а хоти имѣются при тѣхъ селахъ Волички и Ольшаной пахатніе лани и сѣнокоси, но оніи, какъ совершенно сами, сколько память наша засягаетъ, вѣдаемъ, что едни такіе лани, когда, по давнимъ стариннямъ у Малой Россіи бывшимъ волностямъ, села Воличка и Ольшаное поселялись, тогда и козаки *какъ и во всей Малой Россіи займи въ земляхъ для себе чинили*, по той же волности тогдашніе волнскіе и олшанскіе старшины и козаки *занили для снабдѣнія церквей въ Волички лани, а въ Волишаной сѣнокоси, при своихъ паравіяхъ*, отъ тѣхъ поръ даже досель во владѣніи церквей ни отъ кого безыпретственно находятся; чтожъ на тѣ занятіе землѣ никакихъ письменныхъ документовъ не имѣютъ, потому—что займа въ церквѣхъ; ибо въ то время еще дачь, по отшествіи отъ Польши, гетманскихъ и полковничьихъ не бывало, и козаки по грамотамъ многимъ государевымъ своимъ волностямъ козачими владѣли и владѣютъ, потому что во всѣхъ грамотахъ, которіе даются на местности въ Малой Россіи владѣльцехъ, точно сіе докладается—владѣльцу владѣть местностію съ людьми и угодіями, кромѣ займъ и волностей козачихъ; означеніе-жъ землѣ церковніе пастарѣ на церковь заняты и во время владѣнія тѣхъ сель ратушами до ратушь тогдашнихъ владѣльцовъ не подлежали и нѣкимъ не владѣлись и свободными тѣ земле, лани и сѣнокоси не находились, другіе-жъ поля и сѣнокоси, при тѣхъ-же церквяхъ находячіесь, въ давнихъ годахъ на церкви волнскіе, михайловскую и николскую, отъ добротныхъ дателей легованіе, точію каковы были на тѣ поля и сѣнокоси легаціи, оніе во время сторѣнія въ 738 году николской олшанской церкви погорѣли, а сколько села Ольшаного, какъ зѣ насъ мы нижайшіе олшанскіе козаки знать совершенно можемъ, что тѣ поля и сѣнокоси въ недавнихъ временахъ села Ольшаного козаками и жителями Ольшанки на церковь олшанскую живоначальніи Троици легованіи, а откого оніе леговашии и въ какихъ годахъ, имѣются при церкви олшанской въ записурной книгѣ записи, о копѣхъ всѣхъ занятыхъ ланяхъ и сѣнокосахъ, ибо и отъ добротныхъ подателей наданныхъ поляхъ и сѣнокосахъ при томъ доношеніи подѣ великое вашей ясновельможности усмотрѣніе сообщенъ обстоятельный реестръ... А сверхъ того и по правамъ малороссійскимъ, кто за прежнихъ королей какова добра владѣть, таковыхъ, *хотя бы правостей никакихъ не имѣлъ, силенъ влчно владѣть*, такъ и по тому резону навсегда во вѣчнохъ церковномъ владѣніи оніе добра должны оставаться, ибо не только при тѣхъ волнскіей и олшанской, но и по Малороссіи въ разнихъ владѣніяхъ при многихъ церквяхъ, по

прежнихъ займала и по разнымъ добродетельныхъ дѣтелей подавала, грѣшны имъются и по нинѣ въ спокойномъ владѣніи безсторонно находится ...

Изъ предложенной краткой характеристики Сборника г. Лучицкаго читатель можетъ убѣдиться, насколько интересенъ и важенъ матеріалъ, имъ опубликованный. Остается желать, чтобы скорѣе явилось продолженіе матеріаловъ изъ Румянцевской описи хотя-бы, напримѣръ, для исторіи происхожденія крупной поземельной собственности, безъ чего самая роль общины останется неясною. Козацкая община въ Малороссіи, едва только народившись, стала уже разрушаться.

Въ заключеніе остается замѣтить, что матеріалы изданы сообразно научнымъ требованіямъ и снабжены тремя указателями—личнымъ, географическимъ и предметнымъ.

Дм. Багалъй.

*Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 40-й.
Спб. 1884 года.*

Ни одно, кажется, изъ нашихъ ученыхъ обществъ не развило такъ своей дѣятельности и не ведетъ ее съ такою быстротою, какъ названное историческое общество. Въ громадной массѣ изданныхъ имъ историческихъ матеріаловъ видное мѣсто принадлежитъ дипломатическимъ документамъ, а въ числѣ ихъ нерѣдко попадаются такіе, въ которыхъ содержатся любопытныя свѣдѣнія по исторіи Малороссіи. Только что вышедшій 40-й томъ изданій этого общества даетъ намъ такіа свѣдѣнія въ донесеніяхъ французскаго полномочнаго министра при русскомъ дворѣ Камредона съ 1719 по 1722 годъ.

Не касаясь всего богатаго содержанія вышедшаго тома изданій императорскаго русскаго историческаго общества, мы ограничимся ознакомленіемъ читателей съ тѣми немногими данными по исторіи Малороссіи, которыя заключаются въ донесеніяхъ упомянутаго дипломата. Сообщаемыя имъ о Малороссіи свѣдѣнія тѣмъ большую должны имѣть для насъ цѣну, что Камредонъ могъ совершенно безпристрастно относиться къ наблюдаемымъ фактамъ, такъ какъ послѣдніе совершенно не касались политическихъ комбинацій и дипломатическихъ интригъ. Правда, его свѣдѣнія довольно сбивчивы, неточны и обнаруживаютъ малое знакомство съ страной, о которой онъ писалъ,—послу французскому ничего напр. не стоить смѣшать Хмельницкаго съ Дорошенкомъ и поставить одного на мѣсто другаго; но такіа погрѣшности легко отличить всякому, кто сколько нибудь знакомъ съ общимъ ходомъ событій въ исторіи Малороссіи, а между тѣмъ то, что сообщается Камредономъ о Малороссіи

находится дерѣдко въ полномъ соотвѣтствіи съ другими давными нашей исторіи и съ общей политикой Петра В. относительно подчиненія Малороссіи общему государственному строю.

Сущность передаваемыхъ Кампредономъ о Малороссіи свѣдѣній сводится къ тѣмъ денежнымъ и натуральнымъ налогамъ и повинностямъ, которыми обремененъ былъ новоприсоединенный край, той эксплуатаціи, какой онъ подвергался со стороны жадныхъ бояръ, и тѣмъ ограничительнымъ мѣрамъ, какія принимались Петромъ въ видахъ ослабленія автономіи Малороссіи и прикрѣпленія ея къ Россіи. Прежде всего въ его «Запискѣ о доходахъ царской казны» находимъ слѣдующія цифровыя данныя о тѣхъ постоянныхъ налогахъ, какіе уплачивало крестьянское населеніе Великой и Малой Россіи за свои жилища и землю:

На военный совѣтъ	25 к.
» адмиралтейство	10 »
» рекрутъ	6 »
» коневодство во всѣхъ губерніяхъ	11 .
» черепичныя фабрики	3 »
» известковыя печи	3 »
» строительныя материалы	4 »
» почтовыхъ лошадей	5 .
» содержаніе канцелярій	1 »
» экстраординарные расходы	$\frac{1}{2}$ »
	68 $\frac{1}{2}$ к. ¹⁾

Сказавъ, что царь приказалъ въ 1715 г. сдѣлать новую ревизію для правильнаго взиманія этихъ податей, посоль замѣчаетъ, что налогъ на избы въ Велико-россіи взимается по переписи 1679 г., между тѣмъ какъ въ кievской губерніи (такъ онъ называетъ Малороссію или гетманщину) за основу сборовъ принята перепись 1710 г. Изъ приложенной къ «Запискѣ» росписи доходовъ, сдѣланной, по словамъ Кампредона, въ счетной палатѣ (въ камеръ-коллегіи) въ концѣ 1722 г., узнаемъ, что въ Малороссіи (по Кампредону въ кievской губерніи) числилось 56 городовъ, 1864 мѣщанскихъ дома, 25,815 крестьянскихъ домовъ, и сумма, платимая въ казну, равнялась 114,857 р. въ годъ ²⁾.

Пропорція крестьянскихъ избы, замѣчаетъ посоль, здѣсь слишкомъ мала сравнительно съ количествомъ городовъ. Причина сего заключается въ томъ, что кievская губерніи (т. е. Малороссія) населена болѣ-

¹⁾ Сборникъ, стр. 429.

²⁾ Сборникъ, стр. 430—441.

шимъ количествомъ козаковъ, а этотъ народъ, какъ я изложу это ниже, свободенъ отъ постоянныхъ повинностей, такъ что въ приведенной росписи означены лишь тѣ избы, которыя въ настоящее время обложены податями ¹⁾).

Продолжая говорить о доходахъ казны отъ монопольной продажи питей и табаку, привилегіяхъ, каковыми пользовалась въ этомъ отношеніи Малороссія и о томъ, «какъ жадные ея жители болре и другія частныя лица совершали безконечное множество мошеничествъ, тайно торгуя черкасскимъ и украинскимъ табакомъ, разводямымъ въ большомъ количествѣ», ²⁾ а равно о подушной подати, посолье переходитъ къ натуральнымъ доходамъ и тутъ съ особою подробностью распространяется о Малороссіи, касаясь, хотя и не совсемъ удачно, ея исторіи и современнаго состоянія. «Царь, говоритъ онъ, извлекаетъ изъ своихъ подданныхъ еще другія выгоды, не менѣе значительныя и вполне замѣняющія ему наличныя капиталы, такъ какъ въ Россіи изъ нихъ дѣлается тоже употребленіе, на которое въ другихъ странахъ требуются денежные капиталы. Сюда относится прежде всего такъ называемая здѣсь контрибуція, т. е. поставка подданными его царскаго величества людей, въ особенности казаками и черкесами. Они прежде состояли подъ владичествомъ Польши, но потомъ, будучи недовольны ею, перешли подъ власть турокъ и наконецъ отдалісь, впрочемъ на извѣстныхъ условіяхъ, въ подданство царя Алексѣя, отца нынѣ царствующаго государя Петра I. Эти народы, живущіе между Дономъ и Днѣпромъ, называются запорожцами отъ двухъ русскихъ словъ: *за*, обозначающаго «по ту сторону» и *пороги*, т. е. батарахты. Дорошенко, ихъ гетманъ или генераль, фамилія котораго еще весьма значительна, по роду угасъ недавно со смертію послѣдняго гетмана, отдался подъ покровительство Россіи на слѣдующихъ условіяхъ: Украина будетъ свободна отъ всякаго рода налоговъ, согласно дѣйствующему въ ней магдебургскому праву (какъ видно, смутное понятіе имѣлъ французъ о нѣмецкомъ правѣ), казаки будутъ по прежнему пользоваться всѣми своими старинными привилегіями и полной свободой торговли, въ особенности водкой, пивомъ и медомъ, оптовой и розничной; наконецъ управлять ими будутъ всегда ихъ собственные генералы, но никогда и ни въ какомъ случаѣ не русскіе. На этихъ условіяхъ они съ своей стороны обязывались доставлять царю 60-тысячный корпусъ конницы каждый разъ, какъ онъ потребуетъ таковой».

¹⁾ Сборникъ, стр. 435—5.

²⁾ Сборникъ, стр. 436.

«Это условіе представляло значительную выгоду въ то время, когда въ Россіи не было еще своихъ регулярныхъ войскъ, козаковъ-же и русскіе и поляки считали за лучшую конницу въ мірѣ. Но теперь, когда царь организовалъ свои собственные войска и, слѣдовательно, козакки приносятъ ему мало выгоды, у нихъ стараются незамѣтно отнять всѣ привиллегіи. И этого достигнуть непремѣнно, какъ только перестанутъ бояться, что народъ переселится за Днѣпръ и соединится съ своими сосѣдями татарами. Такое переселеніе не только могло-бы имѣть опасныя послѣдствія для владѣній царя, но и обезлюдить, обратить въ дикую пустыню одну изъ плодороднѣйшихъ странъ Европы. Пастбища тамъ превосходны, и на нихъ содержится болѣе полонныи воловъ и барановъ, употребляемыхъ Москвою и Петербургомъ. Тамъ производится изумительное количество пшеницы и ржи, а земля такъ хороша, что ее никогда не удобряютъ, пахутъ же и засеваютъ только разъ въ три года, пбо для обсымененія бываетъ достаточно того зерна, что падаетъ на землю при жатвѣ. Спаржа растетъ во множествѣ несаженная и безъ всякой культуры. Вообще удивительно, что царь прилагаетъ такъ мало заботы о населеніи страны, такъ счастливо надѣленной природою, какъ превосходнымъ климатомъ, такъ и плодородіемъ почвы; она могла-бы, при хорошей обработкѣ, производить болѣе хлѣба, чѣмъ нужно для всего остального его государства. Но онъ поставилъ себѣ цѣлью, не истребляя козаковъ, ослабить ихъ. Теперь они уже не въ состояніи выставить болѣе тридцати тысячъ конницы, да и въ ту назначили русскихъ полковниковъ, имѣющихъ подъ своей командой по четыре, по шести и до десяти тысячъ человекъ. Назначеніе на этотъ постъ представляетъ довѣріе и милость, такъ какъ каждый полковникъ можетъ нажитья съ козаковъ въ годъ до десяти тысячъ рублей, и тѣ не смѣютъ жаловаться, потому что въ ихъ странѣ выстроено теперь двѣ крѣпости и размѣщена въ гарнизонахъ почти вся русская кавалерія. Козакки обязаны также безвозмездно доставлять почтовыхъ лошадей всѣмъ лицамъ, ѣдущимъ съ паспортами, а скоро у нихъ собираются ввести существующіе уже во всемъ остальномъ государствѣ казенные кабаки. Это значительно увеличитъ доходы казны, но разоритъ Украину, первоначальное населеніе которой и безъ того уже уменьшилось на половину вслѣдствіе того, что его принудили, вмѣсто солдатъ, поставлять людей на работы въ Петербургъ и на Ладожскомъ озерѣ, гдѣ ихъ погибло великое множество¹⁾».

П. Голубовскій.

¹⁾ Сборникъ, стр. 449—452.

Фундуши и стипендіи виленскаго учебнаго округа. Сравнительное исследование. Сост. Н. Юницкій. Ч. 1. Выпускъ первый, Вильна, 1884 г.

Названная книга является въ нашей историографіи совершенною новинкою и по основной мысли своей и задачѣ заслуживаетъ полнаго вниманія и уваженія.

Въ предисловіи ея своей довольно объемистой книгѣ г. Юницкій объясняетъ побудительныя причины къ составленію оной и опредѣляетъ двоякое— историческое и практическое значеніе своего труда. «Колличество, говоритъ онъ, всѣхъ фундушевыхъ и стипендіальныхъ капиталовъ въ виленскомъ учебномъ округѣ простирается до 900 тысячъ руб. сереб. Судьба нѣкоторыхъ изъ пожертвованій и содержаніе духовныхъ записей фундаторовъ небезынтересны; они имѣютъ свое историческое значеніе, характеризуютъ духъ времени, направленіе общества и его потребности, рисуютъ намъ задачи воспитателей, требованія ихъ отъ учащихся и самый способъ обученія и содержанія послѣднихъ... Нѣкоторые изъ пожертвованій сдѣланы еще въ прошедшемъ или въ началѣ настоящаго столѣтія, а переписки о нихъ или подлинныя документы такихъ фундушевыхъ записей (и при томъ до 1832 г. преимущественно на польскомъ языкѣ) находятся въ разныхъ учрежденіяхъ; вслѣдствіе этого справки по дѣламъ о пожертвованіяхъ для всѣхъ лицъ, имѣющихъ къ нимъ то или другое отношеніе, т. е. для служащихъ въ управленіи округа и въ учебныхъ заведеніяхъ, для родителей, опредѣляющихъ своихъ дѣтей въ конвенты или ищущихъ стипендій для учащихся, весьма затруднительны, особенно въ виду того, что нѣкоторыя учрежденія и заведенія, для которыхъ предназначены первоначально фундуши, нынѣ упразднены или переведены въ другія мѣстности, и наконецъ самыя положенія о пожертвованіяхъ съ теченіемъ времени въ силу разныхъ требованій подвергались преобразованіямъ».

Г. Юницкому пришла счастливая мысль «собрать данныя по каждому фондушу, разбросанныя по разнымъ дѣламъ управленія округа и учебныхъ заведеній, въ одно цѣлое, т. е. составить краткія историческія свѣдѣнія о всѣхъ пожертвованіяхъ на воспитаніе юношества, состоящихъ въ распоряженіи виленскаго учебнаго округа, съ указаніемъ въ нихъ главныхъ положеній о каждомъ фундушевомъ капиталѣ», при чемъ, какъ само собою разумѣется, недостатка въ источникахъ для такихъ свѣдѣній быть не могло: они находились и въ дѣлахъ округа, и въ архивахъ учебныхъ заведеній, получались изъ архива министерства народнаго просвѣщенія и изъ печатныхъ сборниковъ того же министерства и учебнаго округа.

Книга г. Юницкаго подраздѣляется на два главные отдѣла. 1) Стипендіи, правительственныя и частныя капиталы, состоящія въ распоряженіи управленія учебнаго округа, и 2) фондуши гимназій, начинающіеся съ разнообразныхъ и многочисленныхъ фундашей гимназій виленской. съ подраздѣленіемъ ихъ на предметы ихъ предназначенія по источникамъ и именамъ жертвователей, преимущественно польскихъ ваповъ недавняго и весьма отдаленнаго времени.

Къ чести г. Юницкаго сказать должно, что онъ справился съ своею задачею и огромнымъ матеріаломъ, бывшимъ въ его распоряженіи, какъ нельзя лучше: каждый изъ фундашей имѣеть у него свою обстоятельную исторію; свѣдѣнія о немъ сгруппированы самымъ тщательнымъ образомъ, изложены сжато и ясно, а положенія о нихъ — языкомъ официальныхъ актовъ, устраняющимъ всякую неточность и пронтекающія отсюда недоразумѣнія. Г. Юницкій преслѣдуетъ въ своемъ сборникѣ пока одну лишь практическую цѣль — дать необходимыя справки тѣмъ, кто въ нихъ можетъ имѣть нужду. «Историческія данныя, говоритъ онъ, не могутъ быть тутъ поставлены на первомъ планѣ и должны быть отложены до послѣдней заключительной главы и сгруппированы, какъ конечный результатъ разсмотрѣнной судьбы всѣхъ фундашей». Мы имѣемъ предъ глазами лишь первый выпускъ труда Юницкаго; плана дальнѣйшихъ работъ тутъ нѣтъ; сколько можетъ быть дальнѣйшихъ выпусковъ, когда они выйдутъ, чего будутъ касаться и когда появится упомянутая сейчасъ заключительная глава, остается неизвѣстнымъ. Мы съ нетерпѣніемъ будемъ ждать именно этой главы, такъ какъ въ ней главный историческій интересъ и она, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, «въ известной степени можетъ способствовать поясненію исторіи сѣверо-западнаго края, особенно первой половины текущаго столѣтія», точнѣе исторіи образованія въ немъ, которое въ рукахъ анти-правительственной партіи служило самымъ могучимъ факторомъ въ направленіи общей жизни края.

Настоящая попытка привести въ ясность и общую извѣстность многозначительныя средства общественнаго образованія въ краѣ и положенія о нихъ, предпринятая, какъ можно догадываться, по мысли и при поддержкѣ администраціи виленскаго учебнаго округа, по самой практической своей цѣли, должна-бы вызвать подражаніе въ другихъ учебныхъ округахъ, особливо кіевскомъ и варшавскомъ, по многочисленности въ нихъ фундашевыхъ и иныхъ записей и запутанности нѣкоторыхъ изъ

нихъ. Историческій интересъ положительныхъ о нихъ свѣдѣній понятенъ самъ собой; но кто знаетъ, съ какими трудностями сопряжено бываетъ разысканіе много капитала и пользованіе имъ, особливо при необходимости видоизмѣнить его употребленіе сообразно обстоятельствамъ времени, тотъ пойметъ всю важность сборника, въ родѣ настоящаго, и отдастъ справедливую дань уваженія труду г. Юнцаго и тѣмъ, по чьей мысли онъ задуманъ и при чьей поддержкѣ выполненъ.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ КЪ БІОГРАФІИ ВЛАДИМИРА ЛУКИЧА БОРОВИКОВСКАГО.

«Таланты отъ Бога, богатство отъ рукъ человѣка».

Гилдицъ.

Въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ была помѣщена весьма любопытная статья г. Горленка: *Художникъ В. Л. Боровиковскій*—«самый крупный талантъ, какой дала Малороссія русской школѣ живописи». Въ концѣ статьи выражено желаніе, чтобы собранный однимъ изъ потомковъ художника по линіи его брата біографическій о немъ матеріалъ былъ сообщенъ печати. На таковой, обращенный ко мнѣ, нижеподписавшемуся, вызовъ почтеннаго автора статьи скажу прежде всего, что еще въ 1868 году представлены мною академіи художествъ, по сообщенному мнѣ на то ея желанію, собранныя мною *Краткія свѣдѣнія къ біографіи академіи художествъ соотвѣтника Влад. Лук. Боровиковскаго*,—какъ матеріалъ къ предположенному изданію біографій знаменитыхъ ея художниковъ. За сямъ, такъ какъ мнѣ доселѣ неизвѣстно, какое сдѣлано употребленіе изъ этого матеріала, то, пополнивъ теперь мои *Свѣдѣнія*, дѣлюсь ими съ читателями «Кіевской Старины».

В. Л. Боровиковскій родился въ Миргородѣ, въ 1757 году. Отецъ его, значковый товарищъ *Лука Боровикъ* († 1775), былъ между прочимъ въ числѣ членовъ комиссіи для составленія новаго уложенія, неудовлетворившей ожиданіямъ императрицы. Князь Эри-

ствова, въ статьѣ «Боровиковскій, В. Л.» въ энциклопедическомъ лексиконѣ Плюшара, говорить, что неизвѣстно, кто былъ его учителемъ въ живописи. Мнѣ положительно извѣстно, что дѣдъ мой, Лука Боровикъ, былъ самъ хорошимъ живописцемъ: я сохраняю икону его работы «св. Димитрій, митрополитъ ростовскій», замѣчательную и по живописи, и по тому обстоятельству, какъ передавалъ мнѣ покойный мой отецъ, что она составляетъ вмѣстѣ икону и портретъ святителя (любопытно-бы было сравнить ее съ дѣйствительнымъ портретомъ). Слѣдовательно, Владиміръ Лукичъ могъ получить основательныя начала въ живописи еще отъ отца своего, у котораго онъ выучился также играть на гусляхъ. Живописное искусство было какъ-бы наслѣдственнымъ въ фамиліи Боровиковскихъ, занесенной въ дворянскую родословную книгу бывшаго скатеринославскаго намѣстничества. Братья Луки, Иванъ, и двоюродный, Демьянъ, были также живописцы. Четыре сына Луки все были живописцы. Владиміръ былъ старшимъ изъ нихъ, а мой отецъ, Иванъ, младшимъ. Владиміръ, по обыкновенію тогдашняго времени, поступилъ въ военную службу, но вскорѣ выйдя въ отставку въ чинѣ поручика и поселясь въ отцовскомъ домѣ, предался любимому своему искусству. Онъ былъ необыкновенно трудолюбивъ. Многія церкви въ Малороссіи имѣютъ или имѣли иконы и цѣлыя иконостасы его работы. Весь иконостасъ троицкой миргородской церкви его кисти. Есть его подлинныя на иконахъ: «писаль 1784 г. Владиміръ Боровиковскій». Не смотря на протекшія уже сто лѣтъ, иконы отличаются прочностью и свѣжестью красокъ, не говоря уже объ искусной живописи: тѣло ангеловъ какъ будто просвѣчиваетъ, воздушное, безплотное; особенно возбуждаютъ удивленіе, на боковыхъ вратахъ алтаря, первосвященники Мелхиседекъ и Ааронъ. Въ приходскую воскресенскую церковь своей родины прислалъ онъ изъ Петербурга превосходную, до сихъ поръ хранимую, плащаницу съ херувимскою ирѣнію великой субботы: *Да молитъ всяка плоть человѣчн...*; а въ соборную миргородскую церковь прислалъ двѣ намѣстныя иконы: къ сожалѣнію, слѣбая ревность не по разуму въ послѣднее время испортила ихъ *подновкою* лицъ! Жаль, если также участь ожидаетъ и прекрасныя иконы троицкой церкви! *Набент sua fata libelli* и иконы! Во многихъ семействахъ здѣшнихъ помѣщичьихъ иконы или портреты работы Боровиковскаго передаются по наслѣд-

ству отъ поколѣвій къ поколѣвію. Живопись считалъ онъ своимъ призваніемъ, а повиноваться ему—своимъ долгомъ, пока, наконецъ, дѣйствительное Божіе призваніе въ лицѣ великой императрицы не указало ему мѣста въ академіи художествъ. Во время путешествія Екатерины въ Крымъ (1787 года) миргородскій предводитель дворянства, извѣстный *Капитанъ*, поручилъ ему написать нѣсколько картинъ, чтобы украсить ими домъ, назначенный для пріема государыни. Двѣ изъ нихъ были особенно примѣчательны: на одной изобразилъ онъ семь мудрецовъ Греціи предъ книгою «Наказа» и Екатерину, въ видѣ Минервы, объясняющую имъ свое твореніе; на другой картинѣ представленъ былъ Петръ I, вспахивающій землю, а вслѣдъ за нимъ Екатерина II, сѣющая сѣмена; два генія, изображавшіе Александра и Константина, бороли эту вспаханную и засеянную землю. Мысль этихъ картинъ понравилась императрицѣ. Она желала узнать художника и предложила ему ѣхать въ Петербургъ, къ Лампію (слѣдовательно, ему было тогда не болѣе 30 лѣтъ). Въ столицѣ въ скорое время ученикъ сдѣлался соперникомъ своего учителя Лампія въ живописи; подружась съ Левицкимъ, заниматель у этого художника все, что казалось ему согласнымъ съ собственнымъ его вкусомъ¹⁾.

Уѣзжая въ Петербургъ, онъ взялъ съ собою малолѣтняго племянника своего, сына единственной сестры своей, бывшей въ замужествѣ за священникомъ, *Антонъ Горковскаго*, и воспиталъ его въ кадетскомъ корпусѣ: впоследствии Горковскій былъ артиллерійскимъ полковникомъ, начальникомъ крѣпостной артиллеріи въ Эривани и умеръ въ Петербургѣ. Благодарный племянникъ сохранилъ письма его къ нему, мнѣ потомъ доставшіяся: они рисуютъ Владимира Лукича человекомъ души доброй и христіанскихъ убѣжденій. Похваливъ племянника, что умѣеть цѣнить благодѣянія, онъ проситъ благодарить за нихъ не его, но Виновника *всякаю даяніа блага*. Икона, керуководенный образъ Спасителя, которою благословилъ онъ любимаго своего «Антону», отпуская его на службу, и которая содѣйствовала ему во всѣхъ его походахъ, въ Россіи, въ Турціи, на Черномъ и Средиземномъ моряхъ, на Корфу и у береговъ Далмаціи, на Кавказѣ и за Кавказомъ, хранится теперь у меня, и я

¹⁾ Энциклопедич. Лексиконъ Шюшара, т. VI.

дорожу ею не менѣе Горьковского. Владиміръ Лукичъ вызвалъ было къ себѣ въ Петербургъ и меньшаго своего брата, отца моего, который и продолжалъ у него занятія свои въ живописи; но черезъ годъ, по домашнимъ обстоятельствамъ остальныхъ братьевъ, долженъ былъ возвратитъ его на родину. Онъ разсказывалъ, что въ мастерской брата нерѣдко видѣлъ Капниста и Державина, который, «замѣтивъ мою близорукость, подарилъ мнѣ свои очки», ими отецъ дорожилъ во всю свою жизнь. Приступая къ какой нибудь важной или серьезной работѣ, Владиміръ Лукичъ прежде всего отправлялся въ церковь и слушалъ молебенъ. Приготовивъ полотно или доску для иконы, онъ заставлялъ читать вслухъ Евангеліе или житіе святаго, котораго изобразить предположилъ, и останавливался на какомъ-либо текстѣ или мѣстѣ читаемаго, прерывалъ чтеніе, набрасывалъ рисунокъ и затѣмъ давалъ своей идеѣ дальнѣйшее осуществленіе. Онъ имѣлъ обыкновеніе каждую субботу по утру раздавать посылную милостыню нищимъ, которые обыкновенно и ожидали такой раздачи на лѣстницѣ его квартиры, и если онъ не видѣлъ кого-либо изъ такихъ обычныхъ своихъ гостей, то поручалъ другому передать подаяніе, предваряя, что онъ-же спроситъ того—получилъ-ли?

По свидѣтельству знавшихъ Владиміра Лукича и посѣщавшихъ его мастерскую онъ былъ «трудолюбивъ до цѣлѣоубности», «Я посидѣлъ у него съ часъ, писалъ о немъ одинъ знакомый, посѣтившій его въ Петербургѣ, и между разговорами онъ не переставалъ заниматься работою». «Мнѣ потерять часъ», писалъ Владиміръ Лукичъ къ роднымъ, извиняясь, что не пишетъ къ нимъ особо, «ей, составляетъ великое въ занятіяхъ моихъ расстройство!» Посылая племяннику своему билетъ на полученіе «Сына Отечества», онъ пишетъ: «я и не имѣю времени читать его». Любимымъ его чтеніемъ въ немногіе часы досуга были книги духовнаго содержанія, таковы: *О подражаніи Іисусу Христу, Путь къ спасенію, Бесѣды Макарія Египетскаго, сочиненія Дмитрія Ростовскаго и объ истинномъ христіанствѣ Тилона Варонскаго*; этими книгами снабдилъ онъ и отца моего, отъ котораго переписалъ они ко мнѣ. Владиміръ Лукичъ писалъ много для церквей, но извѣстенъ особенно портретами. Онъ писалъ всю императорскую фамилію. Лучшія его иконы находятся въ казанскомъ

соборѣ, *Благовѣщеніе* и *Евангелисты*, на царскихъ вратахъ. Извѣстны прекрасные стихи *Бенедиктова* къ его Благовѣщенію:

Кто сей юный?.....
Кто сія?.....
Этотъ юноша крылатый,
Искушенія глашатай.
Ангелъ, вѣстникъ торжества,
Вѣстникъ тайны воплощенья,
А предъ нимъ, полна смущенья,
Дѣва—матерь Божества!

Въ лицѣ ангела видятъ неземнаго вѣстника неземнаго благовѣстія, а въ лицѣ Маріи чтають и ея смущенье, и глубочайшее ея смиреніе и совершенную покорность волѣ Божіей.. Простоявъ долго предъ его Благовѣщеніемъ, передавалъ мнѣ почтенный отецъ архимандритъ, и отойдя отъ него, вновь возвращаешься, чтобъ *дочитать* остальное...: такъ многозначительно его выраженіе!

Скончался Владиміръ Луквичъ въ 1825 году, въ Петербургѣ, на 68 году своей жизни, не бывъ никогда женатъ. Онъ «очень боялся, какъ самъ писалъ, оставить свои вещи, картины и иконы, изъ коихъ есть и очень полезныя, на раскупку». Въ завѣщаніи все движимое имущество свое указалъ продать и деньги употребить на бѣдныхъ и на поминовеніе по церквамъ. Погребенъ на смоленскомъ кладбищѣ, въ троицкой церкви котораго весь иконостасъ верхней церкви—его работы. На скромномъ памятникѣ его высѣчены стихи:

Въ надеждѣ, вѣрѣ и любви
Изъ мертвыхъ воскресенья.
Творецъ! се тварь твоя
Ждетъ отъ Тебя спасенья!

Последній стихъ очень гармонировалъ благочестивому настроенію души художника, какимъ отличался онъ въ жизни. Въ послѣдніе его годы былъ слухъ, что Боровиковскій, вмѣстѣ съ однимъ изъ друзей своихъ, поступаетъ въ монахи въ Кіево-печерскую лавру; но, какъ друга его почему-то принять туда не согласились, то и онъ не привелъ въ исполненіе своего предположенія. Выдаю это только, какъ слухъ. Вообще, и какъ художникъ несравненный, и какъ человѣкъ хри-

стигматическихъ убѣжденій и самихъ скромныхъ желаній, Владиміръ Лукичъ представляетъ собою замѣчательную личность.

Таковы краткія, добытыя мною, свѣдѣнія о дядѣ моемъ, художникѣ В. Л. Боровиковскомъ. Свѣдѣнія эти, какъ я сказала въ началѣ, еще 16 лѣтъ тому назадъ представлены были мною академіи художествъ; къ нимъ я присоединила тогда, какъ миниатюрный портретъ художника, имъ самимъ карандашомъ рисованный и на камнѣ отпечатанный, такъ, въ видѣ особаго приложенія, и *Выписки изъ сохранившихся писемъ его къ роднымъ*: изъ нихъ можно было видѣть, какихъ онъ былъ мыслей, чувствованій и убѣжденій, а слѣдовательно и какого образа жизни, на основаніи того, что talis hominibus fuit oratio, qualis vita, по выраженію Сенеки.

Въ письмахъ своихъ къ роднымъ Владиміръ Лукичъ повторяетъ, что занятія свои живописью считаетъ Божиимъ призваніемъ, а повиноваться оному «съ вѣрностію», какъ выражался онъ, т. е. рачительно и неуклонно, святою своею обязанностію. Такимъ образомъ самыя счастливыя условія: природное дарованіе и основательныя начала, прекрасное убѣжденіе и неустанный трудъ, соединились въ немъ, чтобы произвести изъ него замѣчательнаго художника, неводражаемаго портретиста и вдохновеннаго иконописца, что и выражено мною, полагаю не пресувеличенно, на прилагаемой при семъ, святой мною копіи съ упомянутаго его портрета ¹⁾, стихомъ Горация:

... liquidis ille coloribus

Solers nunc hominem ponere, nunc deum.

Hor. od. IV, 7.

Ив. Боровиковскій.

Въ концѣ любозытной статьи г. Горленка: *Художникъ В. Л. Боровиковскій* («Кіевской Старины», апрѣль текущаго года) комбѣнценъ *Списокъ извѣстныхъ работъ Боровиковскаго*. Его можно дополнять еще слѣдующими, какія встрѣчались мнѣ въ газетныхъ извѣстіяхъ:

1. Соборъ въ Могилевѣ на Дѣбрѣ во имя праведнаго Іосифа, Обручника Божіей Матери, построенный въ память свиданія Бла-

¹⁾ Къ сожалѣнію, мы не можемъ теперь приложить этого портрета, но надѣемся воспользоваться имъ впоследствии.—Ред.

терины въ семь городѣ съ Іосифомъ II, «украшенъ превосходными иконами работы знаменитаго Боровиковскаго». *Современный Листокъ*, 1867 г., № 22.

2. Въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ (Торжокъ, тверской губерніи) «замѣчательна живопись на иконостасѣ: всѣ иконы его, въ количествѣ 37, написаны въ 1795 году на казенный счетъ съ высочайшаго разрѣшенія академикомъ Боровиковскимъ за 1,600 руб.». *Сынъ Отечества*, 1874 г.

3. «Бабушка съ котикомъ», гдѣ и чей портретъ, мнѣ не извѣстно. «Вѣдь это Боровиковскаго! Chef d'oeuvre, можно сказать». Изъ статьи *Кохановской*: «Провинціальная галлерей портретовъ» въ *Хрестоматіи Галахова*, Т. II.

4. Замѣчательная икона Божіей Матери съ Младенцемъ и ангелами, которую нѣкогда (подписано: «1786 г. писалъ Влад. Боровиковскій») художникъ принесъ одному «высокопросвѣщенному и именитому лицу (вѣроятно, Троицкому) въ даръ любви,— для вдохновеннаго поклоненія». Икону эту недавно г. Лѣсковъ нашель гдѣ-то уже въ сараѣ расколотою и буравомъ въ верхней части просверленную, чтобъ надѣвать на гвозди! Онъ повезъ ее въ Петербургъ для реставраціи (*Харьковскія Губернскія Вѣдомости* 1881 г. № 203).

Къ сожалѣнію я немногимъ чѣмъ могу похвалиться изъ произведеній кисти моего дяди, а именно:

1. Упомянутый уже Нерукотворенный образъ Спасителя.
2. Пять небольшихъ иконъ на желѣзныхъ листахъ: Деисусъ и 12 апостоловъ,—прекрасные образцы для иконостасныхъ иконъ.
3. Портретъ императрицы Маріи Феодоровны въ молодыхъ лѣтахъ.
4. Портретъ цесаревича Константина въ молодыхъ лѣтахъ.

Вмѣстѣ съ этими иконами и портретами отецъ мой привезъ отъ брата изъ Петербурга и прекрасную икону работы *Лампія старшаго*, Богоматерь съ Младенцемъ у столика, на холстѣ.

Г р а в ю р ы:

1. *Благовѣщеніе*, съ иконъ Казанскаго собора, *Робинсона*, въ книгѣ Кукольника: «Картины Русской Живописи».
2. *А. Б. Куракинъ*, съ портрета, *Кливера*.

Рисунки:

1. *Евангелисты*, карандашемъ, отпечатанные на камнѣ. образцы, съ которыхъ и писаны Евангелисты для Казанскаго собора, въ 1808 году.

2. *Равноапостольный Владимиръ*, бѣглый рисунокъ перомъ и тушью, но съ нагляднымъ выраженіемъ величія и твердой власти.

Ст. Сов. **Ив. Боровиковскій.**

7 іюля 1884 г.

Хорошь, с. Милушки.

ОТКРЫТІЕ ДРЕВНИХЪ МОЗАИКЪ КЪ ГЛАВНОМУ КУПОЛУ КІЕВО-СОФІЙСКАГО СОВОРА.

Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, при м. Евгеніѣ, какъ значитса въ составленномъ имъ описаніи кіево-софійскаго собора, главный куполъ этого собора былъ росписанъ новою живописью. Она представляла слѣдующія изображенія: въ самомъ днѣ купола Спаситель, благословляющій обѣими руками, и въ облакѣхъ отъ него исходящій Св. Духъ; ниже этого образа, по стѣпкамъ купола, 7 архангеловъ: Михаилъ съ мечемъ въ одной рукѣ и знаменемъ въ другой, Гавріиль съ вѣтвю лиліи, Рафаиль съ алавастромъ, Уріиль съ зажженою свѣчей, Салавѣиль съ четками и Іегудіиль съ вѣщемъ; между архангелами огненные языки, ниже архангеловъ—соборъ девяти чиновъ ангельскихъ, окружающихъ и поддерживающихъ престолъ Вседержителя, еще ниже между 12 окнами на простѣпкахъ 12 апостоловъ, стоящіе на 12 ветхозавѣтныхъ и апокалипсическихъ камняхъ (Исх. XXVIII, Апокал. гл. 21). Надъ каждымъ изъ апостоловъ были золотыя звѣзды, въ срединѣ ихъ огненные языки, а надъ ними надпись: *на главѣ ея тыщць отъ двѣнадцати звездъ* (Апокал. гл. 12).

При возобновленіи кіево-софійскаго собора въ 1843—1853 г., каменный куполъ вновь росписанъ іеромонахомъ Ирѣнархомъ по рисунку академика О. Г. Солнцева, второму Высочайше вѣрело было руководство работамъ по возобновленію собора. Въ это время изображены: въ днѣ купола, вмѣсто Вседержителя, Богъ Отецъ въ видѣ ветхаго деньми, надъ нимъ 4 шестокрылатыхъ серафима, 2 ангела, держащихъ сурьютворенный образъ Спасителя, и 2 ангела,

державныхъ земной шаръ; ниже ихъ архангелы: Гавріиль, Рафаиль, Уріиль, Салавіиль, Іегудіиль, Варахіяиль и Іереміиль; изображенія 12 апостоловъ между окнами фонаря переписаны на-ново.

Между тѣмъ изъ описанія путешествія антиохійскаго патріарха Іоакима, посѣщавшаго Кіевъ въ 1653 году, извѣстнымъ стало, что весь куполь кіево-софійскаго собора былъ мозаическій, и что въ половинѣ XVII вѣка въ немъ были изображены: Господь Вседержитель съ ангелами и 12 апостолами и по угламъ (на парусахъ) 4 евангелиста. «Все это, пишетъ спутникъ патріарха діаконъ Павелъ, украшено царственною мозаикой, золотистою, съ удивительными узорами, съ греческими надписями, точно также, какъ и 4 арки, на которыхъ лежатъ куполь»¹⁾.

Когда и кѣмъ въ первый разъ замалеваны эти мозаики, итъ извѣстій; князь Голицынъ въ своемъ путешествіи по южной Россіи въ 1807-мъ году пишетъ, что онъ ихъ видѣлъ и ими восхищался. Къ сожалѣнію онъ не наименовалъ изображеній, видѣнныхъ имъ въ куполѣ, такъ что остается сомнѣніе, не относятся-ли его слова только къ мозаическимъ изображеніямъ евангелистовъ на парусахъ и мучениковъ на алтарныхъ аркахъ, между тѣмъ какъ въ куполѣ могли быть уже живописныя изображенія, сдѣланныя раньше, быть можетъ, еще въ 1718 г., при росписаніи стѣнъ собора масляными изображеніями на мѣстахъ бывшихъ здѣсь, но збѣвленныхъ фресокъ.

При высотѣ соборнаго купола до 12 саженой, отъ церковнаго пола трудно было разсмотрѣть, что скрывается подъ масляной живописью купола; видна была только перехватая поверхность этой живописи и шляпки гвоздей, которыми прикрѣплена древняя штукатурка; но изъ этого можно было заключать только о томъ, что древній куполь уцѣлѣлъ, а не устроены мновъ м. Петроуъ Могилоу, какъ полагали нѣкоторые. Случайное обстоятельство не только утвердило съ несомнѣностію это предположеніе, но удостоверило, что подъ нѣсколькими слоями позднѣйшей живописи сохранились первоначальныя мозаическія изображенія времешь Дрослава. Въ на-

¹⁾ Это мѣсто въ описаніи путешествія патріарха Манарія, оставленное англійскимъ издателемъ въ арабскомъ подлинникѣ, безъ перевода на англійскій языкъ, переведено для насъ съ арабскаго, при посредствѣ А. Н. Муравьева, первымъ драгоманомъ русскаго посольства въ Константинополь г. Ону, въ бытность его въ Кіевѣ.

стоящее лѣто, въ первый разъ со времени обновленія собора въ 1843—45 г., приступлено было къ промывкѣ стѣнной живописи. Устроенныя для этой цѣли подмости дали возможность осмотрѣть ближе внутренность главнаго соборнаго купола. Первымъ проникъ туда завѣдывающій въ настоящее время обновленіемъ фресковой живописи въ главной церкви б. кіево-кирилловскаго монастыря, профессоръ изящныхъ искусствъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ А. В. Праховъ, и его сколько просвѣщенный, столько и опытный глазъ привелъ къ предположенію, что подъ малярской живописью этого купола и его позолотой должны скрываться остатки древней мозаики. Дальнѣйшее тщательное изслѣдованіе купола и осторожная прочистка позднѣйшихъ наслоеній въ разныхъ частяхъ выпѣшинныхъ изображеній вполне подтвердили первоначальную догадку г. Прахова. Древнія мозаическія изображенія оказались во всемъ почти куполѣ, а именно: въ центрѣ купола, въ кругѣ, Господь Вседержитель, поясное изображеніе съ сохранившимися по сторонамъ буквами С и Х; ниже его одинъ цѣльный ангелъ, правѣе его часть другаго ангела; ниже ихъ въ двухъ пролетахъ между окнами два апостола, сохранившіеся приблизительно отъ пояса вверхъ, и надъ однимъ изъ нихъ явственная надпись. Замѣчено притомъ, что новѣйшая живопись не слѣдуетъ древней мозаической. Въ виду столь богатаго неожиданнаго открытія, произведеть вновь осмотръ купола членами церковно-археологическаго общества при кіевской духовной академіи, совмѣстно съ г. Праховымъ и архитекторами—губернскимъ и епархіальнымъ. Церковно-археологическое общество не нашло никакихъ препятствій къ очисткѣ древнихъ мозаическихъ изображеній отъ слоевъ масляной живописи и къ росписанію прочихъ частей согласно съ сохранившимися мозаическими. Постановленіе о семъ общества утверждено высокопреосв. митрополитомъ кіевскимъ Платономъ 20 іюля, и тогда приступлено къ полной очисткѣ древней мозаики подъ руководствомъ проф. Прахова. Открыто уже вполне изображеніе Господа Вседержителя и ангела, съ величественными, идущими до самыхъ ногъ крыльями; оказалось, что оно сохранилось какъ нельзя лучше, во всей цѣльности и свѣжести цвѣтовъ. Сверхъ того, когда очищено отъ слоевъ масляной живописи цѣльное изображеніе пророка Софоніи выше линии иконостаса, на лѣвой отъ зрителя стѣнѣ алтарной дуги, поддерживающей куполь, то подъ

нимъ оказалось мозаическое изображеніе ветхозавѣтнаго Аарона въ первосвященнической одеждѣ, убранной камнями, съ мозаическою надписью: *ὁ ἅγιος Ααρων*. Такимъ образомъ вскорѣ можно будетъ видѣть главный куполь древнѣйшаго нашего собора въ томъ видѣ, какъ оставилъ его присвопомытный храмоздатель Ярославъ.

П. Л—въ.

ОТРЫВОЧНЫЯ ЗАМѢТКИ О ЗАПОРОЖСКОЙ СТАРИНѢ.

Встрѣчая въ «Кіевской Старинѣ» время отъ времени снимки старыхъ рисунковъ нашихъ маляровъ прошлаго столѣтія, не можемъ не выразить желанія, чтобы на ея страницы какъ нибудь попали дорогія изображенія, находяціяся въ запорожской покровской церкви, что въ Никополѣ (Микитиномъ перевозѣ).

Церковь эта стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пристани и конторы агентства російскаго общества пароходства и торговли. Когда пароходъ дѣлаетъ здѣсь стоянку, путешественнику нельзя отказать себѣ въ удовольствіи любопытства увидѣть своими глазами то, что сохранила церковь изъ запорожской древности. О евангеліи, въ одной серебряной оправѣ котораго 28 фунтовъ и внѣшность котораго вмѣстѣ съ другими вещами была описана священникомъ церкви въ «Запискахъ общества исторіи и древностей» 1865 г., всѣ знаютъ и говорятъ, какъ о восьмомъ чудѣ; громадныя буквы печати этого евангелія также извѣстны всѣмъ никопольскимъ жителямъ. Меньше или совсѣмъ ничего не говорятъ они о другихъ рѣдкостяхъ, о которыхъ (увидѣвши ихъ благодаря любезности священника) спѣшу сообщить читателямъ «Кіевской старинны». Интересна тутъ и плащаница съ надписью: «Сія плащаница раба Божія Іоанна Гаркуши, курся Тимощевскаго»; интересна и кружка, облеенная монетами 1592, 1593, 1594, 1595, 1596, 1598 и 1600 годовъ; интересна и большая золотая медаль, пожалованная императрицею Екатериною II «войска запорожскаго полковнику Коленкѣ за отлично храброе противу непріятели поступки», какъ отчеканено на ней; интересна, наконецъ, и «таблица» изъ серебра съ крестомъ по срединѣ и съ надписями: «у семь крестѣ животворящее древо», а также: «сія таблица до храму Покрова

Пресвятыя Богородицы сооружена коштомъ всего войска запорожского, а старавіемъ ктитора Павла за атамана кошового Павла Ковалицкого 1747 (?) году, мѣся октоврѣя 2 дня. Вѣсу во всей 8 фу: 70 зо: 57».

Но наше вниманіе больше всего привлекала икона Покрова Божіей Матери, въ верхней части которой палѣво отъ Божіей Матери изображенъ свѣтитель Христовъ Николай, а направо архангелъ Михаилъ. Подъ послѣдними двумя фигурами внизу изображены двѣ группы запорожцевъ въ полной ихъ парадной одеждѣ. Глаза ихъ по правиламъ средневѣковой иконописи обращены къ Божіей Матери; отъ устъ одного изъ нихъ тянется лента вверхъ къ изображенію Богородицы, и на этой лентѣ написано: «молимъ, покрій насъ честнымъ твоимъ покровомъ и избави насъ отъ всякого зла». Если не вся эта икона во всемъ цѣломъ, то по крайней мѣрѣ группы запорожцевъ могли бы быть сфотографированы для ознакомленія любителей старины или съ одеждою запорожцевъ, или со способомъ иконописи на Запорожьи.

Также стоило бы распространить между любителями мѣстныхъ древностей портреты двухъ братьевъ ктиторовъ никольской покровской церкви, оригиналы которыхъ, кажется, находятся въ одесскомъ музеѣ древностей, и на которыхъ двѣ одинаковыя надписи (съ переменною только имевъ) гласятъ: «сей патреть свято съ ктитора Ивала Шыяна и поставлешъ здѣсь при томъ мѣстѣ, гдѣ труда его всему сообществу на иконостасѣ видни. 1784 года, января 9 числа».

Ничто лучше не переноситъ насъ въ эпоху минувшую, какъ вѣрное изображеніе рисунка тогдашняго времени, и намъ кажется, желаніе наше о воспроизведеніи нѣкоторыхъ изъ никопольскихъ древностей заслуживаетъ вниманія нашихъ мѣстныхъ художниковъ.

Запорожскія церкви по большей части воздвигнуты во имя Покрова Пресвятыя Богородицы; въ екатеринославской и херсонской губерніяхъ есть много мѣстечекъ и сель, носящихъ имя покровскихъ: во всѣхъ ихъ найдете церковь Покрова Божіей Матери, по главной иконѣ которой смѣло можно опредѣлить, кто былъ строителемъ церкви, а слѣдовательно и основателемъ поселенія. Интересно то, что нѣкоторыя церкви замаскировали свое происхожденіе, измѣнивъ свой храмовой праздникъ и названіе. Такъ

единственная¹⁾ до сихъ поръ церковь въ г. Ольвѣопольѣ (по народному—Орликѣ, а по старымъ документамъ—Орловскомъ шанцѣ) носить названіе варваринской. Перебирая старыя книги архива этой церкви, намъ случилось замѣтить на метрической книгѣ 1772 года надписи о томъ, что эта церковь—покровская. Метрики же 90-хъ годовъ уже называютъ ее варваринскою; священникъ, недавно поступившій на приходъ въ эту церковь, не могъ объяснить, когда она была переименована изъ покровской въ честь св. великомученицы Варвары. Такъ называемая «церковная летопись», по обыкновенію, состояла изъ книги съ чистыми листами, на первой страницѣ которой написано лишь оглавленіе того содержанія, какое должно бы было попасть въ эту книгу. Но вѣрность записи въ метрической книгѣ подтверждаетъ еще и то обстоятельство, что самая верхняя икона надъ царскими вратами, и, кажется, самая ветхая, есть икона Покрова Пресвятыя Богородицы съ типическими зеленымъ и краснымъ цвѣтомъ одѣянія.

Такую же икону намъ пришлось видѣть въ старой (предназначенной къ закрытію) церкви, построенной Анастасіемъ Колпакомъ въ с. Анастасевкѣ, новомосковского уѣзда, екатеринославской губерніи. Эта церковь, замѣчательная по своей архитектурѣ, напоминающей новомосковскій соборъ того-же строителя, позже уже называлась церковью Успенія. Что она давно была переименована, показываютъ надписи на одной изъ старыхъ, сохранившихся въ ризѣ чашъ: «1780 году мѣсяца октября 16 дня сия чаша сооружена рабомъ Божиимъ Василіемъ Бѣлымъ в слободу Анастасевку до храма Успенія».

Намъ кажется, что еслибы кто нибудь занялся разборомъ названій церквей по описаніямъ епархій екатеринославской и херсонской, то уже изъ самыхъ названій могъ бы извлечь довольно указаній относительно того, гдѣ жилали какіе запорожцы; труды гг. Скальковского и Эварницкаго по исторіи Запорожья могли бы служить путеводною нитью при такомъ сводѣ пунктовъ, населенныхъ запорожцами. Если мало осталось письменныхъ документовъ отъ жизни и быта запорожцевъ, то и другіе памятники, указывающіе на ихъ присутствіе, также слѣдовало бы привести въ извѣст-

¹⁾ Другая церковь въ этомъ городѣ теперь лишь строится.

ность. Ниже Вознесенска напр., неподалеку отъ м. Покровскаго, Ананьевскаго уѣзда, на кладбищѣ с. Михайловки надъ Бугомъ находится каменный крестъ съ надписью: «Здѣ опочиваетъ рабъ Божій козакъ вѣска бывшаго запорожскаго низоваго, курныя уманьскаго, Антонъ Кременецкій: преставился 1723 года, апрѣля дня 2. Сей крестъ сооружилъ сынъ его, подполковникъ Кременецкій».

Такихъ памятниковъ тоже слѣдовало бы поискать и составить и имъ списокъ по мѣстности, гдѣ они находятся.

А—въ

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СВЯЩЕННИКА О ЖИЗНИ И СЛУЖБѢ ВЪ ВОЕННОМЪ ПОСЕЛЕНІИ.

Мудреное измышленіе приснопамятнаго Аракчсва, въ предѣлахъ великаго Нова-города извѣстное подъ названіемъ поселенія пахатныхъ солдатъ, а у насъ—на югѣ процвѣтавшее, подъ водительствомъ графа отъ поселеній Никитина, подъ наименованіемъ военнаго поселенія, мрачнымъ пятномъ легло на страницахъ бытовой исторіи нашего народа, и исчезло, какъ и появилось, мало для кого примѣтно, какъ явленіе исключительное, оставивъ въ близко знавшихъ оное одни тяжкія думы да грустныя воспоминанія.

Мнѣ Господь судилъ близко познакомиться съ поселеніемъ еще съ самыхъ раннихъ лѣтъ дѣтства. Отецъ мой священствовалъ въ поселеніи. Поселеніе и зашло его,—тихаго, безотвѣтнаго; умеръ онъ, когда ему исполнилось едва 54 года отъ роду, осиротивъ семью беспомощную, безпріютную.

Относиться ко всѣмъ и ко всему безсердечно и безучастно, жить въ свое удовольствіе, да власть свою являть, не стѣняясь, было неотъемлемою доблестію болѣе части дѣятелей поселенія. Впрочемъ чего и ждать отъ такихъ лицъ, какими въ большинствѣ запружалось это, воистину несчастное, поселеніе, и гдѣ разумные и добрые дѣятели являлись какъ-то нечаянно, точно по ошибкѣ, и изрѣдка, какъ счастливые дни въ жизни человѣка. Кто-то сказалъ, и не думаемъ, чтобы правду сказалъ: «негодится человѣкъ никуда,—въ поны его». Вотъ о множествѣ служившихъ въ поселеніи со всею справедливостію можно было сказать: непригоденъ человѣкъ ни къ чему въ военной службѣ,—въ поселеніе его.

И кого только не видѣло въ своемъ начальствѣ покойное поселеніе! Тутъ были и генералы отъ тевтоповъ, которымъ-бы въ пору поварами быть въ родномъ фатерландѣ; тутъ и маіоры и ротмистры или изъ той-же, всюду проказящей, нѣмецкой фракціи, или же отъ бурбоновъ, выросшихъ и воспитавшихся на палкахъ, и жившихъ и дышавшихъ только палками и палками; тутъ и вахмистры и ефрейторы часто отъ *насилъ*, успѣвавшіе и командирамъ угождать и себя не забывать. Точно въ калейдоскопѣ проходятъ въ воспоминаніяхъ эти лица, часто и совсѣмъ неумѣвшія различать православія отъ кривославія, а то и прямые ненавистники православія, гордые своимъ свободомысліемъ лютеране, съ презрѣніемъ относившіеся къ православной церкви и духовенству, и однакоже не только имѣвшіе вліяніе на ту и другое, но и бывшіе прямыми, непосредственными отцами-командирами церкви и духовенства военно-поселенскаго. Архипастыри православнаго, господствующимъ называемаго, исповѣданія въ отношеніи поселенія были въ роли только страдательной. Они должны были лишь рукополагать сюда тѣхъ, кого имъ уважутъ, назначать на мѣсто, кого представляютъ, удалять, не разсуждая, кого скажутъ удалить. Не только вся отчетность церковная въ поселеніи шла исключительно въ округа и штабы поселеній, но даже клировыхъ вѣдомостей о служащихъ въ поселеніи причтахъ нельзя было найти у преосвященныхъ архипастырей. Говорю это по личному опыту. Священно и церковно служители, по взгляду и порядкамъ военно-поселенскаго начальства, были тѣже пахатные солдаты, также на смотры являлись, также, какъ и солдаты, солдатскій паекъ и жалованье въ солдатскомъ размѣрѣ отъ окружныхъ казначеевъ получали. Случалось иной разъ годоваго оклада священнику поселенія 9 рублей! Выше и ниже сего дать зависѣло вполне отъ отцевъ-командировъ, не только снабжавшихъ церкви свѣчами по счету, а не по вѣсу, но и забиравшихъ въ свои руки всѣ рѣшительно церковныя доходы. Церковь могла удержать у себя всего три-шесть рублей, да и тѣ на уплату за выдаваемыя счетовъ свѣчи для продажи. Въ предотвращеніе за купки старостами свѣчь на сторонѣ, каждая церковь снабжена была образцами свѣчь разной величины, изъ коихъ каждая была прошнурована, и ярлыкъ на шнуркѣ скрѣпленъ казенной печатью и подписью отца-командира. Безъ его воли нельзя было ничего ни

сдѣлать, ни предпринять по церкви и приходу. Мнѣ однажды сдѣланъ былъ строжайшій выговоръ за то, что я осмѣлился безъ воли начальства употребить 9 руб. церковныхъ денегъ на устройство жестяной купели для крещенія младенцевъ, и о моей необычайной дерзости публиковалось по всему мѣстному военному поселенію.

Самою главною тяжестію для насъ священниковъ, источникомъ всѣхъ нашихъ болѣзней и трудовъ была обширность приходовъ. Проектъ соединенія приходовъ, проведенный въ позднѣйшее время повсемѣстно, какъ нѣчто новое, благотѣльное, давно уже зрѣлъ въ мозгахъ учредителей приходовъ, на военномъ положеніи состоявшихъ, и пока созрѣлъ въ головахъ позднѣйшихъ благотѣтелей русской церкви и православнаго народа, уже успѣлъ здѣсь и плоды горькіе принести, плоды, истребить которые такъ трудно нынѣ бѣднымъ и безпомощнымъ дѣлателямъ на духовной нивѣ бывшихъ военныхъ поселеній.

Чего только не приходилось переиспытать, чтобы удовлетворить исѣмъ нуждамъ многочисленныхъ прихожанъ въ самостоятельномъ и приписномъ приходѣ и не подавать повода къ какимъ либо замѣчаніямъ и выговорамъ со стороны взыскательнаго и придирчиваго начальства!

Случалось, отправляясь въ приписной приходъ, не разъ вываливаться изъ сапегъ на окаменѣвшія отъ сильнаго мороза громадные кочки, разбивать грудь и бока и потомъ приступать къ совершенію литургіи; случалось цѣлый день ѣхать туда и обратно только ради нацутствованія больной женщины и въ вознагражденіе за это получать три копѣйки, половину изъ которыхъ слѣдовало выдѣлать сиротамъ; случалось до поздняго вечера тянуться медленнымъ шагомъ, съ постоянными остановками, по невылазной грязи для отпѣванія умершаго, родные котораго, отчаявшись въ моемъ пріѣздѣ, рѣшились покойника сами погребсти. Помню, однажды въ воскресный день, совершивъ литургію, я, не отдыхая и не подкрѣпляя себя пищею, цѣлый день до сумерекъ переходилъ изъ дома въ домъ, тамъ нацутствуя умирающаго, тамъ елосвященіе совершая, тамъ воду освящая и под. Крестыяне привыкли жить по командѣ и всѣ свои нужды духовныя приурочивать къ праздникамъ, а въ приходахъ, куда священникъ только наѣзжаетъ, поневолѣ все собирается къ его пріѣзду. Но силѣ-ли священника все одновременно постести

и всёхъ удивить, о томъ и разсужденій не бывало; отцы командиры задохли себя, что приходы должны быть по возможности равномѣрны и непременно не меньше 1000 душъ мужскаго пола. Нужно въ тому-же въ шеренгу, по военной выправкѣ, дома перестроить, чтобы, какъ солдаты, нога въ ногу стояли, а тутъ иное древнее село растянулось по какимъ то невозможнымъ крутояркамъ. И вотъ, частію по этой причинѣ, а частію ради уравниня приходовъ, пришла прииска, а то и ложка селъ. И согнаны бѣдные крестьяне съ роднаго пенелница, бросили дорогія могилы, оставили среди пустыря родной храмъ, при которомъ родились и крестились, въ которомъ изливали скорбь свою въ молитвѣ къ Господу. Еще есть, надбось, многіе, живо помнящіе, какими горькими слезами орошалось тогда родное пенелнице. Найдутся и такіе, которымъ пробдохъ случалось встрѣчать одинокую почернѣвшую церковь, справно какъ то и сиротливо стоявшую среди кругомъ распаханнаго поля. Точно ураганъ пролетѣлъ тутъ и снесъ все село, или орда татаръ пронеслась вокругъ пустыря: церковь ободрана, окна выбиты, иконостасъ испачканъ пріютившеюся въ бывшемъ святѣлицѣ птицей. И живо помню одну такую церковь и съ натуры живу. Вчужь болью сжимается сердце, а каково-же было тѣмъ, кому церковь такая родною и близкою была?

Чтобы не быть голословнымъ въ томъ, что я говорилъ выше о крайней зависмости священниковъ въ военныхъ поселеніяхъ отъ ихъ командировъ, и показать, до какой мелочности доходили притязанія этихъ послѣднихъ къ церкви и духовенству, приведу въ заключеніе не нарочно вмискашый, но случайно попавшій подъ руку документъ позднѣйшаго времени. Вотъ онъ отъ слова до слова.

Знаестная Расправа 5-й волости 1-го округа нѣво-подольскаго военнаго поселенія.

Приходскому священнику м. Соколовки Виктору Мервянскому.

Въ послѣдствіе отзывовъ сѣй расправы отъ 16-го марта и 10-го апрѣля за № 214 и 302, оная вновь просить ваше прендобіе сообщить ей слѣдующія свѣдѣнія о церковныхъ деньгахъ, поступившихъ въ семь году въ пользу соколовской церкви, именно: въ январѣ о приходѣ 2 руб.—списошь пожертвователямъ; о расходѣ этихъ денегъ на покупку одного пуда крупчестой муки 1-го сорта, для

просфиръ—приговоръ общества; въ февралѣ о приходѣ 1 руб. и о расходѣ его на покупку 20 фунтовъ 1-го сорта муки для просфиръ—приговоръ общества; въ мартѣ о приходѣ 36 руб.—списокъ пожертвователямъ и о расходѣ изъ нихъ 1 руб. на муку 20 фунтовъ 1-го сорта—приговоръ общества; въ апрѣлѣ о приходѣ 2 руб. списокъ и о расходѣ ихъ на покупку муки одного пуда приговоръ общества; въ маѣ о приходѣ 1 руб. списокъ и о расходѣ его на 20 фунтовъ муки 1-го сорта приговоръ общества.—Свѣдѣнія эти, т. е. списки и приговоры препроводить въ двухъ экземплярахъ; списки за вашимъ подписомъ, а приговоры—вашимъ, сельскаго и церковнаго старосты; свѣдѣнія выше поясненныя крайне необходимы: одинъ экземпляръ для представленія начальнику округа, а одинъ справѣ для приложенія документами къ книгамъ окружнаго управленія и справы, на этотъ предметъ заведеннымъ.

8 іюня 1861 г., № 565.

С. Маньковка.

Начальникъ волости майоръ Шевченко.

Волостный голова Иванъ Хованъ.

Волостный писарь Яненко.

И это было послѣ 1858 г., когда военные поселенія считались въ принципѣ упраздненными и доживали свой вѣкъ въ состояніи переходномъ, когда прежніе порядки измѣнялись и дисциплина военная совсѣмъ ослабла. Что же могло быть во время самаго такъ сказать террора военно-поселенческой власти?

Св. Пр. Павловичъ.

ВЕЛИКІЙ ГРѢШНИКЪ.

(Сказка).

Іерархическая лѣстница угнетателей народныхъ въ періодъ крѣпостнаго права имѣла много степеней. Вершину ея занималъ ясневельможный и просто вельможный панъ—помѣщикъ, или дѣдичъ, средину—масса пановъ и подпанковъ въ равныхъ чинахъ и должностяхъ, начиная отъ жондцы и кончая подписаремъ, на самыхъ визшихъ ступеняхъ стояли: *отаманы*, *осаулы* и *сипаки*. Это были полицейскіе слуги помѣщиковъ и довѣренныхъ отъ нихъ лицъ; они

объявляли распоряженія пана, дѣлали наряды на ту или другую работу, наблюдали надъ выполненіемъ ихъ и исправностью рабочихъ, производили секуцію, по распоряженію пана, а иногда и личную расправу надъ провинившимся. Специальность «сипакъ» состояла въ томъ, что они каждый день съ вечера, а повторительно и раннямъ утромъ обходили все село и подъ окнами каждой крестьянской хаты объявляли заказъ на работу слѣдующаго дня, выкликавъ громко имя рабочаго, названіе и мѣсто работы. Въ глухую полночь, когда все село обято было мертвымъ сномъ, и съ ранней утренней зарей до восхода солнца раздавались то въ томъ, то въ другомъ концѣ села ихъ свирѣлые голоса: «Грицько, Иване, Степане, Палажко, Оксано, или: молодыци, парубки, хлопьята, выходьте завтра на папщину» туда-то, то-то и то-то дѣлать, съ такими-то инструментами и принадлежностями. «Та рано выходьте, прибавлялъ иной, бо будете быти». Сипаки-же, вмѣстѣ съ сотскими, были исполнителями всевозможныхъ истязаній и наказаній, какимъ подвергали паны и подпаны неустанно работавшихъ людей за всякія неисправности, промедленія, упущенія и другіе проступки и вины. Отаманы, осаулы и сипаки набирались всегда изъ крестьянъ: освобождаемые за свою службу отъ всякихъ другихъ работъ, получая провизію, иногда и жалованье и отвѣчая собственною спиною за всякое послабленіе и недосмотръ, они волей или неволей становились сторонниками пановъ и ближайшими непосредственными гонителями и мучителями народными. Такъ и смотрѣли на нихъ народъ, осылая ихъ проклятіями; въ глазахъ народа они являлись измѣнниками общимъ интересамъ, людьми отверженными. Онъ выразилъ это въ многочисленныхъ своихъ пѣсняхъ, сказкахъ и присказкахъ. Нѣкоторыя пѣсни цѣлкомъ посвящены тому или другому изъ этихъ мучителей народныхъ, какъ извѣстная пѣсня: *Нитомо-жъ менѣ не докучивозъ, якъ той осаула*. Въ помѣщаемой сказкѣ воспроизведенъ *сипака*. Въ народномъ языкѣ не было и нѣтъ презрѣннѣе этого имени, какъ и самой профессіи; это извергъ, кровопийца, палачъ. Производимыя имъ ежедневно истязанія въ народномъ представленіи кажутся преступленіемъ болѣе тяжкимъ, нежели разбойничество по профессіи, сопровождаемое цѣлымъ рядомъ убійствъ. Такой именно разбойникъ въ сказкѣ осуждается духовникомъ носить на себѣ двѣнадцать тяжелыхъ камней, которыхъ онъ ника-

кими силами не можетъ снять съ себя, доколѣбъ какимъ либо особымъ подвигомъ не загладитъ своихъ грѣховъ. Переходя съ мѣста на мѣсто въ теченіи лѣтъ пяти, онъ помираетъ ночью на кладбище. Туда-же съ пьяныхъ глазъ, по окончаніи дневныхъ истязаній и жестоко напившись, забрелъ «сипака» и сталъ нарушать покой мертвыхъ, воображая, что выгоняетъ спящихъ крестьянъ на панцину. Разбойникъ, который и въ самомъ злодѣйствѣ своемъ не отдѣляется отъ народа и является мстителемъ за его страданія, возмущается такимъ наругательствомъ сипака надъ мертвыми и убиваетъ его; мгновенно спадаютъ съ него камни, и духовникъ объявляетъ ему, что грѣхи его отпущены, тяжкія вины его заглажены вѣдъ Богомъ убійствомъ народнаго палача. Палачъ неповиннаго народа по народному представленію и есть тотъ великій, точнѣе величайшій грѣшникъ, котораго именемъ озаглавлена предлагаемая сказка; ибо призывая мертвыхъ изъ гробовъ на панскую работу, онъ переноситъ земныя его страданія въ загробную жизнь, лишая его послѣднато утѣшенія, подаваемого религіею, надежды вѣчнаго упокоенія за временныя скорби и мученія.

Великій грѣшникъ.

Бувъ собі розбийникъ—розбивавъ все людей. Бивъ, бивъ вже, може, годивъ дванадцать. Отто иде разъ полемъ; дивиться, блищить огонь. «Мабуть чумаки, дума; паду, побиваю ихъ, заберу рыбу, силь». Приходить, ажъ дивиться, мала дитина скака черезъ огонь и говоре: «Це тобі Боже, а це мени Боже, це тобі Боже, а це мени Боже». Вишь и пита: «Хто ты такий»? Мовчить. «Отзывайся, каже, бо вбью». Воно за третимъ разомъ и каже: «Не бий мене, я великій грѣшникъ». «Що-жь ты тутъ робить?» «Богу молюсь». «Який же ты великій грѣшникъ? Я зъ вечера уродився, о пивночи хрестився, до свита вмеръ и поховали». «Чимъ же ты грѣшний, якъ ты зъ вечера уродився, въ пивночи хрестився, а до свиту вмеръ и поховали?» пита розбийникъ, а воно ему каже: «Мати, каже, родила и кровь проливала, черезъ то я великій грѣшникъ». «Ну, якъ же ты такий великій грѣшникъ, то, значить, я тысячу на тысячу разъ грѣшнѣйшій отъ тебе; скачи-жь ты тутъ и молись собі Богу, а я иду до батюшки, нехай покуту пакине, щобъ я спокуювавъ грѣхи».

Прыйшовъ до батюшки, поздравувався. «Хочу, говорить, открыть вамъ, батюшко, грихи; такъ и такъ—я дванадцать годивъ убивавъ людей, розбивавъ, а теперъ прыйшовъ, щобъ ви спасли мою душу отъ грихивъ». Отъ батюшка взявъ и поначеплювавъ ему дванадцять кампивъ. «Носи-жь, каже, ци камши, поки не отпадутъ, а якъ отпадутъ, то тоди и грихи твои отпадутъ». Носе тай носе, носе тай носе винъ ти камши—годиръ вже може съ пьять; вже отто мотузки повризувались въ тило, бо скривъ поначеплявъ впоперекъ и скривъ. Вже не здужае розбийникъ ходять. «Мабуть, каже, умру зъ цыми кампнями». Ходе винъ день и ничъ, все ходе; каже: «або вмру, або спокують грихъ, пиду въ ночи, куды очи; може ще ноччу отпадутъ». Иде, ажъ чуе, десь гамъ и крикъ: «пиду туды, дума, подивлюсь; все одно вмирать, разъ мати народила, разъ и вмирать». Приходить на кладовище, ажъ тамъ сивака пьилый: панився, ганявъ, ганявъ людей на сели на налицю, прыйшовъ ще и мертвихъ калашматить. «А вставайте, кричить, таки-сяки души, деки лежать будете, идить на роботу!» та налицею стукъ, стукъ. «А ти чого? заганявъ живихъ, та ще и мертвихъ прыйшов!» Та давай битися; завелась—той того бье, той того, той того, а той того. Цей того якъ жарне кампнямъ, тай убивъ, а каминня й по-отпадало. «Що мени теперъ робить?» дума соби розбийникъ; чинляе кампи, отпадають. «Що его робить? пиду, дума, до батюшки; вишь мени скаже, що робить». Приходе. Такъ и такъ каже: «що мени робить?» «Ну, оттожь», каже батюшка, «отпали отъ тебе твои грихи, та перешли на его; винъ ще грихнѣишій отъ тебе».

Чигиринскій уѣздъ,
с. Лебединь.

Мих. Васильевъ.

ПОПРАВКА КЪ НАДПИСИ НА ИКОНѢ ВЪ СЕЛѢ ЖУКАХѢ.

Въ «Кіевской Старинѣ» 1883 года, за мартъ мѣсяць, была помѣщена замѣтка подъ заглавіемъ: «*Стихотворный памятникъ нашествію шведовъ на Украину*» (стр. 688—689). Не имѣя никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что стихи эти дѣйствительно святы покойнымъ профессоромъ Ставровскимъ, какъ свидѣтельству его сынъ, замѣчу однако, что они воспроизведены не съ

палеографическою точностью; нѣкоторые даже совсѣмъ выпущены, а другіе хотя и существуютъ, но во многомъ не сходны съ подлинными. Имѣвъ случай побывать недавно въ с. Жукахъ (въ разстояніи 10 верстъ отъ Полтавы), я снялъ точную копію этихъ стиховъ (разставивъ лишь знаки препинанія), которую и прошу помѣстить на страницахъ «Кіевской Старины».

Въ пещелѣ забвенія все часъ погрѣбаешь,
 О чesомъ вамъ писаніе не возвѣщаетъ.
 Сего ради судихомъ въ память написать,
 Кто и когда сей образъ дерзнулъ обругати?
 Недостовнъ имени добраго Мазепы,
 Ивашко прлшедь отъ адскаго заклепа.
 Той, оставивъ Господня христа всероссійска,
 Петра Великаго, той самъ короля Свѣйска
 Приведе съ оружіемъ въ Россію малую,
 Имѣя въ сердцѣ своемъ, коварный, мысль злую.
 О кто исповѣсть тогда пролитія крови,
 Бѣды, страхъ, гоненія и ужасъ суровый!
 Лютры церкви святыя въ турмы превращаху,
 Подножіе и дамы съ иконъ сочиняху;
 Съ иконъ подыгнѣти котлакъ и до грубъ иконы,
 Съ иконъ, увы, помости дѣлали подъ коня.
 Тогда и та икона пострада святая,
 Юже въ дамы пречерта рука проклятая.
 Ликуй убо, стадо красно Христово,
 Имѣя другахъ святыхъ начертанныхъ ново,
 Патріарха съ пророкомъ: тѣя своя равны
 Предлагающе Богу, сохранять отъ брани
 Благочестиво царство, а императору
 Всероссійскому Петру, на земли и морю,
 Способствовать будутъ во всяческомъ дѣлѣ,
 Соблюдая здравіе его всегда въ цѣлѣ.
 Того врагамъ каменемъ пророкъ сотреть главу,
 Дѣствицею Іаковъ поведесть и въ славу.

На дерзость проклятую еретическую митрамма.

Звѣри устыдѣшася въ ровѣ Даниїла,
 Ісавля патріарху ярость уступила.
 Надъ звѣрей лютейшия и паче Ісавы
 На образѣ семъ зрѣтя еретииковъ справа.

На другой сторонѣ этой иконы есть надпись тѣмъ же почеркомъ, которымъ писаны и стихи: «сія икона святая пострадала вачертаніе отъ лютровъ и еретиковъ свѣйскихъ року 1709».

Икона эта деревянная, овальной формы, длиною 12, шириною 9 вершковъ, въ настоящее время прибита въ стѣнѣ подлѣ праваго клироса жуковской покровской церкви, а подъ нею на холстѣ въ рамкѣ находятся вышеприведенная надпись и эпиграмма.

Сообщ. В. Е. Бучневичъ.

МЪРЫ ПРОТИВЪ ВЕЧЕРНИЦЪ И КУЛАЧНЫХЪ БОЕВЪ ВЪ МАЛОРОССІИ.

Въ архивѣ одной изъ сельскихъ церквей полтавской губерніи найденъ нами указъ кievской духовной консисторіи (1719 г.) подвѣдомственному ей духовенству, показывающей, какія мѣры принимались тогда къ исправленію народной нравственности въ Малороссіи, а придуманы онѣ главнымъ образомъ въ видахъ отвращенія приближавшейся и потомъ дѣйствительно появившейся моровой язвы, какъ показываетъ другой найденный нами тамъ-же и подъ тою-же почти датою указъ, специально направленный противъ мороваго повѣтрія. Набожные люди того времени ставили въ непосредственную зависимость общественныя бѣдствія отъ общественныхъ пороковъ и первыя считали прямымъ наказаніемъ за послѣднія. Въ настоящемъ указѣ достойно особаго вниманія то, что къ числу общественныхъ и самыхъ тяжкихъ пороковъ отнесены извѣстныя всякому малороссіянину *вечерницы*, т. е. устраиваемые испоконъ вѣка по селамъ собранія молодыхъ людей обоаго пола, на которыхъ проводятъ они время въ веселыхъ разговорахъ, преимущественно-же въ пѣніи пѣсень. Тогдашніе правители духовные и свѣтскіе были плохіе этнографы и видѣли въ вечерницахъ величайшее зло, гнѣздилище и источникъ нравственной заразы и преступленій. Позднѣйшія изслѣдованія удостовѣрили до очевидности, что *вечерницы* самыя невинныя собранія, замѣняющія для сельской молодежи все, что придумано для лицъ другихъ классовъ подъ названіемъ всякаго рода собраній, баловъ и вечеровъ, что даже оставаясь почевать вдвоемъ, малорусскій парубокъ и дѣвчина не нарушаютъ границъ невиннаго и дозволеннаго и что всякіе «блудніе грѣхи», упо-

минаемые въ указѣ, происходятъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, независимо и помимо собраній. Указъ любопытенъ и по многимъ другимъ бытовымъ особенностямъ и мы приводимъ его цѣликомъ.

Въ року 1719. Всѣмъ обще духовного и мирскаго чина людямъ, началецующимъ и подначальнымъ, а особливе пречестнымъ отцемъ протопопамъ миргородскому, гадяцкому, оношанскому, полтавскому, кобеляцкому, честнымъ отцемъ намѣстникамъ, иереамъ и всему причту освященному, где кому о томъ вѣдати надлежитъ, Божїа благословенїя отъ превысочайшаго архїепископа, прошедшаго небеса Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа узичивши, извѣстно творимъ, ижъ зашолъ къ намъ въ сей консисторїумъ митрополитанской власти духовкой премошной ясне велиможного его млтїи наша тетмана, по указу его священнѣйшаго царскаго величества унїверсаль, повелѣвающїй, дабы везде по городахъ, мѣстечкахъ, и селахъ малоросїйскихъ конерестали богомерзскихъ молодыхъ людей зборища на вулачьи, Богу и человѣкомъ ненавистные гулянія, прозываемыя вечерницы, на которые многие люди молодые и неовстягливые отъ родителей своихъ, мужеска и женска полу, дѣти по ночамъ кучами собираючися, несповѣдныя безчинїа и мерзскїя безаконїа творять, справуючи себѣ игри, танци и всякїе прїятїи скверная и воздухъ оскверняющая пѣсней восклицанїи и козлогласованїа, откуда походятъ галасы, заченки до сваровъ и заводовъ, почему наибарзѣй послѣдуютъ и злодѣяства, а наипаче подъ часъ такихъ нечестивыхъ зборовъ разнїе дѣлаютелъ ексцесса, яко то блуднїе грѣхи, дѣвства растлѣнїя, беззаконное дѣтей прижитїе, отчого презъ тихъ-же беззаконниковъ, уставуючихъ свое беззаконїе и мерзкїя дѣла, частїе стаются дѣтогубства, за каковыя уможивнаяся нечестивїя беззаконїя явственнѣо праведнаго гнѣва Божїа чапа на всѣхъ насъ изливается, якоже и теперъ, коликолѣтнїи неурожаи хлѣбные, бездождевная суша, многїе надежи скотовъ, въ людехъ тяжнїе болѣзни, еще большїе моровїе губительнїя язвы и страшное повѣтряное время понесла Малая Россїя и прочая поносить многая злоключенїя; сего ради ми таковому богомерзскому чинячомуся беззаконїю ввесь освященный соборъ духовнїи заповѣдаючи и по должности нашей премошному ясновелиможного добро-

дѣя нашего рейментарскому согласуючи унѣверсалу, якоже по всѣхъ малоросійскихъ полкахъ уже суть розислани, илїю упоминаемъ всѣхъ васъ пречестныхъ отцевъ протопоповъ, со всѣмъ духовенствомъ, и властїю консисторїумъ митрополитанскаго кїевского приказуемъ, абїсте пречестности ваши всему духовному чину, власти своей протопопской подсуствующему, поприказовази и пакрѣпко пригрозили вѣшь спецѣфѣкованїямъ богомераскимъ зборомъ вечорничїимъ отъ сего часу не собиратися и непотребныхъ, шкюдячихъ здоровю челоувѣческому, кулачныхъ боевъ не заводити и вѣгдѣ на онне не сходитися, зъ чого не толко множайшия здравїя своего повреждають, лечь и душа своя часто на той безчїинной бойцѣ извергають злѣ, чого ради и хрїстїанского таковїи лишаются належитого погребенїя; аще же бы кто учинился противїимъ заповѣдемъ Божїимъ, премоцному указу монаршому, рейментарскому яспе-велможного добродѣя унѣверсалу и сему отъ всего духовенства нашего консисторскому видапому патенту, такового, за первымъ и вторымъ духовнымъ наказанїемъ, повелѣваемъ пречестностямъ вашимъ властїю духовною отлучати отъ церкви и отъ сообщенїя вѣрнихъ, грядеть бо гнѣвъ Господень на сыны противїивїи и не коенить пагуба ихъ, отъ которой всѣхъ православныхъ хрїстїанъ, церквѣ святой православной восточной покариующихся и хранящихъ заповѣди Божїя, да сохранить Господь, усердствуемъ. При семъ-же еще упоминаемъ пречестности нашей, дабы прежде зъ катедри митрополитанской разослапїе патентїи по премоцному монаршому указу о хожденїи людемъ до церкви и о належитой хрїстїанской исповѣди въ церквахъ прочитованїи били, а не покариующихся укарать, яко преступниковъ монаршого повелѣнїя, по написанной вишѣ, дается власть пречестности вашей.

Туть-же докладаетъ еще и подъ неблагословенїемъ консисторїїскимъ приказуемъ и грозимъ, аби въ пошеделокъ, въ среду, въ пяттокъ дотоль горѣлки и жадного пацїткы не давали, доколь набоженство въ церквахъ, Божїихъ не отправитъ, и жебы кождїй парохїанїинъ мужеского и женского полу до церкви божественной безъ всякаго откладу и домовихъ забавъ ишоль на набоженство и всѣ соборне молилися Господу Богу, жебы Господь Богъ отвратилъ праведнїи свой гнѣвъ отъ насъ. А сие зась повинїи урядовїе перестерегати, жебы въ

пятокъ на торгахъ молоко не тягли и туремнымъ наказаніемъ карати, а для совершенного достовѣрія приказуемъ пречестностямъ вашимъ сей нашъ патентъ въ церквахъ прочитати, а списки по городамъ, мѣстечкамъ и селамъ до дверей церковныхъ прибавати вездѣ. Дать съ катедры свято софійской митрополитанской киевской 1719-го року, іануаря 30 дня.

Свобщ. А. Маревичь.

КЪ ПОРТРЕТУ ИПАТІЯ ПОТЪЯ, КІЕВСКАГО УНІАТСКАГО МИТРОПОЛИТА.

Ипатій (въ мірѣ Адамъ) Потѣй родился въ 1541 году отъ православныхъ родителей. Отець его, Левъ, былъ подскарбіемъ и писаремъ при королѣ Сигизмундѣ I. Въ молодости Адамъ учился въ кальвинской школѣ извѣстнаго въ Литвѣ покровителя протестантовъ, князя Николая Радзивила, а послѣ въ краковской академіи. Окончивъ свое образованіе, Адамъ Потѣй поступилъ на службу къ тому же князю Радзивилу и въ это время измѣнилъ отеческой вѣрѣ, сдѣлавшись прозелитомъ, каковымъ и оставался приблизительно до 35-лѣтняго возраста своего; но затѣмъ снова возвратился въ православіе, оставивъ службу протестантскому паду. Далѣе онъ былъ писаремъ у короля Сигизмунда-Августа, затѣмъ судьей въ Брестѣ и наконецъ достигъ высокаго достоинства—каштеляцтва (брестскаго), съ которымъ обыкновенно соединялось званіе сенатора. Жена была Потѣй на дочери князя Острожецкаго, жившаго на Волыни, и имѣлъ отъ нея дѣтей. Благодаря своей учености и знатному положенію, Адамъ Потѣй находился въ дружественномъ отношеніи съ княземъ Константиномъ Острожскимъ, и вотъ, когда въ генварѣ 1593 г. умеръ владимірскій и брестскій епископъ Мелетій Хребтовичъ-Богуринскій, князь Острожскій убѣдилъ Потѣя, тогда уже вдоваго, принять духовное званіе и выхлопоталъ для него королевскую грамоту на вакантную епископскую кафедру. Въ томъ же 1593 г. въ соборной усненской церкви г. Владимира луцкій епископъ Кириллъ Терлецкій, въ присутствіи князя Острожскаго и другихъ знатныхъ волынскихъ дворянъ, торжественно посвятилъ Адама Потѣя въ монашество и далъ ему новое имя *Ипатія*, а вездѣ затѣмъ король писалъ къ тогдашнему кiev-

скому митрополиту Михаилу Рогозѣ, чтобы опъ немедленно посвя- тить брестскаго каштеляна, >человѣка фамиліи старожитной, спо- собнаго, искусстваго въ греческомъ законѣ и благочестиваго, въ санъ епископа владимірскаго.

Сдѣлавшись епископомъ, Ипатій Потѣй сразу сталъ душою существовавшей уже тогда среди высшего западно-русскаго духо- венства партіи, которая стремилась путемъ подчиненія православ- ной церкви римскому престолу достигнуть такого же почетнаго и внятельнаго положенія, въ какомъ находились тогда въ Польшѣ католическіе бискупы и прелаты. Когда дѣло замышляемой ими уніи было готово къ практическому осуществленію, Потѣй, совмѣстно съ Терлецкимъ, былъ отправленъ въ 1595 г. въ Римъ и здѣсь, предъ лицомъ самаго папы, оба южно-русскіе владыки отъ себя и отъ имени остальныхъ западно-русскихъ епископовъ торжественно привяли унію или соединеніе западно-русской православной церкви съ римскимъ костеломъ, а по возвращеніи ихъ въ отечество, въ октябрѣ 1596 г., былъ созванъ въ Брестѣ соборъ, на которомъ огромнымъ большинствомъ присутствующихъ уніа эта была отверг- нута, а ея виновники—архіереи были осуждены на низложеніе.

Не смотря на это, владыки-уніаты, опираясь на дѣятельную поддержку католическаго духовенства и общества, преимущественно же правительства польскаго, стали насильственно водворять унію и преслѣдовать своихъ противниковъ, православныхъ. Наибольшею жестокостію въ этихъ преслѣдованіяхъ отличался именно Ипатій Потѣй, занявшій по смерти Михаила Рогозы катедру кіевской ми- трополии, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ епархіальнымъ владимірскимъ и брестскимъ архіереемъ: онъ схватывалъ непокорящихся ему православныхъ священниковъ и заключалъ ихъ въ тюрьмы, другимъ непокорнымъ брилъ бороды и головы, третьихъ выгонялъ изъ при- ходовъ и подвергалъ разнымъ истязаніямъ. Съ особенною яростію Потѣй преслѣдовалъ членовъ православныхъ братствъ вилненскаго и брестскаго и ихъ священниковъ и учителей.

Кромѣ преслѣдованій, Ипатій Потѣй дѣятельно пользовался и другими средствами для водворенія въ юго-западной Руси уніи. Въ 1597 г. опъ отнялъ заведенную незадолго предъ тѣмъ въ г. Брестѣ братскую православную школу и преобразовалъ ее въ уні- атскую, а учителямъ къ ней опредѣлялъ привезеннаго имъ изъ

Рима извѣстнаго учелаго уніата, доктора богословія Петра Аркудія, родомъ грека, воспитывавшагося въ римской коллегіи. Это было первое уніатское училище въ западно-русскомъ краѣ. Въѣздъ за тѣмъ, по отнятіи имъ у вилнскаго православнаго братства троицкаго монастыря, Потѣй основалъ при немъ въ 1601 г. уніатскій коллегіумъ или семинарію, первымъ ректоромъ которой былъ нѣкто Петръ Федоровичъ Суреметниковичъ, издавшій въ 1604 г., по порученію Потѣя, книгу подъ заглавіемъ: »Оборона собору осьмаго, флорентійскаго«, направленную противъ издавнаго въ 1598 г. въ г. Острогѣ православнаго сочиненія о томъ-же соборѣ. Наконецъ въ 1609 г. Потѣй основалъ въ г. Владиміръ при сборшій Успенской церкви небольшую уніатскую школу, записавъ на ея содержаніе по 250 злотыхъ ежегодно.

Портретъ Ипатія Потѣя интересенъ, какъ типъ западно-рускаго владыки, магната или пана, отбѣившагося на мірскихъ »лакомствахъ« и вкусившаго обильныхъ тогда »хлѣбовъ духовныхъ«. Мы не видимъ здѣсь ни одной изъ тѣхъ чертъ смиренія, кротости, пощенія и подвиговъ, которыя привыкли соединять съ образомъ святителя русской церкви; видимъ напротивъ слѣды пресыщенія, напыщенности, нѣкоторой даже свирѣпости. Во вѣѣплемъ видѣ и одеждѣ перваго уніатскаго владыки, не смотря на нѣсколько лѣтъ отступничества, не видно еще тѣхъ перемѣнъ, на которыя носягнули его преемники: тотъ-же древне-русскій, низенькій, нѣсколько закругленный клубукъ, таже архіерейская съ скрыжалями мантія, отрощенные волосы на головѣ, усы и борода, и лишь густой рядъ мелкихъ цуговицъ на нижнемъ платѣ, котораго покроемъ опредѣлить трудно, даетъ поводъ заключать, что какая-то перемѣна въ костюмѣ уже начпналась; по крайней мѣрѣ такого платя, похожаго на тогдашній куштунъ, не замѣтно на современномъ портретѣ епископа Кирилла Терлецкаго, который будетъ приложенъ къ слѣдующей книжкѣ. Оба портрета воспроизводятся по оригиналамъ, писаннымъ масляными красками и хранящимся въ портретной залѣ архіерейскаго дома въ г. Холмѣ люблинской губерніи.

ПРИЛОЖЕНИЯ

отъ сотника голтыянского зъ Москвы полученное. По обѣдѣ были у Василя Федоровича Яворскаго камеръ юнкера, и уже одтоль приехали въ 7-мъ часу пополдни.

6. За оправу двоухъ книжокъ: Hugonis Grotii de veritate Religionis Christianae 36 к., Arithmeticae Lambergii 20 к. На перевозъ пошло 11 к. Подаль сего числа въ вечеру князю Шаховскому меморіаль о дѣлахъ гетманскихъ, въ коллегіи иностранной имѣющихся, и о своемъ дѣлѣ прошеніе.

7. Былъ у насъ изъ дворца ея высочества государини царевны Екатерины Иоанновны камеръ юнкеръ Василій Федоровичъ Яворскій, гофъ юнкеръ Василій Ивановичъ Толстой, камеръ пажъ князь Петръ Ивановичъ Гагаринъ, мушкетъ Федоръ Кириловичъ Беледкій, да Иванъ Алексіевичъ, бандуристъ бывшій Петра II императора, зъ которыми довольно гуляли и подишли были. На мило до платя даны 2 к.

8. Ради тезоименитства Михаила Ивановича Новоторжцова у него обѣдали многіе, въ томъ числѣ и я, да уже позно одтоль повернулся до квартери, приехалъ зъ Василевскаго острова на графскомъ буарѣ зъ графскимъ же стряпчимъ Ефимомъ Василевымъ, у котораго такожь по приездѣ немного посидѣлъ. На перевозъ пошло 8 к. Писма получены сегожь числа зъ Глухова отъ ясневелможного и отъ прочихъ.

9. Отосланы писма до папа Полуботка и до пана Якимовича, зъ Глухова жъ принесенныя. На перевозъ Алексію даны 3 к.

10. Отдалъ писмо въ коллегіи Василю Василевичу Степанову, тайному совѣтвику, отъ господина полковника Афанасія Прокофьевича Родищева зъ Глухова присланное. Розышлое на перевозъ и проч. 16 к. Постѣ поддя былъ у сына полковника въ домѣ его въ морской пушкарской, зъ Егоромъ Тимофѣевичомъ Борисовымъ, поддячимъ коллегіи иностранной, который содержитъ рейстратуру, и оной снѣзъ полковничій обѣщаль мнѣ сдѣлать лѣвню, да въ 2 аршина квадратную мѣру.

11. Устиму, графскому квартирмейстеру, даны 15 к. на подонны до чоботъ моихъ красныхъ, подъ которіе имѣеть оны дѣлать подшвы и подборъ.

12. Писаны писма въ Глуховъ до ясневелможного подѣ числомъ 9-мъ и до п. Юркевича о пересылкѣ писемъ отъ Степановъ

до п. теста, до жены и до Стефана въ Перегонъ, да другіе письма подъ числомъ 12-мъ до ясневелможного о обидѣ мнѣ, одѣ Соболевскаго дѣушойся, до п. Скоропадского и до п. Юркевича о одсилціѣ еще писемъ въ Стародубъ и о исправленіи удѣверсалу,—въ Стародубъ до полковника, до обозного полкового п. Есимонтовского, до п. Андрея Миклашевского, до п. Валкевича, до п. Скорупиной, до п. тещи, до жены, до п. Григорія Гамалии, до Стефана въ Перегонъ и до писара судебного Стефала Косача, включа все оныя письма къ нему въ подписанный пакетъ.

13. За зроблене чоботъ прійшовъ остальные денги заплачены 25 к.; на подбой до тихъ-же чоботъ, на сѣрку, на хлѣбъ бѣлій французскій и проч. 8 к., за позанкарка меду питного 37 к. Вышеобъявленные письма одправлены на почтѣ зъ коллегіи иностранной. Въ вечеру были у духовника государыни цесаревны и у пѣвчихъ; потомъ у Григорія Михайлова, слѣпного бандуриста, где довольно лѣто и што, и позно уже одтоль пяніе пріехали въ квартиру.

14. Послѣ полдня были у насъ камеръ-юнкеръ государыни цесаревны Петръ Ивановичъ Шуваловъ, да Нимецъ Василіевичъ и человекъ чотыри пѣвчихъ. Послѣ прибылъ и мушкетеръ царевни государыни Федоръ Кириловичъ Бѣлецкой, зъ которыми довольно шли и были жестоко пьяны.

15. За хлѣбъ французскій бѣлій 4 к. Снѣгъ выпалъ и морозить стало гораздъ.

16. Зъ поранку превеликій былъ туманъ отъ морозу и на водѣ и на землѣ. Въ коллегіи видѣлся зъ п. Полуботкомъ. Розышлося на розницу 12 к.

17. Крыга (ледь) по Невѣ велми шла и весь день и прошлую ночь свѣгъ шлолъ; зъ квартири никуда не ходилъ я сегодня.

18. Въ вочѣ малая Невка, що отъ митного двора, а другая, що отъ выборгской стороны, въ день по полдни въ 2-мъ часу стали. Алексію на его пужды 10 к., да у Козми Якимъ взялъ 20 к.

19. Сего числа чрезъ оныя малые Невки люди переходили, а мы за погодою никуда зъ квартири не ходили, кромѣ что службы въ графской церквѣ слушали. За подшитые подошвы подъ червоныя чоботы даны 16 к.

20. По полувочи въ 2-мъ часу Болная Нева стала, чрезъ которую и начали коло обѣдень люде ходити. Я чрезъ Малую Неву

переходилъ отъ митного двора и бывъ въ коллегіи, писалъ до Уриила и до сотника голтвянского въ Москву. Розышлося на розницу 9 к. За бутылку меду 4 к.

21. Послѣ службы Божой его сіятельство, графъ Головкинъ изволилъ мнѣ говорить, что дѣло мое о деревнѣ подписано и жаловане велено дать. По обѣдѣ былъ у Петра Василіевича и у него просидѣлъ до 10-го часа по полдни зъ Козмою Якимовичемъ, у котораго на Василевскомъ острову и почовалъ. Вигралъ въ карты у бурмистровъ 17 к. За полалкирка меду дано 37 к.

22. Весь день пробавилъ въ коллегіи, дожидаячися Полуботка, которій вчера говорилъ мнѣ, что князь Шаховскій требуетъ, чтобъ я былъ у него. Кремезницкому далъ 10 к. Обѣдалъ у тихъ-же бурмистровъ кіевскихъ. Извоцику даны 3 к.

23. Писанъ лѣтъ до ясневелможного и отправленъ на ординарною почтѣ. Извоцику даны 3 к.

24. Ради тезоименитства государини царевны Еватерины Иоанновны палено зъ пушокъ въ крѣпости и въ адмиралтействѣ и всего выпалено зъ 69. Въ вечеру была везде по домамъ въ окошкахъ чрезъ выставлене свѣчъ иллюминація. Я былъ за большою Невою, а послѣ въ коллегіи; одтоль-же пришедши, засталъ въ кварталѣ нашей Новоторжцова.

25. Грицку, п. Горленка служителю, за поднесенный хлѣбъ отъ него, 30 к., на извоцика 4 к., на оселедцѣ 3 к.

26. Слушали обѣднѣ въ церкви троецкой, где шѣвчіе архирея новгородского сѣвали и посвященъ архимандритомъ невского монастыря намѣстникъ отецъ Симонъ. За хлѣбъ французскій и за кавирь 8 к.

27. Рано былъ въ коллегіи. Послѣ обѣда заездилъ до князя Шаховского, но не засталъ, потомъ былъ у графа Мойсея Ивановича Владиславича. На извоцика пошло 4 к. Въ вечеру были у панича ездовые саржанты государини царевны да Николай Ивановичъ Пузыровскій. Писано писмо до п. Скоропадского зъ посылкою писма К. В. За пять яблукъ 3 к.

28. За хвостнен коло пен 4 к., на извоцика 8 к. Посѣдять Алексія, Славуевого брата, который передъ симъ педомогалъ. Полковника нашего Дурова синъ прислалъ лѣвию и въ два арушца

29. За поланкирка меду 37 к., на извозника 5 к., на каварь 4 к. Петръ Василіевичъ мимоездомъ отъ графа былъ въ кварталѣ нашей. Послалъ Григорія Кремезницкаго къ Косогову и велѣлъ ему объявить прошеніе, написанное да Воейковыхъ, ежели за сукно награжденія не учинять.

30. Въ сей день торжествовали праздникъ кавалеріи російской Андрея Первозваннаго и для того всѣ присутствующіе въ С. П. Бурхѣ того ордина кавалеры сѣдлись въ дворецъ императорскій, где послѣ обѣдни шли въ большую салу парамц, а за ними и сама государыня въ церемональномъ кавалерескомъ платѣ, и у одного стола съ оними изволила кушать. Кавалеры-же именно были сін: графъ Головкинъ—государственный канцлеръ, графъ Остерманъ—вице-канцлеръ, князь Черкасской, графъ Біронъ—оберт-камергеръ, генераль-фелдмаршалъ графъ Христофоръ фонъ-Минихъ и графъ Левенвольдъ—обертъ гофъ-маршалъ, а у другого стола кушали цесаревна и принцесса съ разныхъ чиновъ дамами, у третого-же генералы и другихъ чиновъ мужескъ полъ. До столу играла камеръ музика, и дамы слѣвали, и 5 разъ палили съ пушокъ, кромѣ того что заразъ послѣ обѣдни съ многихъ пушокъ на поздоровленіе кавалерамъ палено. Въ вечеру везде въ окопкахъ свѣчи горѣли. И обѣдалъ у бурмистровъ кievскихъ и одѣ нихъ вечеромъ уже пріехалъ. За хлѣбъ французскій 4 к., извозникамъ 8 к., пращѣ 10 к.

Декабрь.

1. Былъ въ коллегіи, послѣ у князя Шаховскаго, токмо оного въ домѣ не получили. Розышлося на розпицію 6 к.

2. Послѣ полдня въ 3-мъ часу былъ у князя Шаховскаго и писма отдать, передъ симъ отъ Косача писара судового присланныя, где изволилъ сказать, что и стороны дѣла моего графу Головкину и Петру Василіевичу говорилъ.

3. Рапо были у графа Головкина и тамъ обѣдни слушали, одголь пришедши обѣдали у насъ бурмистры и весь депъ мы въ домѣ пробавили. Былъ у наича Адодуровъ, а у мене Ісусъ съ женою своею, да и Федоръ Максимовичъ въ вечеру былъ же.

4. Всечерѣ были у бурмистровъ и довольно подпили, а одѣ нихъ захали до господина Сенявина и у него позабавились до позна. Писали писма къ Греховъ то впереможного, то пана Скоро-

падского, до Юркевича, въ Стародубъ до жены, до Стефана и до Косача.

5. Положилъ у Новоторжцова въ закладъ три червонихъ и взялъ мѣлками 6 р. Были зъ Козмою Якимовичемъ у Сенявина, у Яна воскового майстера и у почтъ-мейстера Аша, где взялъ я и боченокъ мѣнговъ, токмо еще за оныя не платилъ. На розницу розышло 11 к.

6. Гостей принималъ у себе ради именинъ, на которое прїятїе розышло за вино, за рыбу и прочее, до столу купованное, 8 р., и зъ теми жъ гостми весь день прогуляли и до пана попили. На извозчика 8 к.

7. Ради рожденїя государини принцессы Анны молебствовано и палено зъ крѣпости и въ адмиралтействѣ зъ пушокъ. Сей день никуда зъ квартери не ходилъ. Чрезъ Григорїя Кремезницкого, который сего числа изъ С. Ц. Бурха одправился до Глухова, писалъ я до Урїала въ Москву, чтобъ ему исправить подорожную на одну почтовую подводу; ему жъ Григорїю даны 10 к.

8. Алексїй на свою потребу взялъ 27 к., на извозчика пошло 3 к. Читалъ въ коллегїи сочиненїе грамоты на Перегонъ зъ Дешковичами.

9. Тезоименитство государини принцессы Анны праздновано и по молебствїи палено зъ пушокъ. Сегожъ числа пришли писма зъ Глухова отъ ясновельможного при двохъ листахъ въ коллегїю иностранную и при писмахъ до канцлера и вице-канцлера и до князя Шаховского. Вечеромъ были зъ паномъ Горленкомъ у профессора сего математического Крафта.

10. Рано вручилъ я два писма графу Головкину отъ гетмана о сербскомъ капитану Колатайчу и о резолюци на присланные въ коллегїю иностранную зъ прошенїемъ. Алексїю для покупки потребностей къ поезду даны 22 к. По полднѣ вручилъ писма отъ ясновельможного и одъ пана Скоропадского князю Шаховскому, который обѣщался еще къ графу Головкину и господину Курбатову за мною инстанціовать (предстательствовать) въ дѣлахъ моихъ; потомъ былъ у бурмистровъ кїевскихъ. Поданы доношенїя гетманскїе въ коллегїю.

11. Писаны писма въ Глуховъ до ясновельможного, до пана Скоропадского, до пана Юркевича и до пана Забѣлы, судїи енер.,

подъ числомъ 7-мъ; въ Москву до Кремензницкого и до Уриіла, чтобъ опому Кремензницкому всё помянутые письма, такожъ и пакеть, отъ пана судіи зъ Глухова къ нему принесенный, тамъ въ Москвѣ вручили, и оныя письма отправлены въ Москву на почтѣ зъ коллегіи иностранной. Обѣдалъ у бурмистровъ. Розышлося на извозчика и проч. 14 к.

12. Рано былъ у князя Шаховскаго, въ дворцѣ, въ дежурной, где и Иетра Васиіевича Курбатова засталъ и говорилъ мнѣ князь, что половина дѣла моего сдѣлана. Да князь же послалъ офицера въ Сенатъ, чтобъ отправлено изъ Сената указъ въ коллегію иностранную о рудокопныхъ и салѣтрапныхъ въ Малой Россіи заводахъ, чтобъ 10-й долѣ не взымала. Сего числа было погребеніе генералу лейтенанту князю Семѣну Федоровичу Менцерову въ монастырѣ невскомъ, куда шли и 4 полки салдацкихъ пѣхотныхъ, и за тѣломъ шли генералъ фельдмаршалъ графъ Христофоръ фонъ Минихъ и другіе генерали и штабы, и при томъ ходѣ ружье несли всё солдаты обыкновенною погребальною церемонією, а музыка жалобно играла и въ барабаны чрезъ сукно бито. За бутылку меду 4 к.

13. Былъ рано въ домѣ графа Остермана, но не получалъ отдать письма гетманскаго. На извозчика пошло 4 к. Подарилъ Васиію М. Леопіеву каламаръ (чернильницу) и пѣсочницу стекляныя, за которые дано 23 к. Послѣ полдня былъ у графа Мойсея Ивановича, который мене своими сапаями и отослалъ на квартиру.

14. Раво подаль письмо гетмана графу Остерману и въ своемъ дѣлѣ просилъ. Раножъ отвезъ книжку Полустваецъ Новоторжцову, обѣщанный передъ симъ. Обѣдалъ у бурмистровъ. Розышлося 6 к.

15. Никуда зъ квартиры не вѣздить. Былъ у насъ Алексій, Славуевъ братъ, и обѣдалъ.

16. Былъ въ коллегіи и читалъ сочиненіе грамоты на купленные грунты.

17. Праздновалисмо тезоименитство ясновельможнаго, а между тѣмъ пришелъ къ намъ господинъ поручикъ Федоръ Ивановичъ Наковалнинъ, на почтѣ отправившійся въ Кіевъ, чрезъ которого писать я къ ясновельможному и до пана Скоропадскаго.

18. Рано были у ея высочества государини цесаревны Елисаветъ Петровны зъ поздравленіемъ рожденіемъ ея высочества и къ ручкѣ пожалованы. Послѣ полдня изволила ея імператорское

величество визитовать высокою своею особою ея высочество государиню цесаревну, а послѣ и у государинѣ царевни ея жъ величество быть изволила. И у бурмистровъ сѣдаль (завтракать). Розышлоь 6 к.

19. На рогожи до обиваня оконъ, на гвоздки и проч. пошло 23 к. Былъ у князя Шаховского, где послѣ полдня былъ и Петр. Вас. Курбатовъ.

20. Пріймывалъ панъ Горленко слѣного зъ цѣвчими меншими цесаревни. Рано былъ я въ коллегіи, где объявилъ мнѣ Петръ Вас., что грамоту о маестности на рапгъ и приговоръ о жаловапю закрѣпилъ графъ Головкинъ. Былъ я у полковниченка нашего Дурова въ домъ, а одголь ездаль въ домъ полковничій на Василевскомъ острову, будучій въ 21 линіи.

21. Куплено гарусу на лиштвы до опанчи лѣтной за 25 к., да на нитки и мило 2 к. При немъ до Урїила одправленъ пакетъ до пана Юркевича зъ листомъ отъ Полуботка. Сего числа званіи обѣдалисмо у Петра Василіевича Курбатова, ради тезоименитства его, и тамъ доволно удоволствованы.

22. Сей день весь въ кварталѣ пробавиль, толко передъ вечеромъ ездилъ для осмотра кватири, надъ Мойкою, князя Федора Григоріевича Волконского, да на Василевскомъ острову князя Меццарского умершого.

23. Объявленъ мнѣ приговоръ, подписанный о Перегонѣ руками графа Головкина, дѣйствительного тайного совѣтника Х. В. Миниха, тайного совѣтника Василия Василіевича Степанова и канцелярїи совѣтника П. В. Курбатова, который приговоръ и записанъ въ регистратуру подъ симъ числомъ. Сегожь числа панъ Андрей Полуботокъ отобралъ грамоты до гермала и до генерала Наринъина о возвращеніи себѣ сель Орловки, Казиловки и Коровицець¹⁶¹⁾ и зъ нами пожегались. Розышлоь 4 к.

¹⁶¹⁾ Села Орловка (новгородъ-сѣверскаго уѣзда) и Казиловка (сосницкаго уѣзда) отданы были Мазею генеральному обозову Дуингу-Борковскому, по смерти котораго Мазса эти села отнял у его вдовы для себя. Послѣ измѣни Мазепы, Павелъ Полуботокъ усилъ эти села выпросить себѣ, назвавъ ихъ >взятничьями <. Черезъ 15—16 лѣтъ дѣти Борковскаго пожаловались Вельямину, который и возвратилъ имъ эти села. Здѣсь, какъ видимъ, иностранная коллегіа вновь отбираетъ ихъ у Борковскихъ для Полуботковъ. Село Коровицы (роменскаго уѣзда) отдано было Мазею въ 1689 г. лубенскому полковнику Иллариону по смерти

24 Розышлося на штофъ водки гданской 1 р. 50 к., за боченокъ міноговъ передъ сямъ взятыхъ 1 р. 50 к., за хлѣбъ французскій и на извозника 13 к., за мите рубашокъ 10 к. Сего числа панъ Полуботокъ отехалъ къ Москвѣ.

25. Въ сей день Рождества Христова всеношное и утреню правили въ кварталѣ, а службы Божой слушали въ церквѣ домовой графа Головкина, и послѣ его и другихъ тутъ случившихся поздравляли; потомъ графъ отехалъ въ дворецъ къ государынѣ, куда также и паничъ съ паломъ Горленкомъ съѣздили. Послѣ обѣда были у господина Курбатова и у господина Стефанова. Писанные письма подъ завтрашнимъ числомъ до ясневслможного съ привѣтствіемъ и съ 2 цедулами о поздравительныхъ писмахъ и объ отвѣтѣ противъ посланной грамоты, взглядомъ требованія на генераль фелдмаршала и проч., да до пана Скоропадского и Юркевича одправлены на почтѣ въ Москву къ Урилу въ письмѣ до него подписанномъ. На извозника розышлося 7 к.

26. Рано съѣздили до князя Черкасского, до господина генерала Ушакова и до Стефана Федоровича Апраксина, а послѣ были зранажъ у вице канцлера графа Остермана. Розышлося зрана 9 к.

27. Были рано у князя Шаховского, а потомъ я былъ у графа Савы Владиславича и у Мойсея Ивановича, одтоль засѣдлѣ къ Алексѣю, Славуевому брату, и въ коллегію. На извозника пошло 4 к. Въ коллегіи видѣлъ подписанный приговоръ о выдачи мнѣ жалованя подъ числомъ сего мѣсяца 22-мъ.

28. Ради рожденія жены моея были у мене гостѣ, для которыхъ принятія обѣдъ былъ готованъ. Пошло на мясо, медъ, пиво, вино и проч. 4 р. 65 к. Писаль письмо въ Глуховъ до пана Скоропадского съ цедулою о пол. и оно одправлено съ писмами пана

котораго Мазена отобралъ у дѣтей его Коровинцы для племянника Обдковского. Послѣ извѣны Мазены село это выпросилъ себѣ Павелъ Полуботокъ, съ дѣтьми котораго однѣ изъ потомковъ Иляшенка, роменскій сотникъ Семень Остаховъ (родопачальникъ Ласкевичей) началъ за Коровинцы тяжбу, которую, какъ мы видѣмъ здѣсь, проигралъ. Это не помѣшало мужу ввучи Останова, Андрею Полятикѣ предъявлять къ Полуботкамъ, въ 1742 г., новый искъ за Коровинцы и въ 1749 году искъ этотъ выигравъ. Наслѣдники Полуботокъ—Милорадовичи пытались было возобновить тяжбу за Коровинцы, но по совѣту опытныхъ людей отказались отъ этого, и Коровинцы остались у потомковъ Иляшенка.

Андрея Горленка на почтѣ, чрезъ которую и до ясновельможного зъ коллегіи иностранной одправлена грамота о опредѣленіи на мѣсто Львова, въ судъ сперальный, Ивана Сепявина.

29. Рано ездилъ къ Архіерею новгородскому, но не получили его видѣть; потомъ заехали до бурмистровъ и у оныхъ снѣдали. Послѣ былъ я въ коллегіи и въ кварталѣ у Егора Тимофеева Борисова, который рейстратуру содержитъ. Кушилъ цару запонокъ за 80 к. На извозника 5 к. Зъ сего числа въ ночѣ вѣхалъ зъ Санктъ Штербурха князь А. І. Шаховскій въ указную себѣ до слободскихъ полковъ дорогу.

30. Получены письма зъ Глухова отъ ясновельможного, одъ пана Скоропадского и прочихъ, а при оныхъ и доношенія въ коллегію иностранную подлежащыя.

31. Дано мнѣ жаловане зъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ 30 р. денегъ и косякъ лудаву ¹⁶²⁾ блакитного въ 14 р. Розшилось на извозниковъ 14 к. Въ вечеру былъ у Петра Василіевича и подаль доношенія гетмапскіе въ коллегію подлежащыя.

Конецъ 1732 году.

Съ Богомъ годъ 1733.

Генварь.

1. Раво поздравляли графа Головкица и потомъ паничъ зъ п. Горлеякомъ отехали во дворець, а я слушалъ обѣдни въ церкви троецкой, где архіерей новгородскій зъ прочими служилъ молебствіе, по которого окончаніи палено зъ многихъ пушокъ въ крѣпости и въ адмиралтействѣ. Столъ былъ для господъ первѣйшихъ и дамъ во дворцѣ государини, при которого одправленіи палено многожды зъ 15 пушокъ; а въ 8-мъ часу по полудни былъ передъ дворцемъ на Невѣ фейерверкъ и везде по домамъ, а особливо все адмиралтейство убрано было фонарями презрядно для иллюминаціи. Я послѣ того былъ у Петра Василіевича зъ бурмистрами кievскими до 12 часа. Сегодня посѣщаль мене нашего полковника сынъ Иванъ Александровичъ Дуровъ, зъ которымъ я и во дворцѣ былъ въ салѣ.

¹⁶²⁾ Шерстяная ткань.

Сего-жъ числа розышлось—дано Алексію и козаку Николаю по 50 к., итого 1 р., Петру хлопцю, слугамъ и проч. 50 к., людямъ Петра Василіевича 30 к., Алексію Войничовому 20 к. На хлѣбъ французскій 6 к. Паничу подарилъ купленные передъ семь запонки.

2. За два календаря петербургскіе 24 к., за два трактаты зъ персидскимъ государствомъ росейской імперіи 24 к. На извозчика 4 к.

3. Былъ въ коллегіи и видѣлъ сочиненіе грамоты на Перегонъ и протоколы въ моихъ дѣлахъ, тако-жъ грамоту сочиненную до гетмана о присягахъ. На извозчика пошло 10 к., на мясо 12 к. Въ вечеру былъ у преосвященнаго іркутскаго Пероповича, а послѣ у уставщика государыни цесаревны Ивана Петровича.

4. Писано письмо къ Урину подканцелярису въ Москву, зъ одравою писма-жъ одъ мене до п. Полуботка, зъ листами къ нему-же одъ енерала графа фонъ-Вейзбаха и одъ п. Турковского, писара енералнаго. Взялъ позыкою для переписаня книгу, зовемую «Литописецъ Келесній» покойнаго преосвященнаго Дмитрія, ростовскаго митрополита,—у Ивана Петровича, уставщика надъ пѣвчими государыни цесаревны, и къ нему о вызыченю тоей книги писалъ карту, что по переписаню оную отдать я долженъ. Розышлось на извозника 7 к., на хлѣбъ бѣлій французскій и свѣчи 9 к.

5. Возили грамоту до поднеси къ графу Головкину на Перегонъ написанную, но оная сего числа не подписана. Отець Адамъ въ 3-мъ часу по полудни въ домѣ архіерея новгородскаго на Василевскомъ острову умре. Куплено мяса за 20 к., на извозника 3 к. Былъ въ квартирѣ нашей Александръ Гудовичъ, до котораго отъ отца чрезъ прапорщика Арсеніева пристаны писма, но со мною не видѣлся.

6. Въ 12-мъ часу по полуночи отправлено водосвятіе на Невѣ, противъ зимняго дворца, у мѣста нарочно для того устроенаго, где и полки квадратами были устроены, и когда водосвятіе окончалось, то по учиненію ракетною сигналу выпалено въ крѣпости и въ адмиралтействѣ зъ 41 пушки, а послѣ на лѣду зъ 21 пушки поставленныхъ палено-жъ, а потомъ полки бѣглимъ огнемъ и вновь зъ тихъ-же пушокъ, а послѣ полки, тако-жъ и третій разъ зъ оныхъ же пушокъ и полки выпалили; и тако оная церемонія благополучно окончалась. Паничъ (П. Апостоль) обѣдалъ у графа Савы Влади-

славича, а у мене обѣдалъ Ивиховъ и принесъ мнѣ копію протоколу о Перегонѣ зъ Демковичами. Извоцику даны 3.

7. Обѣдни слушали въ церквѣ св. апостола Андрея Первозванцова на Василевскомъ острову и обѣдалъ у бурмистровъ кievскихъ, купно зъ Новоторжцовымъ и Леонтьевымъ и ихъ женами. Потомъ былъ у сина полковника нашего старод. Івана Александровича Дурова и отъ него вышелъ, заходилъ къ Алексѣ, Славуевому брату. Послѣ пришелъ на квартиру уже поздно. На извоцика розышло 10 к. Отца Адама, що у преосвященнаго новгородскаго былъ (Зерникава?), поховано въ певскомъ монастырѣ.

8. Писаны писма одъ мене до ясновельможнаго, до п. Скоропадскаго и до п. Юркевича въ Глуховъ и одиравлены на ординарной почтѣ. На хлѣбъ французскій 8 к., на извоцика 3 к.

9. Былъ рано у Петра Василевича, а послѣ въ коллегіи и зъ Кричевцемъ ходилъ по гостинному двору. Розышло на розницю 11 к.

10. Грамоту отарытую на Перегонъ закрѣпилъ государственный капцлеръ графъ Головинъ. Сего числа пожегнались зъ преосвященнымъ епископомъ іркуцкимъ отцемъ Інокентіемъ Нероновичемъ, у котораго до поздна гуляли, и уже въ 9-мъ часу по полдни прѣехали въ домъ. Розышло 12 к.

11. Отобралъ въ коллегіи грамоты 4, отворчатую на Перегонъ, да запечатанные до гетмана о опредѣленіи есла на рангъ, о присягахъ и о селѣтрѣ, тако-жь о томъ всемъ и до генерала Нарышкина три грамоты. Былъ рано у Александра Гудовича и у него обѣдалъ. Розышло на розницю 17 к. Сторожу коллежскому 10 к. Сего числа посланы къ гетману и къ генералу Нарышкину на почтѣ грамоты о вистатченію 800 людей для рубки лѣсу и отведенію лѣсу въ полку черниговскомъ, албо о найму такового-жь лѣсу у поляковъ.

12. Обѣдалъ у капитана гвардіи Івана Ивановича Косогова и зъ нимъ простившись, былъ у другихъ зъ пожегналіемъ (для прощанья). Былъ также и въ домъ преосвященнаго новгородскаго за интересомъ пана Лисаневича, но ничего не получилъ. Вечеромъ былъ зъ п. Андр. Горленкомъ у духовника государини цесаревны, зъ нимъ и зъ другими того дому для пожегнанія, где въ квартирѣ слѣпотаго бандористы (Любиства) жестоко, при жекнганію, пощили; тутъ-же былъ и Александръ Ивановичъ Шуваловъ камеръ-юнкеръ.

13. Отобралъ въ коллегіи на пять ямскихъ подводъ прогоновъ до самого Глухова 18 руб. 15 коп., а о дачи зъ ямской канцеляріи подорожной на тые подводы послала въ ту канцелярію изъ коллегіи иностранной промеморія, токмо-жь написано въ подорожной двойные прогоны и для того я нанялъ къ Москвѣ подводы двѣ пары за 7 р. 50 к. Даль за труды Инихову 4 р., Стражеву 1 р., Борисову 1 р., Новоторжцову 2 р., салдатамъ коллежскимъ 1 р., сторожу коллежскому старому 20 к., салдату посланному за подорожною 10 к., конистамъ коллежскимъ на общину ихъ 1 р. Розышлося 5 к. Обѣдалъ сего числа у его сіят. графа Савы Владиславича, который приказалъ отослать мнѣ на дорогу 6 бутелокъ вина краснаго, да поланкерка водки, а самъ изъ своихъ рукъ пожаловалъ чаю фунтъ. Графъ Мойсей Ивановичъ далъ мнѣ вежелъ въ Москву на 50 р., и потомъ я у оныхъ отобравши писма, пожегнался и отойшовши былъ въ разныхъ мѣстахъ для отобранія писемъ и пожегвала, въ томъ числѣ и у Ивана Юркевича оберсекретаря, долго въ почъ просидѣлъ. Хлощю его 10 к.

14. Обѣдни слушалъ въ графской церкви, а послѣ обѣда одклонился Василию Вас. Степанову, въ которого домъ московскій приобѣщалъ прислать куфу горѣлки, потомъ сидѣлъ не мало у Петра Василіевича.

15. Раво взялъ другую подорожную зъ коллегіи иностранной на проездъ, которую и послалъ чрезъ салдата коллежского въ полицію, которому дано 22 к. для запечатованія. Покуплено—голову цукру 75 к., чолки валенія 1 р. 10 к., на золото и кистѣ до грамоты маліовала 75 к., за кусокъ арапа табаку для папа Ивана Марковича 1 р., для егожь картузногожь табаку 1 р., шапѣрь 70 к., да два шапіры подтѣйшого 42 к., за мелничку для папа Скоропадского 1 р. 32 к., за два платки блажитные 90 к., за 500 оселедцовъ копчельхъ 50 к. Для покушки потребностей для дороги 2 р. Въ коллегіи со всѣми пожеггнане учипивши, обѣдалъ у бурмистровъ кіевскихъ, а израна отклонился графу Головкину, въ вечеру же Петру Василіевичу, которому и поднесъ за труды 4 кубки сръбные, а онъ мяѣ подарилъ кошулю (рубеху) колмицкую баранковъ бѣлыхъ. Радіону 50 к.

16. За поланкерка канарсенту 6 р., за два штофа гданской водки 3 р. Зоставилъ при писмѣ меморіаль пану Горленку о дѣ-

лахъ, оставшихся въ коллегіи иностранной. Козмѣ Книжмовичу вручилъ-челобите папа Чернолуцкого и свой интересъ. Обѣдалъ у павича въ кварталѣ, а прежде обѣдали подписалисмо контрактъ. Послѣ, пожекгнавшись со всѣми, вѣхалъ въ 3-мъ часу по полудни и заездилъ къ Гудовичу, которому и писмо отъ себе вручилъ о доправцѣ 10 р. дснегъ или 5 аршинъ сукна тонького па адютанту семеновского полку Воейкову; потомъ заездили до отца Василя Щербацкого священника, что въ левскомъ монастырѣ, а отъ него прямо прибыли въ ямскую, гдѣ зѣ цаломъ А. Горленкомъ по доволныхъ розговорахъ пожекгнались и розехались въ полъ 8-го часа по полудни. Пану Грифскому позичилъ 2 р. При вѣздѣ зѣ С. П. Бурской квартери Василю маляру, которій робилъ коло грамоты, да и обѣщаль портреть государыни, за роботу 1 р. Капралу коллежскому Пет. В. Соболеву 10 к., Дмитру хлопцю 20 к., Петру 10 к., молодикамъ Павла Ивацовича Апостола 40 к., на пиво въ ямской 3 к. Вѣхавши зѣ ямской, прибыли до Ижоры въ началѣ 12-го часу, одголь поехали въ полъ 4-го часа по полуночи о 30 вереть.

17. Прибыли въ деревню Болотное, где спочивали, а одтуду въ деревню Чудово помѣщика Путилова въ 110 вереть одъ Питера, и тутъ почовали; одголь вѣхали по полуночи въ 3-мъ часу и прибыли

18. Въ исходѣ 7-го часа въ деревню Пудицу и тутъ обѣдали, о 25 вереть отъ Соснинской приставы и отъ почлегу въ 34 версты; одголь вѣхавши, прибыли въ 12 часу до Новгорода, о 45 вереть, въ началѣ 5-го пополуднѣ, где на кварталѣ посѣщали мене Василю Федоровичъ Кудримонтовскій да отецъ Ефремъ. На пиво 3 к.

19. Былъ въ церквѣ соборной и видѣлъ тутъ лежащихъ цетленныхъ матку и сына князей фундаторовъ с. Софін, той соборной церкви. Розышлося на розные покушки 98 к. Тамъ-же въ Новгородѣ пообѣдавши кунно зѣ Василемъ Федоровичемъ на моей кварталѣ, взялъ росписку у ямщиковъ и одехалъ одголь по подни во 2-мъ часу, а прибылъ въ Бробицы въ 4-мъ и тутъ стали на почъ о 25 вереть; тутъ-же на пиво и проч. 5 к. Одголь въ 11-мъ часу передъ полуночю поехали и прибыли.

20. Въ концѣ 8 часа до яму Крестцовъ, о 63 верети, где и обѣдали; тутъ на хлѣбъ, пиво и проч. розышлося 30 к.; тутъ-же зехался зѣ княгинсю Хованскою, которой служитель Иванъ Ивацовъ

Сафдюковъ далъ намъ карты, да тутъ перелили карнаментъ въ другое барилаце не безъ убытку. Одтоль вѣхали въ 1-мъ часу по полудни и прибыли на ночь въ деревню Родвино помѣщика Лва Семіоновича Зіновіева, о 23 версты одъ Крестцовъ; тутъ въ Родвинѣ у крестьянина Ефима Василюва куплено блюдо и талѣрка цѣповые за 40 к. На хлѣбъ розышло 3 к.

21. Въ 12 часу одтоль вѣхавши, прибыли въ 6-мъ по полуночи до Волдаи, о 36 версты, и тутъ обѣдали. На хлѣбъ и мясо пошло 13 к.; одтоль вѣхали въ 1-мъ часу по полудни и прибыли въ село Юдрово, о 24 версты, и тутъ ночовали; за постоялее дано 2 к.

22. Зъ Едрова вѣхавши въ 4 часу по полуночи, прибыли въ деревню Куженицу, о 27 версты, и тутъ обѣдали. Розышло на пиво и проч. 6^{1/2} к. Одтоль вѣхали въ 11 часу и прибыли въ Вышний Волочокъ 5-го часа по полудни; тутъ ночовали, о 47 версты одъ попасу. Розышло 6^{1/2} к.

23. Зъ Волочка въ 1-мъ часу по полуночи вѣхавши, прибыли на обѣдъ въ 8-мъ часу въ деревню Каменку князя Якова Василювича Сибѣрскаго, о 47 версты; тутъ розышло на мясо, квасъ и проч. 14 к. Одтоль вѣхавши въ исходѣ 12 часа, прибыли по полудни въ 5 часу до деревни Марисна князя Івана Алексіевича Долгорукова, о 41 версту отъ попасу обѣднаго; тутъ розышло на пиво и проч. 4 к.

24. Во 2-мъ часу вѣхавши зъ ночлегу, прибыли въ Тверь, о 38 версты, и тутъ обѣдали; тутъ-же розышло на хлѣбъ и проч. 24^{1/2} к. Одтоль вѣхали въ 2 часу и прибыли до Городиѣ въ 5-мъ часу, о 31 версту, и тутъ ночовали. Розышло 3 к.

25. Въ 12 часу почи вѣхавши зъ Городиѣ, прибыли до Клину въ полъ 8 часа по полуночи, о 55 версты; тутъ на мясо 14 к., тутъ-же обѣдалъ я у воеводы здешнаго Глѣба Прокофіевича Родищева, одъ котораго и писмо къ брату его Афанасію Прокофіевичу въ Глуховъ отобралъ, такожь и чолки валеные; жена оного воеводы именемъ Назаріевна. На пиво 2^{1/2} к. Зъ Клину вѣхавши въ 2 часу по полудни, прибыли до Пешокъ въ полъ 6-го часа, за 31 версту.

26. Въ исходѣ 1-го часа по полуночи вѣхавъ зъ Пешокъ, прибыли до Черной въ полпята часа, о 25 версты. Тутъ розышло 4 к. Одтоль вѣхавши въ 8-мъ часу, прибыли въ Москву въ исходѣ 11 часа, и тутъ сталъ я евангеліемъ на Мясницкой, по мѣрѣмъ по

логодского и каширского архіерея, преосвященного Веніамина Сахновского; тутъ-же засталъ отца Іова, который былъ діакономъ при покойномъ Кролику. Ездилъ въ домъ графа Савы Владиславича, отдалъ письмо и ключъ съ С. П. Бурха присланные до Лянда, потомъ былъ въ монастырѣ Богоявленскомъ у грека Савы Петровича и отобралъ у него по векселю графа Мойсея Ивановича Владиславича 50 руб. денегъ. Отъ него ездилъ до купчина Дементія Прохоровича и до невестки полковничей Катерины Андресвны въ домъ полковничій-же, за Пречистенскими вороты, у Іліи Обыденного будущій. На извозчика пошло 4 к., Алексію дано 4 к., цилюрику 4 к. Съ извозчиками, панятыми изъ С. П. Бурха, расплатка učinена, на которыхъ пошло всѣхъ денегъ 7 р. 85 к.

27. Рано ездилъ до Урилла подканцеляриста и съ нимъ приехавъ въ коллегію; тутъ кланялся ассесору Семену Ивановичу и письмо подалъ секретарю Ивану Тимофѣевичу Аврамову отъ Повоторжцова. Писана въ Имскую промеморія о выдачи мнѣ на двѣ почтовыхъ, а подъ люде на 3 ямскія подводы. На извозчика пошло 6¹/₂ к. Подячему Имской канцелярѣи 8 к., Миколаю Евдокимову 1 р. Куплены три футра, завойковое и шлямовое, лисія да попеличье, дано за оныя 36 р. Куплены 12 талѣрокъ, 8 полумисковъ (а до нихъ придано двѣ талѣрки старыхъ и полумисочокъ въ замѣнъ, и въ нихъ вѣсу пудъ, а въ придаточныхъ было 4¹/₂ фунта), дано за то 7 р. 48 к. За двѣ штуки івановского полотна 2 р. 6 к., за полотна сѣтчанаго 30 аршинъ 90 к., за штуку полотна ровного 98¹/₂ коп. За осытра въ полтора пуда 1 р. 35 к. За двое дверецъ желѣзныхъ до печей 90 к., за заслонку желѣзную 45 к., за 17 фунтовъ кавяру 1 р. 36 к.

28. Обѣдалъ у полковника Василія Степановича Батурица, где и съ сыномъ его Сергіемъ, солдатомъ ізмайловского полку, разговаривали по латинѣ; тутъ же обѣдалъ съ нимъ и сѣвичанинъ Іваць Івановъ Драній. На извозниковъ пошло 15 к. Вечерилъ у графа Ефима Ивановича Владиславича, купно съ Николаемъ Павловичемъ Крестичемъ, и позабавились разными разговорами до 12-го часа.

29. Куплены саши съ козиркомъ, дугою и оглоблями за 5 р., за дровни подъ коляску дано 30 к., извозникамъ 26 к. Взялъ письмо у Николая Павловича заимное Трусовичево о доправкѣ на пемъ десяти рублей. Вечра запялъ денегъ 30 в у Савы Петровича

Діакра грека. За стонжки и тязму до шабли 2 р. 71 к., за цѣбную тріодь 90 к., на расходъ харчевый и дрова и проч. розпылось 1 р. 50 к. Алексію до росчоту за службу его дано 4 р., за кошелки 2 $\frac{1}{2}$ к. Павелъ Якимовичъ Якумогло далъ мнѣ на дорогу сира, закусокъ и чотиры рубли денегъ. За канчукъ 5 $\frac{1}{2}$ к. Писаль письма до пана Горленка и до Козми Якимовича въ Санкт-Петербургъ и отправилъ оныя на почтѣ зъ коллегіи іностранпой. За пудъ мила 1 р. 40 к., за 3 золотники кокцинелли 20 к., за 25 аршинъ цѣблеху пасятого 2 р. 50 к. Всечеру былъ у ассессора Семена Івановича и отобралъ у него писмо къ ясеневомоужному.

30. Салдатамъ, що привели почту, дало 15 к., за двѣ жестянки табаку 80 к., извощикамъ 12 к. Бувъ у генералини Фамипципой Софіи Казимировны и видѣлся зъ дѣтми ся Андресмъ Юревичемъ и Евдокією Юревною въ домѣ ихъ за Пречпетевскими вороты; бувъ же и у отца Мины Григоріевича, ключара успенского, который мнѣ и полсіюмти подарилъ; у него же видѣлся зъ секретаремъ Семеномъ Перфилиевымъ и бывшимъ генерала Кортчина адютантомъ Іваномъ Даниловымъ Докторовымъ. За пиво на дорогѣ 20 к., за тюмъ китаю 7 р., за двѣ куницы 3 р. Сего числа віехалъ изъ Москви на почтѣ и переехалъ до свѣта три станы почтовые.

31. Свѣтомъ зъ Ликова, где станъ почтовый, выехавъ, прибылъ до Добрыхъ, а одтоль до Калуги; зъ Калуги около вечерень віехалъ и обехавъ обозъ пана Полуботка, ~~приехалъ~~ ~~ночью~~ ~~зъ~~ ~~длинъ~~ и прибылъ свѣтомъ до Беліова.

Февраль.

1. Зъ Беліова рано віехалъ, прибылъ около полддя до Болхова; одтоль, ради того, что пьяный случился почтарь и что стала быть метель, принужденъ, захавни въ сторону до села Локны помѣщиковъ графа Платона Мусина Пушкина и князя Григорія Волконского, тутъ почовать, и уже одтоль

2. Свѣтомъ віехалъ, прибылъ до Глотова, а одтоль до Карачева въ 12-мъ часу пополдни; тутъ розпылось 4 к. Зъ Карачева въ началѣ 3-го часа выехалъ, прибылъ до Сомова смеркомъ, а одтоль до Часнки, и тутъ ради метелици принужденъ почовать.

3. Зъ Часнки въ 6-мъ часу пополувочи прибылъ на почту Любошеную въ 2-мъ часу по полдни, а одтоль до Сѣвска въ 8-мъ